

**№12 (209), вып. 26
Июнь 2015**

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

Издатель:
НИУ «БелГУ»

Издательский дом «Белгород»
Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС 77-50062 от 29 мая
2012 г.

Выходит 4 раза в год.

Главный редактор

О.Н. Полухин,

ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Научный редактор

В.М. Московкин,

профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических
наук

Ответственный секретарь:

О. В. Шевченко

зам. начальника УНИИ НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

А. П. Короченский,
декан факультета журналистики
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

Заместители главного редактора:

И. А. Нагорный,
профессор кафедры русского языка
и методики преподавания
историко-филологического факультета
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philology Journalism Pedagogy

Psychology

Содержание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Функциональная перспектива высказывания:
индексально-знаковая функция частиц.

И.А. Нагорный 5

Внутрителесная лингвистика и русскоязычные
дискурсивные практики. **В.К. Харченко 15**

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Семантические особенности английской лексики
в территориальных вариантах французского языка
Африки. **Ж. Багана 26**

Анализ аппроксимативных и интенсификативных
элементов в структуре немецких безличных
предложений. **О.В. Кузьмина,
Т.М. Пристинская 36**

Проблема соотношения смысловых сфер фрейма
ВОССТАНОВЛЕНИЕ в современном английском языке.
Н.С. Мирошниченко 47

Паремии как эффективное средство фразеологической
репрезентации концептов ТРУД/ЛЕНЬ в современном
английском языке. **О.С. Погорелова 55**

Концептуальная метафора как инструмент
исследования содержания концепта (на материале
французского языка). **Т.Е. Соболева,
Ю.Е. Ломоносова 61**

Темпоральные предлоги в концепте ВРЕМЕНА ГОДА.
Е.А. Ухналёва, С.А. Мусеева 68

Лингвокультурологические особенности
прилагательных полимодальных ощущений
во французском, английском и русском языках
Е.Ю. Яровая 74

О. Н. Прохорова, директор Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ», доктор филологических наук, профессор

И. Ф. Исаев, заведующий кафедрой педагогики НИУ «БелГУ», доктор педагогических наук, профессор

В. В. Гребнева, заведующая кафедрой психологии педагогического факультета НИУ «БелГУ», кандидат психологических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

М. Геруля, доктор гуманитарных наук, профессор Силезского университета, Катовице и Высшей гуманитарной школы, Сосновец (Польша)

К. Жиро, доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (Испания)

В. И. Лозовая, доктор педагогических наук, профессор Харьковского национального университета, член-корреспондент Академии педагогических наук (Украина)

У. Перси, доктор филологии, профессор Университета Бергамо (Италия)

А. А. Тертычный, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Московского государственного университета

Консультант

Е. А. Кожемякин, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

А. О. Лавриненко

Оригинал-макет **А. О. Лавриненко**,
Н. А. Гапоненко
E-mail: Korochensky@bsu.edu.ru
Подписано в печать 03.06.2015
Формат 60×84/8
Гарнитура Times New Roman
Усл. п. л. 19,99
Заказ 168
Цена свободная
Тираж 1000 экз.
Дата выхода 19.06.2015

Подписной индекс в Объединённом каталоге «Пресса России» – 81466

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в Издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Праздник как коммуникативное событие (на примере празднования Нового года и Рождества).

Н. В. Глевкая 84

Фашистские вожди в публицистике Ильи Эренбурга.

В. Ю. Меринов, Д. В. Световой 93

Медийные персонажи в фокусе: о ком пишут

журналисты? **А. Г. Пастухов 102**

Популяризация научно-технических знаний и достижений в довоенной молодёжной прессе

Удмуртии. **Г. И. Старкова 113**

Контент и композиционные элементы англоязычных медиатекстов группы «FEATURE» (на примере качественной периодики Великобритании).

А. А. Черкашина 120

ПСИХОЛОГИЯ

Особенности антиципационно-прогностической системы в подростковом возрасте.

А. И. Ахметзянова 129

Методика исследования редукции достижений в условиях служебной деятельности (СОРДсд).

В. Б. Никишина, С. А. Сироткин, А. А. Кузнецова, Ю. В. Золотухина 137

Исследование стратегий совладания с трудной жизненной ситуацией на примере студенческой молодежи Чеченской республики.

Е. Ф. Сердюкова 145

Путь к идеалам личности: персонологическая модель исследования.

Т. Н. Разуваева, Е. А. Шевченко 152

The meaning of naturalistic beliefs for the Atheists' psychological wellness. **И. И. Ягияев 159**

Сведения об авторах **168**

**№12 (209), Issue 26
June 2015**

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education
«Belgorod State National Research University»

Publisher:

Belgorod State National Research University

Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher, letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77-50062 May 29, 2012
Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editor

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

Assistant Editors

Shevchenko O. V.,

Deputy Head of Scientific and Innovative Activity Department of Belgorod State National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor:

A. P. Korochenskiy,

Dean of Faculty of Journalism, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Humanities

Philology Journalism Pedagogy Psychology

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика
Психология

Contents

RUSSIAN PHILOLOGY

The functional perspective statement: indexical-significant function of a particle. **I. A. Nagorny 5**

Intracorporal language and Russian language discourse practices. **V.K. Kharchenko 15**

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

Semantic features of the English vocabulary in the territorial variants of the French language in Africa. **J. Baghana 26**

The analysis of the approximation and intensification elements in the structure of the German impersonal sentences. **O.V. Kuzmina, T.M. Pristinskaya 36**

The problem of correlation of semantic spheres of frame RECOVERY in modern English. **N.S. Miroshnichenko 47**

Proverbs as an effective means of phraseological representation of concepts LABOUR/LAZINESS in modern English. **O.S. Pogorelova 55**

Conceptual metaphor as a means for concept content study (the case of French language). **T.Y. Soboleva, Y.Y. Lomonosova 61**

Temporal prepositions in the concepts SEASONS. **Y.A. Ukhmal'yova, S.A. Moiseeva 68**

Lingvo-cultural features of the Polymodal senses attributes in the French, English and Russian languages. **Y.Y. Yarovaya 74**

Deputies of chief editor:

I. A. Nagorniy,

Faculty of History and Philology, Department of Russian Language and Teaching, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

O. N. Prohorova,

Director of Institute of Intercultural Communication and International Relations, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

I. F. Isaev,

Faculty of Psychology, Head of Department of Pedagogics Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

V. V. Grebneva, Head of Department of Psychology, Faculty of Pedagogy, Professor (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M. Gierula,

Doctor of Humanities, professor of Silesian University, Katowice, professor of High School of Humanities, Sosnowiec (Poland)

X. Giro,

PhD, professor of Autonomous University of Barcelona, director of Department of Mass Media, Communication and Culture (Spain)

V. I. Lozovaya

Doctor of Pedagogy, professor of Kharkov National University, member of Academy of Pedagogical Science (Ukraine)

H. Persi,

Doctor of Philology, professor of University of Bergamo (Italy)

A. A. Tertychniy,

Doctor of Philosophical Sciences, professor of Faculty of Journalism of Moscow State University

Consultant:

E. A. Kozhemyakin,

Faculty of Journalism, Head of Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations, Doctor of Philosophical Sciences, professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary:

A. O. Lavrinenko

Dummy layout by A.O. Lavrinenko,
N. A. Gaponenko
e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Passed for printing: 03.06.2015

Format: 60×84/8

Typeface: Georgia, Impact

Printer's sheets: 19,99

Order: 168

Price: free

Circulation: 1000 copies

Date of publishing: 19.06.2015

Subscription reference in The Russian Press
common catalogue – 81466

Dummy layout is replicated at Publishing House
"Belgorod", Belgorod State National Research
University
Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015,
Russia

JOURNALISM AND PR

Holiday as a communicative event (New Year and Christmas holiday). **N.V. Glevkaya 84**

Fascist leaders in Ilya Ehrenburg's publicism

V.Y. Merinov, D.V. Svetovoy 93

Media figures in focus: who do the journalists write about?

A.G. Pastukhov 102

Popularization of scientific and technical knowledge in pre-war youth press in Udmurtia. **G.I. Starkova 113**

Content and composition elements of feature articles in English media texts (by an example of British quality press). **A.A. Cherkashina 120**

PSYCHOLOGY

Features of anticipatory and prognostic system in adolescent age. **A.A. Akhmetzyanova 129**

Research methodology for the reduction of achievement in the conditions of service performance (SARAcP).

V.B. Nikishina, S.A. Sirotkin, A.A. Kuznetsova, Y.V. Zolotukhina 137

Study of coping strategies with a difficult life situation as an example of students of the Chechen Republic.

Y.F. Serdyukova 145

The path to personal ideals: personological research design.

T.N. Razuvaeva, Y.A. Shevchenko 151

The role of Naturalistic Beliefs for the Atheists' Psychological Wellness **I.I. Yagiyayev 159**

Information about Authors **168**

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ИНДЕКСАЛЬНО-ЗНАКОВАЯ ФУНКЦИЯ ЧАСТИЦ¹

THE FUNCTIONAL PERSPECTIVE STATEMENT: INDEXICAL-SIGNIFICANT FUNCTION OF A PARTICLE

И. А. Нагорный
I.A. Nagorny

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: nagorny@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье описывается индексально-знаковая функция частиц в высказывании. Устанавливаются статусные характеристики частиц как языковых знаков. Поднимается проблема дифференциации денотативного и сигнификативного значений частиц. Актуализируется вопрос о коммуникативно-прагматических параметрах частиц как элементов языковой семиотической системы.

Abstract. The paper discusses the indexical-significant function of modality particles in statements. The author distinguishes the regularities for modality particles functioning as fixators and transformers of topic-rheme margins of statements.

Ключевые слова: частица, квалификация, значение, денотат, сигнификат, высказывание, коммуникативный процесс, говорящий, адресат.

Keywords: particle, qualification, meaning, denotation, signification, statement, communicative process, addresser, speaker.

Введение

Частицы включаются в группу языковых средств, предназначенных для выражения комплекса речевых, прагматически обусловленных смыслов,

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196.

несущих важную для говорящего и адресата коммуникативную информацию. Описание функций, выполняемых частицами, помогает установить ранг служебного элемента как средства развития смысловой перспективы высказывания в коммуникативном процессе. Функции отражают речевой аспект представления интенции говорящего, направленной на личностную, субъектную квалификацию описываемого предложением события. В указанном плане, несомненно, представляет интерес индексально-знаковая функция частиц, базирующаяся на свойстве дуализма языкового знака.

Слово как знак рефлектирует определенный тип смысловых отношений, в которых, с точки зрения говорящего, находятся между собой предметы и явления действительности. Указанная рефлексия репрезентируется через осмысление этих отношений на концептуально-мыслительном уровне, в результате чего устанавливается, что частица как словесный знак обозначает не только какой-то конкретный тип смысловых отношений, вербализованных в высказывании, но и понятие об этом типе как таковом. Это естественно, поскольку обозначая *что-то*, знак *как-то* это обозначает. Соответственно, обозначаемое и обозначающее знака, воплощенные в его денотативном и сигнификативном значениях, находятся между собой в отношениях обусловленности. Точкой пересечения данных отношений служит собственно слово-знак как материальная субстанция.

Основная часть

В семиотических грамматиках нередко указывается на то, что денотативные и сигнификативные значения индексальных элементов, к которым относятся и частицы, заметно трансформированы, «усечены», иногда вообще с трудом поддаются вычленению [1]. Это обусловлено тем, что индексальные знаки являются исключительно знаками-функторами (индексами, функтивами, указателями) [2]. При этом отмечается интегративная особенность данных элементов как бы внешне накладываться на семантическую структуру высказывания, быть исключительно «поверхностными» манифестаторами. Индексальные знаки противопоставляются понятийным знакам на основании того, что они не обозначают на ментальном уровне реально существующих предметов и явлений, то есть не имеют предметных денотатов.

С одной стороны, это действительно так. Индексальные знаки совершенно правомерно признаются знаками отношений. Неспособность обозначать денотаты предметных субстанций является для них нормой, и частицы в этом смысле не исключение. Однако, с другой стороны, не смешиваются ли в данном случае разные, в сущности, понятия? Может ли существовать в языке знак, не имеющий денотата, то есть того, *что* он обозначает, и сигнификата – понятия о том, *как* знак это обозначает? И языковой ли это знак в таком случае? Вероятно, не может, что было доказано многочисленными исследованиями по математической и модальной логике, семиотике, трансформационной сигнитивной грамматике. Э.Бенвенист, например, совершенно правомерно, на наш взгляд, замечал, что «означающее и означающее... являются в действительности двумя сторонами одного и того же понятия и составляют вместе как бы содержащее и содержимое... Такая совмещенная субстанциальность означающего и означаемого обеспечивает

структурное единство знака» [3, с. 93]. Следовательно, элемент только тогда может называться языковым знаком, когда начинает *что-то* обозначать и *как-то* обозначать [4]. Он должен быть с одной стороны, соотнесен сговорящим, для которого знак является номинацией чего-то, а с другой стороны, – с адресатом, для которого эта номинация значима в перцептуальном аспекте. Частицы в этом случае проявляют себя как знаки, что мы и попытаемся доказать далее.

Любой языковой знак, включенный в «знаковый треугольник» (означающее–означаемое–знак) [5], должен иметь денотативное и сигнификативное значение. Однако, если взять за основу то, что денотатами языковых знаков являются обозначаемые ими субстанции, наличествующие в объективной действительности, то окажется, что денотаты имеются не у всех знаков, в том числе понятийных. Знаки *бег, крик, плавание, любовь* и тому подобные не имеют предметных, материализованных денотатов. Тем не менее, не вызывает сомнения то, что денотативное значение у данных знаков имеется. Вероятно, и в семантической структуре индексальных знаков, в частности частиц, должно быть выделено их денотативное значение, а также понятие о нем – сигнификативное значение. Отсутствие «материализованных» денотатов не может быть, на наш взгляд, причиной игнорирования данных значений.

Денотативное значение включает отношение обозначающего к денотату, сигнификативное – отношение означающего к сигнификату, причем сигнификативное значение вторично, характеризуется как «идеальное отображение денотативного значения» [6, с. 8]. Иногда денотат определяют как «типизированное представление», «конкретный предмет», а сигнификат – как «сумму признаков, понятий класса предметов», соотносимость знака с понятием, формирующим знаковое значение слова [7, с. 29]. Необходимо сразу оговориться, что, ведя речь о наличии у частиц указанных значений, мы не отождествляем данные значения с денотатами и сигнификатами знаков понятийных. Напротив, было бы ошибкой вести речь о прямой аналогии этих совершенно различных явлений. Можно лишь утверждать наличие обозначаемой и обозначающей сторон в значении индексальных элементов.

Отметим, что «денотат» и «денотативное значение», «сигнификат» и «сигнификативное значение» – разные, хотя и соотносимые между собой смысловые параметры языкового знака. Если под денотатом понимать вещь в самом широком смысле (то, что может быть названо и обозначено), а денотативное значение рассматривать как значение отображаемого знаком оригинала (скажем, речевая ситуация во всех ее аспектах), то вполне естественно допустить, что частицы, будучи знаками индексальными, не имеют предметного денотата, но в то же время имеют денотативное значение. Похожим образом обстоит дело и с их сигнификативным значением.

Дуализм языкового знака базируется на том, что обозначение производится в двух аспектах. Во-первых, знак непосредственно репрезентирует образ конкретного предмета, явления, отношения, свойства, преломляя данный образ через сознание субъекта. Во-вторых, параллельно с этим проецируется понятие обозначаемого предмета, явления, свойства, отношения, то есть какая-то понятийная категориальная сущность, которая характеризуется как сигнификативное значение знака. Таким образом, сигнификативное значение языкового знака может быть охарактеризовано как

«понятийное отражение отражаемого оригинала», понятие о классе событий, которые формируются в сознании путем отвлечения от множества однотипных ситуаций [8], иначе говоря, как семантическое инвариантное значение на языковом уровне.

И все же вопрос о правомерности выделения рассматриваемых значений частиц как служебных элементов до сих пор остается открытым. Большинство исследователей сходятся во мнении относительно того, что служебные слова являются особыми знаками языка, поэтому их сигнификативные и особенно денотативные значения достаточно сильно трансформированы. Специфичность не позволяет отождествлять данные значения с денотативными и сигнификативными значениями знаков понятийных. Если последние отражают предметно-процессуальные величины, преломляя их через сознание говорящего, то индексальные знаки, в том числе и частицы, в своих значениях рефлектируют не отдельные предметы или явления «внешнего» (внеязыкового) мира, не их признаки или качества, а характер квалификативных отношений, в которые включены данные предметы и явления по отношению друг к другу, – с одной стороны, к говорящему и адресату, – с другой. Модальная, эмоциональная, экспрессивная, волитивная интерпретация этих отношений, осуществляемая при помощи частиц, сфокусирована на субъекте, осмысливающим и воспринимающим объективную реальность в ее связях и отношениях.

Таким образом, актуализация квалификативных отношений частицами как индексальными знаками уже сама по себе генерирует вопрос о специфичности их означаемого и означающего как двух сторон языкового знака. Продуктивным в этом плане представляется подход, в основу которого положена дистинкция степеней наличия у знака рассматриваемых значений [9, с. 183], в частности дистинкция значений у служебных слов. При этом достаточное внимание должно быть уделено вопросу происхождения слова. Например, остаточные лексические значения у некоторых частиц глагольного происхождения (*мол, дескать, чай*), дают основания предполагать о наличии у них наиболее развитых (среди класса частиц, естественно) денотативно-сигнификативных значений. И это не случайно, так как именно данные частицы в наиболее эксплицированном виде сохранили семантическую связь с исходными глагольными формами. Обозначение процессуальности остается у них на достаточно стабильном уровне. То же самое можно сказать и о наречных по происхождению частицах *вряд ли, едва ли*. Значения других частиц, например, эмоциональных (*что за, какой*), указательных (*вот, вон*) и тем более формообразующих (*бы, пусть, пускай*), в гораздо большей степени грамматикализованы. Такие частицы полностью отошли в своих значениях от значений исходных слов, поэтому «расчленение» и последующее описание их денотативно-сигнификативных значений представляется весьма затруднительным.

Если за основу принять отношение, которое мы определили как ментальную операцию, производимую субъектом, то, может быть, стоит сказать и о том, что мыслительная процессуальность предполагает возможное выделение отражаемого денотата. Таковым для частиц будут не предметы и явления, а непосредственно процесс осмысления субъектом перцептивных отношений между фактами действительности, репрезентированный как личностная квалификация этих отношений. С другой стороны, актуализация

про помощи частиц мыслительного процесса говорящего и адресата предполагает наличие у субъектов совершенно определенной довербальной сентенции относительно самого процесса квалификации. Ю.С. Степанов отмечает, что в семантике и синтаксисе отношения между именованиями, означающим, с одной стороны, и именуемым, означаемым, – с другой, основаны на отношениях условности, символизации [10, с. 243]. В этом смысле модальные, эмоционально-экспрессивные, волитивные отношения, репрезентируемые частицами соответствующих семантических групп, характеризуются максимальной степенью условности. В основе же лежит то, что данные смысловые сущности не имеют предметного денотата.

Несмотря на это, частицы, как и любой знак, связаны с собственными денотативными и сигнификативными значениями: с первым – на рефлексивно-понятийном, со вторым – на логико-понятийном (концептуальном) уровне. При этом «связь знака со своим денотатом осуществляется через посредство сигнификата» [6, с. 8]. В соответствии с этим можно обосновать следующую систему соотношения элементов значения у частиц.

Денотативное значение частиц

Денотативный подход к определению значения частиц имеет целью выяснить функциональную роль данных квалификаторов в отношениях между предложением и обозначенной денотативной ситуацией.

Хотя частицы не имеют предметного означаемого, однако они вводятся говорящим в высказывание для обозначения чего-либо. В противном случае частицы не могут считаться знаками, так как перестают отвечать указанному основному требованию, предъявляемому к сигнификативному языковому элементу. Обозначаемое частицы как индексального знака есть функция отношения, то есть это та мыслительная операция, которая номинирует данную функцию, кодируемую в языке как знак. Таким образом, частица, не имея предметного денотата, тем не менее, имеет денотативное значение. Субстанция же, обозначенная частицей, номинированная как «означаемое», – это конкретная мыслительная операция, репрезентированная в отдельном высказывании в приложении на описываемую денотативную ситуацию.

Функционируя в высказывании, выполняя комплекс прагматических функций, частицы активно взаимодействуют с денотатами понятийных знаков, подвергая коррекции смысловые поля последних. Денотативное значение частицы как квалификатора события, таким образом, всегда соотнесено с денотатом понятийного знака, который, отражаясь на сигнификативном уровне в сознании индивида, может получить определенную смысловую коррекцию. Корректируемая денотативная ситуация в итоге окажется соотнесенной с денотативным значением индексального знака. Сообщая, например, что «Он **вряд ли** пойдет домой», говорящий характеризует денотативную ситуацию «перемещение субъекта в пространстве по направлению к определенному объекту, цели» как вероятно-неосуществимую. Означаемым для частицы здесь будет, соответственно, сама возможность реализации указанного процесса в действительности. Сигнификативным же значением индексального знака необходимо считать само понятие о логической операции предположения, сомнения и т.д., а также понятие об условиях развития денотативной ситуации в действительности.

Таким образом, означаемое частиц – это не предметная, а ментальная сущность. Обозначенная мыслительная операция хотя и приложима на денотат понятийного знака, однако не соотносима с ним по своим функциональным свойствам. Она реализована в предложении исключительно как субъективно-авторская точка зрения, эксплицированная в сигнификативном аспекте как понятие о соответствующем мыслительном процессе говорящего. Денотативное же значение частицы сфокусировано на конкретной ментальной логической операции субъекта, представленной в высказывании как отношение говорящего к чему-то (кому-то) и применяемой как квалификация репрезентируемой денотативной ситуации.

С денотативным значением частиц соотносятся и те смысловые связи, в которые включена обозначаемая понятийными знаками ситуация. Эти связи проявляются в конкретном высказывании относительно единичного описываемого события, репрезентированного говорящим при помощи соответствующих понятийных языковых средств, и осознаются как вербализованная при помощи индексального знака реакция субъекта: на возможность или вероятность осуществления этого события в действительности (*Смирнов этому как будто даже обрадовался* (К.Чуковский); *- А бороться с ним на пределе выносливости я вряд ли смогу* (В.Головачев); *Боязнь любого риска и подыскивание оправданий на все случаи жизни было едва ли не главным в работе этих людей* (И.Ефремов); *Ты можешь думать что угодно, но вряд ли удастся объяснить тебе, Чарльз Лакимэн, кто я и зачем потревожил твой воображаемый покой, твое якобы прямолинейное и равномерное движение к цели* (А.Потупа)); на необходимость эмоциональной или экспрессивной оценки события (*Нучтоза шейка, что заглазки! Рассказывать, так, право, сказки!* (И. Крылов); *Как мог ты подозревать меня и на одну минуту..?* (В. Измайлов)); на желательность усилительной характеристики ситуации (*- Даша, ведь он на тебя смотрит* (П.Львов); *Всё-таки любовь, если она настоящая, остаётся в человеке навсегда* (В.Токарева); *Даже создали специализированные инспекции по нефти, газу, алкоголю и табаку* (С. Сухова)); на мотивированность ограничительной квалификации события (*В течение всего лишь одного года мы должны были решить три задачи* (А. Градов); *Оставалось только попросить его уйти* (Е.Орлова)) и т.д.

Итак, денотативное значение частицы – это обозначение операции отношения, реализуемой в отдельном высказывании как экспликация субъектной (авторской) квалификации обозначенной понятийными знаками денотативной ситуации. При помощи частицы ситуация «проясняется» говорящим для адресата в самых разнообразных квалификативных аспектах: *«Лучше его оставить и не искушать, авось-де он скорее забудется»*. Я стал так делать, и действительно все прошло (желательность) (Н.Лесков); *- Идите кушайте чай, мамаша еще до свету уехали на станцию со старостой, вы небось и не слышали* (И. Бунин) (предположение); *Ой, как я рад, что это вы!* (И. Грекова) (эмотивность); *Я ведь к чему это всё говорю...* (Е. Гришковец) (усиление); *Не отрекаюсь даже теперь от прежней веры своей* (И.Лажечников) (локализация); *Это достигается только за счёт увеличения поглощения нейтронов* (Ф.Митенков) (ограничение); *Разница лишь в ожидаемой дате конца старого света и начала новой эры* (С. Смирнов) (выделение).

Экспликация частицы в высказывании предполагает отнесенность ее к конкретному денотату понятийного знака, а так как совокупным денотатом предложения является языковая ситуация [11, с. 21], то частица вербализует отношение к данной ситуации говорящего, который квалифицирует при помощи индексального знака указанную ситуацию. Таким образом, выражая смысловые отношения между денотатами понятийных знаков, частицы выполняют строго отведенные им функции семантических корректоров совокупного денотата предложения. «Наложение» авторской квалификации на последний можно считать денотативной функцией частиц.

Сигнификативное значение частиц

Сигнификативное значение слова является мысленным образом его денотативного содержания [12, с. 444]. Сигнификатом понятийного знака «зачастую оказывается абстрактный образ, которому в объективном ряду соответствует множество отдельных предметов, ситуаций, сходных в каком-то отношении» [6, с. 9]. Но кроме этого понятийный знак связан с различными оценочными, модальными, авторизационными и прочими признаками «кваликативных сфер деятельности человека» [7, с. 29]. Именно эти признаки обозначаются индексальными языковыми знаками и являются прагматически ориентирующими.

Сигнификативным значением частиц, как уже говорилось, является понятие о мыслительной операции, производимой субъектом над денотатами понятийных знаков, понятие о тех смысловых отношениях, которые репрезентируются говорящим в высказывании как личностная квалификация связей и отношений между предметами, событиями в реальной действительности. Иначе говоря, если означаемым частицей является конкретное кваликативное значение, вносимое ими в высказывание, то их означаемым необходимо считать понятие о ментальной операции квалификации, то есть понятие о логико-семантической операции отношения, производимой субъектом на абстрактно-логическом уровне относительно объекта квалификации – события.

Сигнификативное значение частицы – это понятие о тех абстрактно-смысловых отношениях, в которые включено обозначаемое в высказывании событие. Таким образом, сигнификат отношения – это понятие о возможности, вероятности, предположительности, кажимости, волитивности, оценочности как мыслительных операциях субъекта. Кроме того, в термин «сигнификативное значение» применительно к частицам включается не только понятие об объекте перцепции, но и понятие о функции индексального знака в языке – репрезентации определенного типа смысловых отношений. Это – элемент предполагаемого знания о мире, которое закреплено в частицеслове. В конкретном высказывании такой фрагмент знания о мире воплощен в виде квалификации говорящим связей и отношений предметов и явлений в действительности.

В семантическое поле частицы включено, таким образом, как понятие о конкретной смысловой операции, примененной к денотату отдельного понятийного знака, так и понятие о квалификации вообще, понятие об отношении как таковом. Единичная, репрезентируемая частицей операция личностной квалификации события субъектом является в то же время знаком

вербализации понятия о категориях оценочности, экспрессивизации, эмотивности, персуазивности. В основу этого положена взаимозависимость денотативного и сигнификативного значений частицы.

Итак, частицы в сигнификативном аспекте характеризуются рядом особенностей, среди которых выделим следующие:

- Сигнификативное значение частицы (понятие о логико-семантической операции) проявляется только в высказывании, выражающем кваликативное суждение. Данное значение реализуется на базе денотатов понятийных знаков и мыслится как квалификация говорящим конкретной денотативной ситуации.

- Частица фиксирует ментальные логические операции, отражающие процесс квалификации субъектом денотативной ситуации в целом, либо возможности квалификации связей между конкретными предметами и явлениями действительности.

- Сигнификативное значение частицы структурировано. В основу его семантической структуры положена иерархизация ряда признаков:

- а) в данное значение включены отношения между категориями персуазивности, оценочности, эмотивности и волитивности, устанавливаемые в высказывании говорящим и базирующиеся на условиях реализации ситуации в действительности (событие, квалифицируемое при помощи частицы, всегда предполагает его принципиально возможную квалификацию);

- б) понятие о мыслительном процессе, развиваемое частицей, одновременно является знаком, указывающим на факт «присутствия» говорящего и реципиента, которому адресованы интенции говорящего, вербализованные при помощи частицы;

- в) понятие о ментальной операции квалификации лежит и в основе фиксации частицами логического суждения, что лежит в основе увеличения коммуникативной значимости самой частицы в семантическом пространстве высказывания.

Отмеченные особенности составляют основу важных смысловых параметров сигнификативного значения частиц: 1) общий признак отнесенности частицы к разряду кваликативных, составляющий основу кваликативных смыслов, репрезентируемых частицами в высказывании; 2) признак отдельной группы, которому соответствует та или иная модальная частица, включаемая именно в данную лексико-грамматическую группу; 3) индивидуальный функционально-смысловой признак, характерный для конкретной частицы в конкретном речевом высказывании; 4) признак, связанный с описываемой высказыванием ситуацией – сюда включаются те признаки частиц, которые обусловлены признаками других компонентов пропозиции, в первую очередь – предиката.

Итак, основными аспектами значения частицы являются денотативный (связь знака с ситуативно обозначенными предметами или явлениями (денотатами) в ракурсе отношения) и сигнификативный (понятие об определенном типе отношения как таковом). Сигнификативные смысловые отношения, репрезентируемые частицами, соотносятся с денотативным значением индексального знака, приложенным на денотат понятийных знаков – ситуацию, которая является для них означаемым.

Сказанное позволяет сделать вывод, что на денотативно-сигнификативном уровне частицы должны рассматриваться как знаки:

- а) отношений обусловленности, проявляющихся на пересечении семантических полей логических и квалификативных категорий (с приписываемыми квалификативным категориям смыслами оценочности, эмотивности, экспрессивизации, сомнения, предположения, кажимости, колебания, гипотичности, эвиденциальности, избыточности и др.);
- б) авторского намерения, интенции; в) авторской квалификации, намеренно обращенной к реципиенту (т.е. «адресным» знаком, знаком речевого воздействия);
- д) осмысления субъектом отношений действительности в квалификативном аспекте; е) коррекции семантического поля денотата понятийного знака (знаков).

Выводы

Подведем итог. В знаковой системе социума частицам соответствует собственный функциональный статус языковых индексальных знаков отношения. Данные знаки служат для фиксации смысловых отношений квалификативного свойства. В предложение – целостный предикативный знак – частицы включаются в качестве обслуживающих элементов с приписываемыми им денотативными и сигнификативными значениями.

В сигнитивном аспекте коррекция предикативного поля предложения осуществляется как рефлексия означаемого на уровне означающего с целью прагматического воздействия на адресата. С означающим предложения частицы связаны в качестве системных элементов, с означающим – как модификаторы внутреннего семантического пространства предикативного знака. Частицы – усложняющие элементы семантической структуры высказывания, экспликаторы одного из аспектов соотношения высказываемого с действительностью. Они являются интеграторами особого рода квалификативной информации, средством ее передачи, накопления и сохранения. При помощи индексального знака говорящий интенционально квалифицирует прагматически ценный, на его взгляд, информативный материал для передачи его адресату.

В прагматическом аспекте частицы как индексальные знаки характеризуются в качестве средств имплицитного выбора говорящим и адресатом альтернативного варианта осмысления репрезентируемых отношений. Индексальный элемент используется говорящим в качестве знака приоритетной ориентации адресата на превентивную возможность осмысления последним события по предлагаемому квалификативному критерию.

Частицы являются знаками-вербализаторами квалификативных модусных смыслов, которые крайне важны в коммуникативном аспекте. Отношения обусловленности, в которых находятся между собой денотативные и сигнификативные значения частиц, служат основой для обозначения индексальными знаками не только какого-то конкретного модусного смысла, но и самого понятия о репрезентируемом типе смысловых отношений. Частицы, таким образом, приобретают статус знаков ментальной операции субъекта, которая выполняется на уровне суждения и характеризуется присущим ей комплексом логико-ассоциативных связей.

Список литературы

1. Моррис Ч.У. 1983. Семиотика. М., 1983. – С.37-89.
2. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / Р.Карнап – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 382 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э.Бенвенист – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
4. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
5. Фреге Г. Смысл и денотат / Г.Фреге//Семиотика и информатика. – Вып.8. – М.:ВИНИТИ, 1977. – С.181-210.
6. Сусов И.П. Семантическая структура предложения (На материале простого предложения в современном немецком языке) // И.П.Сусов – Тула: Изд-во ТГПИ, 1973. – 142 с.
7. Аспекты семантических исследований / Отв. ред. Н.Д.Арутюнова, А.А.Уфимцева. – М.: Наука, 1980. – 356 с.
8. Гак В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г.Гак//Проблемы структурной лингвистики. 1972. – М.: Наука, 1973. – С.349-373.
9. Кассирер Э. Философия символических форм: введение и постановка проблемы / Э.Кассирер // Культурология. XX в. Антология – М.: Юрист, 1995. – С.163-212.
10. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика) / Ю.С.Степанов – М.: Наука, 1981. – 358 с.
11. Валимова Г.В. О соотношении семантической и формальной структуры предложения / Г.В. Валимова // Семантическая структура предложения – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1978. – С.20-29.
12. Лингвистический энциклопедический словарь/Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685с.

УДК 811.114

ВНУТРИТЕЛЕСНАЯ ЛИНГВИСТИКА И РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

INTRACORPORAL LANGUAGE AND RUSSIAN LANGUAGE DISCOURSE PRACTICES

В.К. Харченко
V. K. Kharchenko

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: wera_kharchenko@mail.ru

Аннотация. Проблематика языка внутрителесных ощущений рассматривается на русскоязычном материале художественного, научно-популярного, разговорного, рекламного дискурсов, каждый из которых уникален в передаче сигналов тела. В центре внимания автора концепты «боль», «болезнь», «инвалидность», «беременность» и др. Вслед за разработчиком теории interoцепции на материале англоязычной художественной прозы А.В. Нагорной, отмечается некоторое отставание в использовании русского языка при передаче внутрителесных переживаний. Подчеркивается важность сбережения удачных метафор и необходимость теоретического и прикладного взаимообогащения русскоязычных дискурсов в рамках указанного направления лингвистических изысканий.

Abstract. The article deals with a problem of intracorporal feelings language, based on the texts of Russian-language fictional, popular scientific, colloquial, advertising discourses, each of which is unique with regards to body signals representation. Following A.V.Nagornaya, who has based her research on English literary texts, the author points to a certain Russian language retention in the field of expressing intracorporal feelings. The author focuses on the concepts of pain, illness, disability, pregnancy etc. The importance of preserving felicitous metaphors is stressed, as well as the necessity of discourses mutual enrichment.

Ключевые слова: interoцепция, дискурс, метафора, реплика, болезнь, тело.

Key words: interoception, discourse, metaphor, remark, illness, body.

Введение

В общей теории дискурсов неисследованной темой применительно к отечественной лингвистике до недавнего времени оставалась лингвистика interoцепции, то есть анализ языка внутрителесных ощущений.

Прорывной работой последних лет стала блестящая монография А.В. Нагорной «Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений», открывающая целое направление всевозможных исследований [1]. Отметим здесь же докторскую диссертацию того же автора [2]. Заявленная проблематика исследуется А.В. Нагорной на основе критического изучения зарубежного опыта интерпретации и на основе собственных наблюдений над языком англоязычного художественного текста как классического, так и современного. На таком материале, как утверждает А.В. Нагорная, можно делать более объективные, а значит убедительные выводы в силу высокой степени соматичности англоязычной культуры. «Обладая преимущественно агентивной ориентацией, английский язык позволяет описывать значительную

часть interoцептивных состояний и ощущений как события, центр активности которых располагается в самом внутреннем органе» [1, с. 4]. Что актуально, автор устанавливает лакуны (в частности, в русском языке) при передаче внутрителесных событий.

Конкретные результаты, к которым приходит А.В. Нагорная в ходе многолетнего и тщательного исследования interoцепции, можно обобщить как раскрытие эвристического потенциала теории воплощённого значения, формулировку и обоснование принципов анализа внутрителесных событий. Автором описаны концептуальные структуры, фокусирующие interoцептивный опыт индивида, определена семантическая нагрузка модальной рамки соответствующих высказываний. Большой интерес представляет детально проанализированная в работе метафорика interoцепции. Методологически ценным является утверждение об ограниченной свободе в выборе языковых средств при передаче interoцептивных ощущений вопреки расхожему мнению будто бы об отсутствии таких ограничений.

Замечательно, что автор не ограничивается только лексическими пластами, но выявляет также подспудную роль синтаксиса при трансляции внутрителесных «неуловимостей».

На других исследованиях внутрителесной вербалики (термин А.В. Нагорной) остановимся несколько ниже.

Материал исследования

С точки зрения расколосья дискурсов, в которых может быть представлен материал для исследования, «внутрителесная лингвистика» вправе обратиться к весьма широкому спектру возможных русскоязычных ниш, ячеек с залежами неисследованного материала. Условно разделим дискурсы на три группы.

Есть дискурсы, удалённые от языка внутрителесных переживаний. Это политический, медийный, родословный, мемуарный дискурсы. Теоретически можно предположить, что тексты, например, семейного родословия в плане interoцептивного языкового материала могут содержать единичные описания сохранившихся в памяти болезненных проявлений, о которых некогда повествовал близкий человек, однако это не коррелирует с ключевыми требованиями жанра воспоминаний, поскольку заявленная тема внутрителесных описаний относится к так называемой Я-лингвистике. Для жанров родословия и мемуаристики сигналы тела описываемого персонажа весьма далеки.

Далеки они и от политического, и от медийного дискурсов, хотя, что интересно, при проведении социологических опросов о качествах, какими должен обладать лидер, руководитель, политик, большая часть респондентов за рубежом на первое место выносит здоровье. «Голландские исследователи выяснили, какие люди больше подходят на роль лидеров. Оценивали, насколько важны для руководителя такие параметры, как здоровье, интеллект и привлекательность. ... В 69 % случаев добровольцы выбирали здоровых, а не умных кандидатов» [3, с. 45]. Отечественные специалисты при разработке проблематики управленческого кадрового резерва в перечень непереносимых условий также включают «состояние здоровья» [4]. Состояние тела «естественно» коррелирует с карьерным ростом, почему исследовать язык

внутрителесных сигналов и обучать этому языку актуально не только для лингвистики.

Вторую группу составляют дискурсы (медицинский, научно-популярный, фольклорный, рекламный), в которых внутрителесные сигналы весьма значимы, но значимы не по всему пространству того или иного дискурса, а в конкретной его части. В медицинском дискурсе это постановка диагноза. В научно-популярном (брошюрах, лекциях по медицине и валеологии) это просвещение населения с целью привития навыка своевременного (при недомоганиях) обращения к врачу. В таком же ракурсе можно рассматривать и спортивный дискурс, когда усталость может стать «аварийной». В рекламном дискурсе – это, прежде всего, реклама лекарств. В фольклорном – это группа пословиц на тему здоровья. Таким образом, вторую группу составляют дискурсы, непосредственно некоторыми своими фрагментами, сферами нацеливающие на интероцепцию, но всё ещё далёкие от лингвистики.

Наконец, третью группу образуют художественный, разговорный и, как часть разговорного, – детский дискурс, в которых тематика телесных сигналов присутствует перманентно и которые на сегодняшний день накопили уже весьма выразительный материал для изучения. Эти дискурсы – как художественный, так и разговорный – весьма близки филологу, однако интероцепция и в них системно не изучается, при том что содержательно могла бы обогатить, например, медицинский дискурс в диагностических его проекциях.

Приходится признать, что для лингвиста-интероцептолога (упрочим такое обозначение исследователя языка внутрителесных ощущений) ведущими дискурсами остаются художественный, разговорный дискурсы, разумеется, если разговорный дискурс рассматривать в самом общем ключе, обособленно от профессионального медицинского, о котором пойдёт речь несколько ниже.

Основная часть

Гипотеза нашего исследования формулируется следующим образом: русскоязычные дискурсивные практики могут дать во многом уникальный материал по переживанию боли, сердцебиения, повышения или понижения давления, по каким-либо внутрителесным сигналам ухудшения состояния вследствие болезни и/или стресса, но также и по внутрителесным ощущениям выздоровления, протекания беременности, родов, грудного вскармливания. В язык внутрителесных переживаний каждый дискурс вносит своеобразие, и в совокупности это срабатывает как весьма значимый и востребованный социумом каркас синдромов в системе самооощущений языковой личности.

Проиллюстрируем и по возможности проинтерпретируем заявленную гипотезу в следующем порядке рассмотрения дискурсов: медицинский, научно-популярный, рекламный, фольклорный, художественный, разговорный, детский.

Медицинский дискурс, что ожидаемо, теоретически содержит основную массу материала по языку внутрителесных ощущений. Другое дело, что трудно вообразить лингвиста, присутствующего в кабинете врача в качестве наблюдателя и записывающего реплики пациента на приёме у терапевта ли, проктолога, окулиста и далее со всеми остановками. Больной

формулирует тревожащие его сигналы тела, и эти описания врач пытается уложить в диагностические штампы. Медицинский дискурс пересекается с разговорным, например, при общении специалистов-медиков, что исследовано в аспекте профессиональных метафор в диссертации О.С. Зубковой на материале русского, английского и французского языков [5]. В этом материале представлен и язык тела. В профессиональном общении медиков тематика телесных сигналов занимает видное место.

Приведём ряд примеров из указанной работы. *При осмотре я заметила усиление болей только в эпигастральной области, другие отделы живота спокойно спали, симптомов раздражения брюшины не было* [5, с. 314]. – *Ой, и не говорите, я сегодня сам как развалина. Голова трещит, давление нерабочее – 140/90, а работать надо* [5, с. 341]. *Нет-нет, сознание сохранено, просто оглушённость, апатия* [5, с. 346]. *И не забудьте проинформировать пациента о неоднозначности подобной терапии – бывают пациентки, которым одна только эта информация здорово помогла справиться с «приливами» без ГЗТ* [5, с. 350].

Отсутствие сведений по interoцепции в научно-популярной литературе по медицине и валеологии может быть обусловлено научным характером и тематикой самого издания, как, например, в книге В.П. Празникова «Закаливание детей дошкольного возраста». Внутрителесная событийность при том или ином заболевании в виде диагностических маркеров находит своё отражение в научно-популярном дискурсе. Разумеется, речь пойдёт о сугубо медицинской тематике научно-популярных изданий, так же, как далее, в представлении рекламного дискурса, мы будем брать рекламу только лекарств. **Научно-популярный дискурс** по определению даёт весьма рельефную симптоматику, значимую для постановки диагноза, с которой полезно знакомить читателя. Другое дело, что этот материал пока ещё далёк от лингвистики, как, впрочем, и от большинства потенциальных читателей. Впрочем, когда филолог или культуролог осмысливает, например, проблематику родин, повитух, младенчества, то помимо эмоций, не может не фиксировать и язык внутрителесных ощущений [6, с. 236-265].

В последние десятилетия научно-популярный дискурс потеснён **рекламным дискурсом**, особенно по части рекламы лекарственных средств. В аспекте interoцепции рекламный дискурс даёт уникальный материал, поскольку текст рекламы лекарственного средства строится по формуле сжатого нарратива: 1) было плохо (как правило, указываются болевые или неприятные симптомы), 2) стали применять лекарство, 3) стало хорошо. С филастум форте кишечнику комфортно. *Раз! – и голова не болит. – Встречайте день с лёгкостью* (о слабительных таблетках). *Мезим. Здорово желудку с ним! ...Уменьшает ощущение раздражительности кожи. Ноем? Быструм гель успокоит! Боль в желудке, жжение в пищеводе могут быть признаками гастрита и язвы. Маалокс. Две таблетки маалокса могут предотвратить наступление язвы.* Реклама напоминает о возможном позитиве внутрителесных переживаний, что обычно не проговаривается и потому не замечается носителями языка.

Кстати, и в разговорном дискурсе позитив внутрителесных ощущений озвучивается подчас в виде своеобразной рекламы использованного средства: [Женщина-моржиха лет 60 об отваре хмеля:] **Кишечнику хорошо. Такая**

лёгкость... *Чистится!* (11.04.2015). Здесь, как и в рекламе соблюдается определённая недоговорённость по условиям эвфемии.

Акузматическая, изузстная культура, в частности **культура фольклора** не могла пройти мимо закрытости языка узнавания тревожных симптомов, о чём свидетельствует предостерегающая пословица: *Дитя не плачет – мать не понимает*. В известном и авторитетном словаре В.И. Даля концепт БОЛЬ представлен, в частности, следующими пословицами, приведём лишь малую часть. *У кого что болит, тот о том и говорит. Где мило, там глаза, где больно, там рука. Нога и не больно болит, а не даёт ступить. Рот болит, а брюхо есть велит. Не велика болячка, да сесть не даёт. Чужая болька никому не болит* и др. [7, с. 11-112].

В интерпретации внутрителесных ощущений, как справедливо подчёркивает А.В. Нагорная, **художественный дискурс** является и остаётся наиболее выразительным и насыщенным, и с этим нельзя не согласиться. Во-первых, потому, что сам материал уже зафиксирован, его нужно всего лишь найти (разглядеть в тексте!), собрать, классифицировать и обобщить. На материале классических текстов это выполнено, например, в весьма насыщенной проекциями на художественный текст монографии К.А. Богданова [8]. Современная художественная литература в этом отношении остаётся пока ещё за пределами лингвистических изысканий, хотя писатели по определению способны помочь носителю языка более точно обозначить то или иное внутрителесное ощущение, прежде всего болевое.

Интероцепция находит художественное отражение при репрезентации таких концептов, как БОЛЕЗНЬ, ОНКОЛОГИЯ, ИНВАЛИДНОСТЬ, БОЛЬНИЦА, РОДДОМ, а также СТРЕСС.

В современных русскоязычных художественных текстах отражены подчас весьма серьёзные диагнозы: дифтерия (С. Есин. Затмение Марса), врождённый поликистоз, приводящий к пожизненному гемодиализу (В. Иванова. Болезнь), отравление ребёнка (М. Палей. Хутор). В переведённом с эстонского языка романе Ааду Хинта «Быть самим собой» в центре описания стоит проказа и жизнь в лепрозории.

Отдельно можно исследовать концепт ОНКОЛОГИЯ. Открыл эту тему для советского читателя В. Солоухин своим романом «Приговор» (см. также: М. Ганина «Созвездие близнецов»). Наивысшее художественное развитие онкологический дискурс (именно как дискурс!) получил в классическом романе А.И. Солженицына «Раковый корпус», в котором политическое и социальное разрабатываются на пронзительной драме сугубо медицинского, онкологического дискурса, и тема интероцепции представлена разнообразно и широко. Приведём три из многих «интероцептивных» фрагментов романа.

*Только тут, на крылечке противоракового диспансера, больные часами слушали его и сочувствовали. Они понимали, что это значит, когда **окостенел подвижный треугольник «дужки»** и сгустились рентгеновские рубцы по всем местам облучения (с. 56). Была ли это **ясно ощущаемая боль в области желудка у неё самой? Некоторые дни она не чувствовала её, некоторые дни слабей, сегодня – сильней**. Если б она не была онкологом, она бы не придавала значения этой боли или, напротив, бесстрашно пошла бы на исследования. Но слишком хорошо она знала эту ниточку, чтобы отмотать первый виток: сказать родным, сказать товарищам по работе. Сама-то для себя она пробавлялась русским*

авосем: а может обойдётся? а может только нервное ощущение? (с. 64). ...Это он уже гнался наперегонки с будущей опухолью, но втёмную гнался, не видя, где враг, – а она всё видела, кинулась и **вонзилась в самую горячую пору!** Не болезнь – змея. И имя её змеиное – меланобластома. / Когда она началась – Вадим не заметил. Это было в экспедиции у Алтайского хребта. Началось затвердение, **потом боль, потом прорвало и полегчало, потом опять затвердение, и так натиралось от одежды, что почти невыносимо стало ходить** (с. 174).

В отечественной прозе последнего периода онкологический дискурс представлен повестью Дины Рубиной «Высокая вода венецианцев», повестью Елены Михайловой «Пожар», повестью Татьяны Янковской «Мара & Марик». В этих текстах «изнутри» описывается угасание человека с диагнозом «рак». Из зарубежных произведений, переведённых на русский язык и тем самым обогащающих язык внутрителесных переживаний онкобольного, назовём роман Абея Поссе «Страсти по Эвите», роман Розмари и Виктора Зорза «Я умираю счастливой», роман Джона Бенвилла «Море». Сама болезнь может восприниматься заболевшим, и художественные тексты отражают это, как метафорический знак наказания, расплаты, что недопустимо, но достаточно часто имеет место, особенно это касается онкобольных [9, с. 256].

Можно сосредоточить исследовательское наблюдение не на концепте болезни, а на смежном концепте БОЛЬНИЦА (А. Солженицын «Раковый корпус», В. Иванова «Болезнь»).

Тематику отдельного исследования может составить язык переживания ИНВАЛИДНОСТИ. Из классических текстов это «Слепой музыкант» В.Г. Короленко. Из современной литературы – потрясший многих текст Рубена Давида Гонсалеса Гальего «Чёрным по белому». Жанр произведения не обозначен, произведение трактуется как документальная проза.

Концепт РОДДОМ тоже заслуживает внимания своими лингвистическими аспектами художественного дискурса. Это рассказ Натальи Сухановой «Делос». Смежные концепты БЕРЕМЕННОСТЬ, РОДЫ, КОРМЛЕНИЕ ГРУДЬЮ получают своё освещение в современной литературе, однако вершиной художественного отражения указанных концептов остаются классические романы Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и «Война и мир». Выкидыши, не вынашивание плода – тема «поэмы» (так обозначен жанр) С.Н. Сергеева-Ценского «Печаль полей»: *Так велика была внезапная радость Анны оттого, что застучал в первый раз её седьмой ребёнок (и сейчас стучал с небольшими обдуманнми промежутками)...* (с. 105). **Была только тяжесть, – не та, радостная, а новая, больная тяжесть, и страшное сознание, что он умирает... не умер ещё, жив ещё, но умирает, умирает, – умрёт** (с. 144). <...> **Охватили, не отпуская, боли рождения и тянулись долго. К вечеру Анна родила мальчика. Ребёнок был мёртв, как прежние шесть...** (с. 147).

В отличие от художественного в разговорном дискурсе исследование interoцепции осложняется «отсутствием» (точнее, не собираемостью!) материала. Внутрителесная тематика высказываний разговорного дискурса обнаруживает себя в диалоговых репликах окружающих, когда они повествуют своим близким о болевых симптомах и о «событиях» собственного тела.

[Методист 52 г. студентке:] *Да помолчи, тарахтуля! У меня к вечеру голова вот такая...* (30.01.2012). [Пенсионерка 57 л о поездке на дальнюю дачу:] *Бабу Аню на себе тащить, выслушивать, что у неё в голове кипит-шумит!* (21.05.2012). [Женщина лет 40 мужу на улице:] *Она ест маленькими порциями простую пищу пять раз в день. А то я накидаю в желудок, и он у меня болит* (08.08.2012). [Инженер 63 г.:] *Когда мы вернулись из Москвы, рука болела уже так сильно, что я не знала, как мне лежать, и ночью мне было уже так плохо, рука болит и ноги сводит, и, в общем, не поймёшь, что <...> Вот он пришёл, говорит: буду колоть сам. Уколот. Говорит: ну как? Сейчас должно обезболиться, такое будет ощущение. Ничего так вроде. У меня рука никак. Он просил, чтобы я по стенке (перебирая пальцами) руку поднимала, а я никак* (12.10.2012). [Делопроизводитель 36 л.:] *Я глаз травмировала. Покраснел, резь такая, опух полностью. Такое ощущение, что под веком какой-то рубец. Знаете, когда ранка – и кожа затягивается, и такой рубец <...> А то была эрозия роговицы. Боли, рези не было, но несколько натянуто – такое ощущение* (22.04.2015).

Разумеется, и в разговорном дискурсе внутрителесные переживания-ощущения не ограничиваются концептами БОЛЬ, БОЛЕЗНЬ. Они значительно шире:

– потрясение: [Женщина с коляской о расстреле шестерых белгородцев 22-го апреля:] *Ой, да это не приведи, Господь! У меня мурашки на голове от этого, мурашки!* (25.04.2013).

– ослабление либидо: [Профессор-методист:] *Я в поликлинике услышала, как мужчина рассказывает: «У меня нижний этаж отмер, теперь верхний этаж болит! Как вам нравится: нижний этаж! (смеётся)* (26.11.2013).

– возрастная гормональная недостаточность: [Доцент 55 л. о старости:] *Серотонин перестает вырабатываться, гормонов нет. Человек внутри пустой! Я начала это ощущать...* (07.04.2015).

– последствия перенапряжения: [Мужчина лет 55 по сотовому в троллейбусе:] *Давай на завтра! А то я вчера покопался – что-то руки у меня, суставы болят – давно, что ли, не работал?* (15.04.2015).

– «температурные» привычки, например, при приёме пищи: [Доцент 63 л., смеясь, о чае:] *Я люблю, чтоб горячий. Чтоб во рту всё облезло! Два-три дня потом ходишь... Но научный руководитель не отпускал без чая. Всё удивлялся: какой сильный характер!* (07.04.2015).

– ощущение «второго дыхания»: [Бегуны у пляжа рано утром. Женщина лет 55 и мужчина лет 50:] *Ты бежал – усталость чувствовалась? – Ты знаешь, вот четвёртый круг я, когда бежал, уже думаю: дыхание включится? Второе дыхание? Включилось!* (26.04.2015).

Язык описания сигналов, поступающих «изнутри», характеризуется собственными тропами. Здесь и гиперболы (*голова раскалывается*), и олицетворения (*кишки марш играют*), и метафоры (*нижний этаж отмер*), и метонимия (*накидаю в желудок – и он болит*), и эпитеты (*рука стала ватной*), в том числе условные эпитеты (*голова вот такая*). Встречаются биномы (*в голове кипит-шумит*), фразеологизмы. В силу своей привычности фразеологизмы подчас ускользают от наблюдения и фиксации именно как

внутриречные (слюньки потекли, семь потов сойдёт, кровь из носу, шило в одном месте), но на смену привычным приходят свежие, подчёркивающие внутриречные, прежде всего, болевые ощущения, как, например: [Работник канцелярии вспоминает нострификацию диплома:] *Там **больше геморроя!** Столько бумаг надо было собрать!* (12.05.2012).

Казалось бы, налицо богатство языка внутриречных переживаний, но богатство (применим оксюморон!) крайне недостаточное в ситуациях, когда тело заявляет о своих правах.

Разговорный ракурс языка внутриречной событийности можно исследовать в онтогенезе речи. В репликах детей можно зафиксировать передачу внутриречных сигналов, неудобств, прежде всего, боли, но не только. *Ну почему у меня **глаза хотят спать?*** (4 г. 5 м.). *А иногда бывает: **ноги на износ работали, а спать не хочется*** (5 л. 4 м.).

*Ну, коленка **уже мало болит**, совсем проходит!* (3 г. 3 м.). – ***Болит пузо.*** – Ты растянул, когда лазил. Завтра пройдёт. – *Вот завтра проснусь и даже забуду!* (3 г. 4 м.). – *А уж укусит – ничего! **Рука больно поболит** – и всё!* (4 г. 3 м.). ***Когда болит голова – это болит череп!*** – Это мозг болит, а не череп! – ***Сначала мозг, потом забаливает череп, а после черепа забаливает голова*** (4 г. 3 м.). – *Я не могу спать на подстилке, у меня тогда **всё болит**. У меня всё такое **напухлое!** А сидеть я могу на подстилке* (4 г. 5 м.). – *Баб, что-то **у меня здесь болит внутри**. Может, это какой-то газ в руку попал?* (5 л. 3 м.). *Я там всё съел. Там даже **болит живот от ягодов*** (3 г. 2 м.). *У меня **болит ножка**.* – Уже проходит: там кожица. – *У меня **болит кожица** (корочка)* (6 л. 3 м.). – *А щёчка болит? – **Болит! А коготь уже выжил** (поджил)! Я согрЫз там раночку, и коготь не стал болеть!* (6 л. 11 м.). (Бьёт по коленке) *Не боли! Когда-то что-то болит, я ударяю кулаком. **Тогда не болит, а чешется*** (7 л. 2 м.).

В пятилетнем возрасте ребёнка начинает интересовать анатомия, устройство тела. Такой благодатный период для фиксации детской внутриречной интероцепции мы обычно пропускаем, а именно в это время в сознании ребёнка через каскады вопросов выстраивается образ тела.

Баб, а в языке есть кровь? – Есть. – А почему она не течёт, когда я говорю? (Разговор о быстрой реакции на ожог) *У меня сразу к мозгу подступило, и рука отдёргнулась? Это мозг приказал отдёргнуться? Баб, а почему я держу свой вес? Все держат свой вес? Мозг приказал вот так вот: отдёргнись! А кто ему это сказал? Рука ему сказала: болит. А мозг сказал: отдёргнись!* (5 л. 4 м.).

Похоже, языку и положительных внутриречных ощущений надо обучать ребёнка, как, впрочем, и взрослого (посчитаем это одним из направлений прикладной филологии!).

Вернёмся к «интероцептивной» речи взрослых. Если не брать развёрнутых контекстов (о меланобластеме, о замирании ребёнка в утробе), а также развёрнутых высказываний (о боли в руке, травме глаз, эрозии роговицы), то и художественный, и разговорный дискурсы характеризуются некоторой схематичностью в трансляции болезненного ощущения, и дети наследуют фиксацию боли без описания особенностей её протекания. Контексты с репрезентантами концепта БОЛЬ ограничиваются указанием на локализацию (где болит) и интенсивность (болит сильно или слабо), тогда как «тембр», сам характер боли отмечается значительно реже, и расколосье

характеристик здесь невелико: в пределах двадцати номинаций (*режущая, колющая, ноющая...*), тогда как в английском языке число обозначений боли переваливает за сотню.

Итак, изучение интероцепции обнажает трудности, вызванные следующими двумя группами причин.

Как практически при любом исследовательском соприкосновении с языком, здесь также обнаруживаются, обнажаются свойства фрактала. Где кончается перцепция и начинается интероцепция? Насколько комментарии больного зависимы от диагностических штампов?

Итак, изучение интероцепции обнажает трудности, вызванные следующими двумя группами причин.

Во-первых, как практически при любом исследовательском соприкосновении с языком, здесь также обнаруживаются, наглядно обнажаются свойства фрактала. Где кончается перцепция и начинается интероцепция? Насколько комментарии больного зависимы от известных ему или предлагаемых врачом диагностических штампов?

Во-вторых, отметим следующее, поначалу ускользнувшее от нашего внимания. На противоположном от «неинтероцептивных» полюсе находится интериоризованный дискурс с направленностью высказывания субъекта на самого субъекта.

Этот дискурс сводят, как правило, к духовному и эмоциональному звену личности, но не к телесному и исследуют по выкладкам художественного текста [10], в котором представлена модель внутренней речи (несобственно-прямая речь, поток сознания) как промежуточный язык между языком и мышлением. Этот язык обладает такими характеристиками, пишет автор, как универсальность, анизитропность, образность, непроизносимость, сжатость.

К лексико-грамматическим характеристикам такого языка Ю.В. Погребняк относит обрывающиеся фразы, повторы, смешение стилей, звукоподражания и др. Постулируется, что на уровне интериоризованного дискурса воплощаются самые тонкие смысловые элементы, важные для психолингвистики, когнитивистики, литературоведения [10]. Конечно же, любой сигнал тела изнутри человек переживает в рамках, прежде всего, закрытого для нас интериоризованного дискурса, однако, в отличие от тех признаков, которые перечисляет Ю.В. Погребняк, ни в цитатах из художественных произведений, ни в репликах разговорной речи подобных особенностей мы не наблюдаем. Наоборот, наблюдается парадокс: при отмеченной в целом бедности языка сигналов тела эти сигналы, особенно по концептам БОЛЬ, БОЛЕЗНЬ, передаются отнюдь не двусмысленно.

Выводы

1. Русскоязычные дискурсивные практики дают разнообразный материал, уступающий, однако, англоязычным дискурсивным практикам по части исследованного А.В. Нагорной языка представления внутрителесных ощущений, что обязывает лингвиста в перспективе более заинтересованно отнестись и к сбору материала, и, учитывая зарубежный опыт, к его трактовкам.

2. Различные типы дискурсов: художественный, разговорный, родословный, научно-популярный, рекламный специфичны в передаче внутрителесных ощущений. Лидерство держит художественный дискурс.

Большого лингвистического внимания заслуживает научно-популярный дискурс. Сбережения спонтанного интерцептивного материала требует разговорный дискурс. Свою специфическую лепту в исследование проблемы, особенно по части вербализации позитивных внутрителесных ощущений, вносит рекламный дискурс.

3. В отличие от интериоризированного дискурса, который обычно концентрируют на передаче эмоциональных сигналов с их подчас сбивчивостью, амбигуэнтностью, противоречивостью, интероцептивный дискурс своими проявлениями стремится к точности и определённости, хотя для таких установок говорящему подчас не хватает языка (запаса слов и образов), что делает внутрителесную лингвистику весьма актуальной. Триада: когниция – эмоция – перцепция может быть дополнена четвёртым звеном интероцепцией, образуя своеобразный тетраэдр.

4. Актуальным процессом можно считать взаимопроникновение дискурсов в аспекте более точной передачи вербалики внутрителесных событий. Это важно по целому ряду причин:

а) для более быстрого и более точного установления диагноза (*рука стала ватной*);

б) для укрепления через озвучивание во внутренней речи носителя языка положительных, позитивных, приятных внутрителесных переживаний;

в) для обогащения русского языка дополнительным набором устойчивых сравнений, фразеологизмов, метафорических терминов и соответственно для развития русского языка в указанном направлении.

Список литературы

1. Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 320 с.
2. Нагорная А.В. Вербальная репрезентация интероцептивных ощущений в современном английском языке: Автореф. дис. ...д-ра филологических наук. – М., 2015. – 44 с.
3. Надо быть здоровым // Знание – сила. – 2015. – № 3. – С. 45.
4. Астахов Ю.В., Патрушев В.И. Муниципальная кадровая политика: теория, методология, технология. – Белгород – Москва: Изд-во Белгородск. обл. типогр. – 340 с.
5. Зубкова О.С. Лингвосемиотика профессиональной метафоры: Дис. ...д-ра филологических наук. – Курск, 2011. – 460 с.
6. Щепанская Т.Л. К культуре эмоций (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. – М.: Российский гуманитарный ун-т, 2001. – С. 236-265.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. – Т.1. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – 700 с.
8. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII – XIX веков. – М.: ОГИ, 2005. – 504 с.
9. Сонтаг С. Болезнь как метафора // Иностранная литература. – 2003. – № 8. – С. 8-23.
10. Погребняк Ю.В. Характеристики интериоризированного дискурса. – Волгоград: «Перемена», 2013. – 262 с.

Список источников:

1. Бэнвилл Джон. Море. Роман // Иностранная литература. – 2006. – № 1. – С. 3-93.
2. Гальего Рубен Давид Гонсалес. Чёрным по белому // Иностранная литература. – 2002. – № 1. – С. 166-232.
3. Ганина М. Созвездие близнецов // Октябрь. – 1974. – № 10.
4. Есин С.Н. Затмение Марса: Роман. – М., 2005!
5. Зорза Розмари и Виктор. «Я умираю счастливой...» – Октябрь. – 1990. – № 10-11.
6. Иванова В. Болезнь // Новый мир. – 1998. – № 11. – С. 154-179.

7. Михайлова Елена. Пожар. Повесть // Звезда. – 2007. – № 10. – С.100-127.
8. Палей М. Хутор: Повесть // Новый мир, 2004, № 9.
9. Поссе Абель. Страсти по Эвите: Роман // Иностранная литература. – 2005. – № 1-3.
10. Празников В.П. Закаливание детей дошкольного возраста. Изд. 2-е. – М.: Изд-во «Медицина», 1988. – 223 с.
11. Рубина Дина. Высокая вода венецианцев: Маленькая повесть // Знамя. – 2002. – № 2. – С. 98-128.
12. Сергеев-Ценский С.Н. Повести, рассказы. – М.: Изд-во «Правда», 1987. – 512 с.
13. Солоухин В. Приговор // Москва. – 1975. – № 1.
14. Суханова Н. Делос // Чистенькая жизнь. Повести и рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1990.
15. Хинт А. Быть самим собой. Роман. Пер. с эст. – М: Советский писатель, 1974.
16. Янковская Татьяна. Мара & Марик. Повесть // Нева. – 2007. – № 12. – С. 59-104.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.432

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА АФРИКИ

SEMANTIC FEATURES OF THE ENGLISH VOCABULARY IN THE TERRITORIAL VARIANTS OF THE FRENCH LANGUAGE IN AFRICA

Ж. Багана
J. Baghana

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: baghana@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются семантические особенности, затрагивающие англицизмы в лексике французского языка Африки, описываются основные изменения, характерные для семантики заимствованной из английского языка лексики, приводятся примеры семантического освоения английской лексики в территориальных вариантах французского языка Африки. Данный анализ раскрывает специфику изменений заимствованной лексики, которая отличает французский язык Африки от других вариантов французского языка.

Abstract. This article discusses the semantic features of the Anglicisms in the vocabulary of the French language in Africa, it describes the changes that are typical for the semantics of the English borrowings, it gives the examples of semantic development of the English language in the territorial variants of French in Africa. This analysis reveals the specifics of the changes of the borrowings that distinguish the French language in Africa from other variants of the French language.

Ключевые слова: англицизмы, лексика, английский язык, заимствования, французский язык, семантика, территориальный вариант, Африка.

Keywords: Anglicisms, vocabulary, the English, borrowing, the French, semantics, territorial variant, Africa.

Заимствования из английского языка во французский язык Африки многочисленны и имеют давнюю историю. Некоторые африканцы

употребляют в изобилии английские слова и выражения, часто не отдавая себе в этом отчет, а другие их систематически избегают. Как бы то ни было, но многие из этих слов уже давно вписаны в культуру франкоязычной Африки и в ее повседневную жизнь.

Наиболее интересными представляются многочисленные семантические метаморфозы, происходящие с английской лексикой в современном французском языке стран Африканского континента. Семантическая самостоятельность – важнейший признак заимствованного слова. Он предопределяет функциональную активность слова, регулярность его употребления в речи.

Чтобы новая единица языка приобрела в нем известные права гражданства, она должна быть принята носителями языка, освоена ими, т.е. должна регулярно использоваться в определенных контекстах и ситуациях. Одним из признаков вхождения слова в систему принимающего языка является его семантическое освоение. В подлинных заимствованиях наиболее замечательное семантическое явление – это специализация значения. Редко случается, чтобы иностранное слово входит в заимствующий язык со всеми своими значениями, даже если их не очень много; обычно оно сохраняет только одно значение, и, таким образом, слово отделяется от своего прототипа.

Язык-реципиент принимает лексику преимущественно в значительно суженном лексическом значении. К механизмам сужения обычно относят уменьшение числа значений по сравнению с языком источником. Так, *lift* (ДРК) заимствовано только в одном значении [анг. *to give a lift* – «подвезти»] – «возможность доехать на чьем-либо автомобиле».

Mon voiture est au garage. Je vais essayer de trouver un lift pour rentrer chez moi. – «Моя машина в гараже. Попытаюсь найти попутку, чтобы вернуться домой».

Существительное *look* заимствовано в значении «внешний вид».

Il a un bon look aujourd'hui. – «Он сегодня хорошо выглядит».

Pépé-soupe, pépé [от англ. *peppersoup* – «суп с перцем»] – «легкий суп, приготовленный с добавлением перца, рыбы, мяса или требухи».

Le pépé-soupe est une sauce claire très pimentée contenant surtout des tripes. Le mot pépé-soupe est probablement composé du mot anglais «pepper» (poivre, piment) qui devient pépé et de soupe. [Touré 1985 : 248]. – «Пепе-суп – это прозрачный, очень перченый суп с требухой. Слово *pépé-soupe* состоит из английского «pepper» – «перец», который становится *pépé* и французского *soupe* – «суп».

Les blacks [англ. «черные»] – «черные африканцы». Интересно, что данное слово применяется только к жителям Африки, но не относится к афроамериканцам.

Stick (ДРК) [англ. «палка, прут»] – «стержень» (родовой термин для обозначения палки, кола, стержня, пики, шеста и проч.)

Cope (ДРК, Конго) в речи франкоязычных африканцев означает «действия по достижению выгоды, результата».

Nous n'avons rien à manger, je pense qu'il faut faire cope. – «У нас ничего есть, я думаю, надо что-то делать».

Slow [англ. «медленный»] – во французском языке Африки означает «медленный танец».

Hier soir aubar La Coupole j'ai dansé slow avec Margueritte. – «Вчера вечером в баре Куполь я танцевал медленный танец с Маргаритой».

Пройдя определенный адаптационный период, иноязычное слово может расширять семантическую структуру, приобретать различные, порой противоречивые оценки. Заимствующий язык, ограничивая значения, ведёт себя не как точный подражатель: он усваивает слово и вновь его создаёт.

Tîne (Зап. Афр.) [от англ. *tin* – «жестяная банка»] – 1) «жестяная банка» (тара из-под импортных товаров объемом около 20 л; широко применяется в домашнем хозяйстве); 2) «банка» (мера объема зерна). Отметим, что графическая форма слова соответствует правилам произношения французского языка.

Les femmes restée au foyer avaient aussileur corvée ; elles devaient leur apporter, au coucher du soleil, unetîne degraines depalmier proprement décortiquées [Oussou-Essui 1999 : 16]. – «У женщин, оставшихся дома, тоже были обязанности; на закате солнца они должны были принести банку очищенных пальмовых семян».

Jazz заимствуется как в своем основном значении – «джаз», так и приобретает новые. Так, в ДРК *jazz (djazz)* означает «элегантный, модный».

Chaque foisque jeleren contre, il est jazz. – «Каждый раз, когда я его встречаю, он выглядит элегантно».

Кроме этого, на всей территории Центральной Африки *jazz* встречается в выражениях следующего рода *tout ser a jazz* – «все будет хорошо», или *Ok, jazz* – «все отлично», где *Ok* уже само по себе означает «хорошо, отлично», а *jazz* усиливает сказанное.

Comment ça va! – Ok, djazz. – «Как дела? – Все отлично».

В Камеруне слово *jazz* означает «неправда».

Il m'a annoncé qu'il arriverait ce soir. Mais il paraît que c'est jazz puisque l'heure passe. – «Он сказал мне, что придет сегодня вечером. Но, кажется, это неправда, потому что время прошло».

Во многих англоязычных странах Африканского континента *jazz* означает «глупости, ерунда, что-либо неправдоподобное».

boat (Б., К. д'Ив., Т.) [англ. «лодка»] – в Африке имеет значение «небольшое судно, перевозящее на берег грузы и пассажиров с корабля, стоящего на рейде».

Примером может служить слово *badge* (Габ.) [англ. «значок»], использующееся как в традиционном значении, так и в новом. Данный случай интересен тем, что мы имеем дело не с прямым заимствованием, а семантической калькой. *Badge* получает значение «заплата» под влиянием французского синонима *plaque* – «знак, бляха», в Конго и ДРК употребляемого в значении «заплата». Таким образом, заимствуется не исходное французское семантическое значение, а значение, свойственное африканскому варианту французского языка.

Dis donc, tous ces badges ! C'est pour faire joli ou parce que ton pantalon était déchiré de partout ? [Jeune, Libreville, 1994]. – «Скажи-ка, эти зачатки для красоты или потому, что твои штаны порваны во всех местах?»

Жизнь некоторых заимствований в языке недолговечна. Случается, что слова исчезают из языковой практики очень быстро. *Cook* (Центр. Афр., Т.) [англ. «повар»] – «прислуга-повар», в настоящее время в данном значении это слово

употребляется крайне редко и заменяется на *boy-cuisinier* [гибрид от англ. *boy* + фр. *cuisinier* – «повар»].

Или *soul* (Т.) [англ. «душа»], заимствованное как название музыкального направления, во французском языке африканцев также означает – «грампластинка» (с записью современной европейской музыки сентиментального содержания). В Конго направление соул связано с фольклором.

Les jeunes de bour sent trop pour les souls. – «Молодежь тратит слишком много на пластинки с музыкой соул».

Pantré (С.) [от англ. *pantry* – «кладовая, чулан»] – «небольшое помещение, используемое в качестве чулана или для жилья».

Наряду с заимствованиями, сохранившими свои исходные значения, во французском языке Африки существует большой пласт английской лексики, которая при заимствовании получила совершенно иное содержание.

Слово *snack-bar* [англ. «закусочная»], также являясь заимствованием, во франкоязычных странах континента означает «ночной клуб». Как правило, это небольшое заведение, где только пьют и танцуют в темноте. Внимания заслуживает тот факт, что это одна из немногих лексем, сохранившая свое исходное фонетическое звучание.

Les Parisiens qui arrive nt en vacances en Afrique ser trouvent chaque soir dans le snack-bar du centre ville. – «Парижане, которые приезжают в Африку в отпуск собираются в ночном клубе в центре города».

Before – [англ. «до, перед»] – «после».

Важно указать, что коннотативный компонент семантики лексических единиц менее устойчив, чем денотативный компонент, то есть семантические ассоциации более подвержены влиянию контекста и быстрее меняются в течение определенного периода времени, чем лексическое значение слова, зафиксированное в толковых словарях [Шаповалов 2003: 22].

Уже с колониальных времен во франкоязычной Африке распространен английский термин *beach* – (ДРК, Конго) [англ. «пляж, побережье»], который в результате сдвига в значении подразумевает «маленький порт для небольших судов».

Le bateau venant de l'autre côté du fleuve a eu costé de nouveau au beach de Brazzaville [Biniakounou 1977: 8]. – «Пароход с другой стороны реки снова пришвартовался в порту Браззавиля».

Следует также отметить такие значения слова *beach* как «место переправы (брод или место лодочной переправы)» и «торговый квартал, расположенный вдоль реки».

Je descends au beach. – «Я спустился в торговый квартал».

Broad (Б.Ф.) [англ. «широкий»] – «просторная повседневная одежда».

Mon cher, au village, je mets mes broads, je ne transpire pas, je me sens (bien) [Lafage, 1989]. – «Дорогой, в деревне я ношу просторную повседневную одежду, я не потею и мне хорошо».

Joker [от англ. «шутник»] – «смешно, нелепо одетый человек».

В Центральной Африке довольно часто встречается слово *bascket* [англ. «корзина»] – «кроссовки». Африканцы незнакомы с его изначальным значением; оно в их сознании ассоциируется с белыми кроссовками, без которых невозможно играть в баскетбол.

Je vais au marché Poto-Poto a cheter des basket(s). – «Я иду на рынок Пото-Пото, чтобы купить кроссовки».

Или заимствованное из английского языка слово *ski* – «лыжа», имеющее следующее значение в обоих Конго – «длинное мороженое домашнего изготовления на основе молока или сладкой воды с добавлением пищевых красителей». Мороженое имеет удлиненную форму, напоминающую лыжу. Кроме того, в сознании местного населения лыжи ассоциируются с холодом, а значит, и с мороженым.

Les marchands ambulants d'eau glacée se précipitent à la récolte des bouteilles abandonnées. Ils y mettent de l'eau sans les avoir rincées sérieusement. C'est autant pour les pots de ski-yaourt ou de mont-blanc. Quoi de plus facile pour intoxiquer les Brazzavillois que cette vogue des fabricants – vendeurs de ski, eau glacée et autres mixtures [Etumba 22/8/87]. – «Уличные торговцы льдом собирают брошенные бутылки. Они заливают в них воду, не прополоскав тщательно. То же происходит с посудой для замороженных йогуртов и мороженого. Мода на подобную продукцию – самый простой способ отравить жителей Браззавиля».

Примечательно, что данное слово в речи продавцов практически всегда дублируется – *ski-ski*.

Словом *guest-house*, в британском английском языке означающим «дом для гостей», в англоязычных и франкоязычных странах Африки называют «гостиницу».

Sometimes (К. д'Ив.)[анг. «иногда»] – «неубедительный аргумент, прием». Отметим, что в англоязычных африканских странах этим словом часто выражают сомнение, неуверенность в чем-либо. Во французском языке в данном случае кроме семантических изменений наблюдается и смена грамматической категории.

C'est un sometimes de maniérage (C'est un chantage qui ne peut pas me convaincre) [Kouadio-Nguessan 1990 : 360]. – «Это неубедительный прием для манипулирования мной».

Из территориальных вариантов английского языка во французский язык Африканского континента заимствуются лексические единицы, являющиеся результатом языковой деятельности англоязычного населения Африки. Например, *been-to*(Т.)[от анг. *I have been to* – «я там был»] – «эмансипированный молодой африканец, ориентирующийся на европейский образ жизни».

Le type-la est been-to fini. Bientôt li dira qu'il a la peau blanche. – «Этот тип законченный сноб. Скоро он скажет, что у него белая кожа».

Или *lorry-station*(Т.) [анг. *lorry* – «грузовик» + *station* – «станция»] – «автостоянка, автовокзал».

High-life (Т., Г.)[анг. «высший свет»] – «хайлайф» (современный танец).

Заимствования названий и имен собственных. Многочисленны во французском языке Африки заимствования имен собственных, которые в результате становятся нарицательными. Процесс вторичной номинации на базе имен собственных и использование их в функции нарицательных называется апеллятивацией. Апеллятивированные личные имена переходят в другие лексические системы и расширяют объем своего применения, претерпевая при этом серьезные лексико-семантические изменения [Королева 2004].

Например, *jagua, jaguar* [от названия марки автомобиля] – «элегантный, модный, современный».

Aucune femme n'était jagua comme elle et toutes voulaient l'imiter et la jalousaient par ce qu'elles n'arrivaient pas. – «Она была самой модной и элегантной, все пытались походить на нее и завидовали, потому что у них не получалось».

В Габоне и Конго так называют «красивую женщину, подружку».

Comment une superbe djag comme moi, depuis ce matin par exemple aucun mec ne m'a regardée [Le Réveil, 30/10/1998]. – «Как на такую симпатичную девушку, как я, с самого утра не посмотрел ни один мужчина».

Лексика, попадая в чужую языковую среду, часто меняет свое значение, причем не один раз. Как, например, два значения слова *miké-miké*, или *mickey-mickey* [от имени мультипликационного персонажа] – 1) «любой мультипликационный персонаж»; 2) «комикс, детский спектакль». Но в последнее время словом *miké-miké* называют молодых девушек до 15 лет.

Исследователями отмечено, что при переходе имен собственных в разряд нарицательных они наполняются новым значением, которое теперь соотносится с типичной деятельностью именуемого человека, с типичной продукцией, изготовленной данным лицом, в данной местности, в данное время и т.д.

Apollo – (от названия американского космического корабля) в настоящее время слово приобрело пейоративный оттенок – «гнойный конъюнктивит». Эпидемия болезни в Африке совпала по времени с запуском американцами космического корабля в июле 1969 года. Конголезцы считали это проявлением божьего гнева. В последнее время данный термин используется для названия болезней маниока.

En 1973 est apparue pour la première fois une maladie bactérienne de dépérissement du manioc (...) Les paysans, invoquant pêle-mêle, la colère des ancêtres, la punition divine. Ils la baptisèrent alors Apollo (...) [N'Kaloulou 1984, 102]. – « В 1973 году впервые появилась бактериальное заболевание маниока. Крестьяне видели причиной гнев предков и наказание богов. Ее окрестили Аполло».

Перенос на основе логических ассоциаций происходит и при переосмыслении названий марок изделий и фирменных названий. Таких примеров во французском языке Африки довольно много.

Turboking [от английской марки продукта *Turbo* – «турбо» и *king* – «король»] – «пиво, импортированное из ДРК. Оно считается лучшим, «королем» среди других марок крепкого пива»;

Goodyear (ДРК) [от названия автомобильных шин] – 1) «мужская обувь на толстой подошве»; 2) женская обувь на высоком каблуке».

Les jeunes filles de Matongué aiment porter de Goodyear chaque soir avec fierté. – «Девушки из квартала Матонге с гордостью надевают каждый вечер туфли на высоком каблуке».

Lashell (Чад) [от названия американской фирмы *Shell*, продающей топливные продукты] – «бензозаправочная станция».

Для образования новых слов во французском языке Африки довольно активно используются названия различных продуктов и товаров:

- *rudi-paints* [от названия краски *Rudi-Paints* английского производства, написанного на металлической коробке емкостью 100 л] – «столитровая металлическая коробка».

• *quaker* [от названия английской марки пшеницы, продаваемой в жестяных банках] – «квакер, банка, мера измерения продуктов».

A l'ombre d'un manguiier, je consomme mon plat de "ngembo" avec un «quaker» de vin de palme bien sucré. [La Semaine, 6/2/86]. – «В тени мангового дерева я ем блюдо из летучей мыши и пью квакер подслащенного пальмового вина».

Также можно сказать *quaker de riz* – «квакер риса», *quaker de haricot* – «квакер фасоли», *quaker de sel* – «квакер соли» и т.д.

По мнению И.Н. Королевой, такие случаи вторичных именований можно считать характерными для современного мира, и оно на любом континенте имеет большое значение, поскольку ярко отражает идеологию общества потребления. С другой стороны, это еще раз доказывает стремление к экономии языковых средств, т. е. срабатывают собственно языковые законы [Королева 2004: 132].

В Буркина-Фасо виски нередко называют *marcheur*. Данный африканизм появился благодаря надписи «*Johnny Walker*» на бутылке виски, где английское слово *Walker* было переведено на французский как *marcheur* – «идущий человек».

Антропонимы лежат в основе многих неологизмов во французском языке Африки. Например, *bill* (ДРК, ЦАР) [от англ. Имени *Bill*] – «бездельник, праздношатающийся молодой африканец». Отсюда *billisme* – «праздный образ жизни».

Johnny (Н.) – «джинсы»;

Kennedy [от имени американского президента] – «важная персона».

В Руанде имя американского президента послужило названием молочного порошка (появление неологизма связано с американской гуманитарной помощью руандийцам во времена президентства Дж. Кеннеди) [Клоков 2000: 200].

В речевом акте значение имени собственного конкретизируется в плане выявления своей особой семантики. Большую роль при этом играют экстралингвистические факторы, в частности, предварительное знание или незнание называемого объекта, «знакомство» с ним. Общеизвестные имена собственные, имена известных людей при их упоминании выражают вполне конкретное для всех значение [Королева 2004: 36].

А также *rockffeler* – «богач», причем необязательно, чтобы человек, которого так называют, был очень богат.

C'est notre rockffeler du quartier qui fête l'anniversaire de son enfant. – «Это богач из нашего района отмечает день рождения своего ребенка».

Mamie Water – «русалка, богиня воды, которая может приносить и удачу, и несчастье». Отметим, что существует множество вариантов графического отображения данного имени – *mamiWata*, *mami-wata*, *tamuwata*, *tamuwatta*, *mami Ouatta*.

Tu ressembles à Mamy Wata, la déesse de l'eau. La nuit tombée, elle sort de son royaume et séduit tous les hommes qu'elle rencontre sur son chemin. Ceux qui la suivent sont avalés par les flots. [V. Tadjou 1992: 32]. – «Ты похожа на русалку, богиню воды. Когда наступает ночь, она покидает свои владения и соблазняет всех мужчин, попавшихся ей на пути. Тех, кто за ней следует, поглощают волны».

Il se dit doté d'un pouvoir surhumain et de dons divins grâce à sa rencontre avec la «Reine des Eaux» communément appelée Mamie Water.[Déetective, 16.03.1995].– «Он объявил, что обладает сверхчеловеческими способностями и божественным даром благодаря встрече с «Королевой вод», которую все называют Мами Вотер».

В результате расширения значения в Конго *Mamie Water* называют очень красивую женщину, жену. Причем, по мнению многих африканцев, наличие красивой жены отрицательно влияет на мужчину. Любой негативный поступок мужчины или его отказ в услуге объясняется влиянием красивой, но своенравной женщины.

Hier il a refusé de nous aider. Il est probable que ça soit l'influence de sa Mamu Water. – «Вчера он отказался нам помочь. Скорее всего, это его Мами Вотер на него так влияет».

По мнению В.Т. Клокова, имя собственное в Африке имеет большее культурологическое наполнение, чем в Европе. Автору представляется возможным предположить, что культурная нагруженность имени собственного в Африке связана с более сложной, нежели в Европе, культурной обстановкой [Клоков 2000: 204]. Процесс апеллятивации в Африке носит не только широкий, но и довольно специфичный характер, который обусловлен тем, что африканское общество до настоящего времени находится на этапе развития устной традиции в культуре. В связи с этим многие элементы европейского языка на территории Африки подчиняются особому типу осмысления реальной действительности. Африканцы придают особое значение имени собственному, считают его носителем сакральности, верят в то, что имя определяет судьбу людей и предметов. Давая имя, африканцы стремятся сохранить в памяти коллектива информацию о том или ином человеке, объекте, предмете, об их отрицательных или положительных качествах. Это и обуславливает специфичность процесса апеллятивации в африканских условиях. Часто апеллятивированные единицы обладают большей эмоционально-экспрессивной насыщенностью по сравнению с обычными словами. Это позволяет африканцам наилучшим образом передать свое отношение к тому или иному объекту окружающей их действительности. Вполне вероятно, что возможность дать более точную характеристику явлениям окружающего мира и является причиной столь активного процесса апеллятивации собственных имен в африканском варианте европейского языка [Королева 2004].

Невозможно не отметить такую особенность африканского речевого поведения, как табуирование, запрет на употребление отдельных имен собственных. Африканцы вообще склонны к осторожному обращению с именем человека. С другой стороны, поскольку европейские языки для африканцев являются чужими, то на них не распространяются полностью традиционные правила запрета [Клоков 2000]. Так как африканцы вкладывают в имя человека большой смысл и считают его носителем той «духовной тайны» (по определению А.Х. Ба), которая будет определять дальнейшую жизнь обладателя имени и даже его потомков, то африканцы для создания новых апеллятивов крайне редко обращаются к аутентичным именам. Обычно для вторичной номинации используется имя собственное неафриканского происхождения.

Студенческое аргю. Одной из групп заимствованной английской лексики является студенческое аргю. Использование английской лексики современной франкоязычной молодежью связано в первую очередь с учебной деятельностью.

Flash (voir flash) [отанг. «неудача»] – «неудача в каком-либо интеллектуальном занятии, провал на экзамене».

Ceux des candidats qui avaient vu flash peuvent remercier le feu qui a incendié le camion qui transportait les épreuves [Ivoir'Soir, 05.06.1997]. – «Те, кто провалился на экзамене, должны благодарить огонь, который охватил грузовик, перевозивший результаты экзаменов».

Английское прилагательное *big* в своем исходном значении – «большой» достаточно распространено в повседневной речи африканского населения. В студенческом аргю оно несколько меняет свое значение и преобразуется графически и фонетически: *bigga* – «трудный, сложный».

Ce devoir de maths est trop bigga ! ! ! [BDBoom, n°3, 4/1997]. – «Это задание по математике очень сложное».

Everyday [анг. «каждый день»] используется молодежью как ответ на следующего рода вопросы:

Pourquoi ne vas-tu plus à l'université? – Comment ça? Everyday. – Почему ты больше не ходишь в университет? – Как это? Каждый день (хожу).

Также нередкое явление в речи молодежи – английские заимствования, связанные с развлечениями.

Gazoil (gaz-oil, gasoil) [анг. «бензин»] – «молодежная вечеринка».

Chérie y a sida, sida, sida, maladie dangereuse, maladie du gazoil. [Chanson zoug loudes «ProsduPhare», 1994]. – «Дорогая, СПИД – опасная болезнь, болезнь молодежных вечеринок, тусовок».

Nomdegazoil – псевдоним на вечеринке: как правило, это название какого-либо места или имя известного человека (политика, актера, футболиста и др.).

Elle a choisi Delphine Mitterand comme nom de gazoil. [Restauratrice, Abidjan, 1991]. – «Она выбрала себе имя для вечеринки Дельфина Миттеран».

Mon nom de gazoil c'est London. [Chanson «Ambiance» ; Groupe Les corines, 1994]. – «На вечеринках меня зовут Лондон».

Come on (everybody) – призыв танцевать, подбадривающая реплика на дискотеке.

Gayis [от. анг. *guys* – «парни»] – популярная форма обращения в молодежной среде.

Gold [анг. «золото»] – «украшение из золота или дешевая бижутерия». В результате метафорического переноса данное слово получает значение «то, что блестит».

Английское слово *o'clock* широко распространено среди молодежи Конго в значении «точное время».

J'arriverai à cinq heures o'clock. – «Я приду ровно в пять часов».

Тогда как в английском *o'clock* используется просто для указания времени (часа).

People [анг. «люди, народ»] – «парни, ребята» (обращение к друзьям).

В этом случае имеет место семантическая калька, так как африканцы используют в данном значении и французское слово *peuple* – «народ».

Следующее популярное в студенческой среде выражение – *only for dogs* (К. д'Ив.) [анг. «только для собак»] означает «что-либо очень невкусное».

Je ne mange aisrien, c'était «only for dogs» et pour tant j'étais peueuxigeant pour la qualité [Krol 1994 : 38] – «Я ничего не ел, это было совершенно несъедобно, хотя я непривередлив».

Модное, актуализованное слово легко перенимается, расширяя сферу своего влияния, затмевая другие возможности выражения данного смысла, безусловно, избираясь всякий раз как уникальная единица, предпочитаемая синонимам.

Boom [анг. «шум, гул»] – «вечеринка, светское мероприятие». Использование английской лексики, связанной с развлечениями, характеризует говорящего как стильного, современного, успешного человека, достаточно популярного в светских кругах. *Boom* в Конго, ДРК, ЦАРе подразумевает «светскую тусовку», на которую приходят, чтобы показать свои наряды, похвастаться, произвести впечатление.

«Laisse-moi tranquille, je vais au boom des vacanciers» [Tatara, Juin 1983]. – «Оставь меня в покое, я иду на вечеринку отдыхающих».

В процессе внедрения в чужую языковую среду английская лексика подвергается изменениям, которые ярче всего проявляются в семантике. На преобразования, которым подвергаются иноязычные слова, оказывает влияние как собственно лингвистическая ситуация, так и культурно-исторические условия. Английские заимствования испытали во французском языке Африки такие изменения, которые во многом отличаются от изменений, происшедших в языке-источнике.

Список литературы

1. Клоков В.Т. Французский язык в Африке. – Саратов, 2000. – 284 с.
2. Королева И.Н. Использование онимов в процессах апеллятивации (на материале территориальных вариантов французского языка Франции, Канады, Африки): Дис...на соискание канд. филолог. наук. – Саратов, 2004.
3. Шаповалов Ю.А. Взаимодействие культурно-исторических и собственно языковых факторов в процессе взаимодействия языковых единиц (на материале англо-американских заимствований в современной русской и немецкой прессе). Дис. ... на соискание степени канд. филолог. наук. – Саратов, 2003.

УДК 81'23:811.11-112

**АНАЛИЗ АППРОКСИМАТИВНЫХ И ИНТЕНСИФИКАТИВНЫХ
ЭЛЕМЕНТОВ В СТРУКТУРЕ НЕМЕЦКИХ БЕЗЛИЧНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ**

**THE ANALYSIS OF THE APPROXIMATION AND INTENSIFICATION
ELEMENTS IN THE STRUCTURE OF THE GERMAN IMPERSONAL
SENTENCES**

**О.В. Кузьмина, Т.М. Пристинская
O.V. Kuzmina, T.M. Pristinskaya**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: kusmina@bsu.edu.ru, pristinskaja@bsu.edu.ru

Аннотация. В настоящей статье анализируется роль аппроксиматоров и интенсификаторов, входящих в структуру немецких безличных предложений, рассматривается влияние семантики дополнительных структурных элементов предложения на реализацию авторской стратегии.

Abstract. The controversial status (adverb with the value of measure or degree, the modal word, the modal particle) and a distinct functional role of the approximators and intensifiers in the structure of utterances reflecting the anthropocentric nature of language, explain the relevant and constant interest of linguists to the study of these lexical units in the syntagmatics in accordance with their pragmatic functions. The semantic and pragmatic potential of the approximators and intensifiers in the German language was researched in a number of linguistic works, but semantic features and pragmatic functions of these qualifiers in the structure of impersonal sentences in the German language were not the subject of study. This article will focus on these aspects of lexical units within the structure of impersonal sentences and affecting the realization of the state or process meaning expressed by these sentences.

Ключевые слова: безличное предложение, аппроксиматор, интенсификатор, семантическая структура предложения, категория градуальности/интенсивности.

Keywords: impersonal sentence, approximator, intensifier, semantic structure of the sentence, category of gradualness/intensity.

Введение

Дискуссионность статуса и ярко выраженная функциональная нагрузка аппроксиматоров и интенсификаторов в структуре высказываний, отражающая антропоцентрический характер языка, объясняют актуальность и неослабевающий интерес лингвистов к исследованию этих лексических единиц в синтагматике с учетом их прагматических функций.

Семантика и прагматический потенциал аппроксиматоров и интенсификаторов на материале немецкого языка рассматривались в ряде лингвистических работ [4; 10; 11; 13; 14; 15; 18;], но семантические особенности и прагматические функции этих квалификаторов в структуре безличных предложений немецкого языка не были предметом изучения. Поэтому в данной статье в фокусе внимания находятся эти аспекты лексических единиц, входящих в структуру безличных предложений (далее БП) и влияющих на реализацию значения состояния или процесса, выражаемого данными предложениями.

Цель работы

Исследование лексики с дискуссионным статусом в структуре немецкого безличного предложения с позиций функционального подхода, позволяющего сопоставить их семантику и функции в синтаксической структуре и уточнить статус, нацелено на установление спектра интенций автора высказывания.

Основная часть

Конструкции с грамматическим субъектом (подлежащим) *es* обычно подразделяются типологически в отечественной лингвистике на два больших типа: личные и безличные предложения. В качестве **личных** рассматриваются предложения, в которых местоимение *es* является личным, входя в оппозицию трех форм местоимения (а соответственно и согласующихся с ними форм сказуемого) по признаку лица (*ich – du – er/sie/es*). Местоимение *es* является субститутотом и кореферентно с замещаемым им существительным (антецедентом), находясь с ним в анафорическом или катафорическом референтном отношении и согласуясь с ним по признаку рода, в силу чего возникает также оппозиция в сфере местоимений 3-го лица (*er – sie – es*). В качестве **безличных** рассматриваются фактически все остальные типы предложений с субъектом *es*, представляющих собой довольно пеструю группу, основным признаком которых является отсутствие оппозиции *es* и согласуемого с ним предиката по признаку лица и числа: оба компонента предикации являются „одноличными“, „безличными“, как бы лишенными признака и, соответственно, категории лица.

Однако помимо ядерного, субъектно-предикатного отношения в составе предложения значительную роль играют и дополнительные структурно-семантические элементы (дополнения, определения, обстоятельства), позволяющие адекватно отразить структуру ситуации объективной действительности. При анализе той или иной модели предложения необходимо учитывать, что эти переменные элементы играют также существенную роль. Так, согласно концепции В.В. Виноградова и его последователей, в качестве основополагающих признаков предикативности рассматриваются категории личности, модальности и времени [5, с. 33; 3, с. 30-31]; в валентностных моделях предложения учитываются обязательные и факультативные „восполнители“/ актанты/*Ergänzungen* [21, с. 606-632; 22, с. 235-241 и др.]. В целом ряде работ отмечается релевантность всех элементов предложения, как в структурном, так и в семантическом плане [1, с. 5-6; 6, с. 207-216].

Прежде, чем мы обратимся к анализу немецких безличных предложений, в структуре которых есть аппроксимативные или интенсификативные элементы, изложим основные теоретические положения, связанные с исследованием категории интенсивности и категории аппроксимации.

Еще Э. Сепир писал о том, что «каждое исчисляемое, будь то предмет (например, дом), или действие (например, бежать), качество предмета (например, красный) или действия (например, грациозно), по природе своей поддается градуированию» [16, с. 45], подчеркнув тем самым связь градуирования с семантической категорией количества. Количество может быть дискретным, существующим как «мощность множества» [12, с. 158], свойственная прерывным объектам, т. е. быть связанным со счетом, а может

быть и недискретным, выступать как объективная определенность качественно однородных явлений. Качество как непрерывное количество в рамках однородных явлений может подвергаться изменению в виде степени (меры) проявления (квантификации) признаков, состояний, процессов, определенности субстанций. Существование взаимосвязанных внеязыковых категорий качества и количества предполагает и обязательное существование категории градуальности, или интенсивности: «... количественная разница, или разница в интенсивности, является одной из тех общих «категорий», в которые мы вводим любые объекты нашего восприятия или нашей мысли» [2, с. 203].

Одной из основополагающих работ зарубежных лингвистов по проблеме градуальности является работа Э. Сепира [16]. Автор понимает градуирование как упорядочение в соответствии с некоторой шкалой и вводит понятие «объективной нормы» или «среднего статистического», т. е. точки отсчета при абсолютной или относительной оценке количественной разницы характеризуемого явления.

И.И. Туранский, рассматривая интенсивность как «количественную меру оценки качества, меру экспликативности» [19, с. 3], отмечает, что объективной основой интенсивности признака является «объем» признака, представляющий собой градуируемую шкалу, включающую различные оттенки общего, тождественного для носителей признака [там же, с. 31]. В сознании каждого индивидуума эта шкала имеет субъективный характер, но субъективное восприятие, субъективная оценка отражает объективно существующие количественно-качественные характеристики реальной действительности, закрепленные в значении однозначных слов. Если при относительной оценке интенсивности признака основанием оценки является конкретная степень проявления признака у некоторого носителя, и оценка выражается, как правило, в виде сравнения, то абсолютная оценка интенсивности признака реализуется без выражения сравнения, которое объективно заложено в ее основе. В этом случае номинант осуществляет имплицитное сравнение обозначаемого признака с ординарным (нормативным) уровнем проявления тождественного для определенного класса носителей признака и выявляет отклонение именуемого признака в сторону усиления (интенсификации) или ослабления (деинтенсификации) от ординарного уровня. Средства других уровней языка, функционально синонимичные грамматической категории сравнения прилагательных и наречий, передают наряду с общим, инвариантным значением интенсивности качества или процесса также различные семантические оттенки (варианты), существующие в рамках общего градуального значения. Другими словами, они являются средствами семантической субкатегоризации интенсивности.

Диапазон количественной неоднородности признака может быть различным в зависимости от способа его языкового выражения. Так, в морфологии кроме исходной, позитивной, обычно выделяются две степени признака – сравнительная и превосходная, в рамках словообразования можно говорить о трех степенях признака – ослабленной (например, *rötlich*, *halbblau*), высокой (например, *urkomisch*, *steinhart*) и чрезмерной (например, *übertoll*, *superfaul*). При выражении степеней признака с помощью лексических средств, получивших самые разные терминологические обозначения в трудах разных авторов, количество степеней варьируется у разных исследователей. Согласно

Е. Кржижковой [7], количественные наречия выражают шесть степеней признака (большую, чрезмерную, полную, неполную, достаточную и недостаточную). Н.В. Лисова [10] выделяет наречия с семантикой восьми степеней признака (малой, средней, высокой, предельно-высокой, достаточной, избыточной, полной и неполной). К.Т. Рсалдинов [15], рассматривая две степени признака, выражаемые с помощью лексических средств – абсолютно ослабленную и абсолютно высокую, – градуирует их по уровню на малую, умеренную и приблизительную, с одной стороны, и высокую, полную (достаточную), предельно-высокую и чрезмерно-высокую – с другой.

В работе Д. Болинджера [20], который пишет о «градулируемых» и «неградулируемых» словах, выделяется четыре вида последних. При сочетании с другими полнозначными словами они выражают значение интенсификации или деинтенсификации с целью эмфатизации высказывания. В зависимости от направления градуирования и отношения признака к пределу автор разграничивает следующие квантификаторы: усилители (boosters), указывающие на возрастание признака в направлении максимума; усреднители (compromisers), сдвигающие значение в направлении к центру и допускающие двоякую интерпретацию (в сторону усиления и в сторону уменьшения); уменьшители (diminishers), указывающие на убывание признака; минимизаторы (minimizers), сдвигающие значение к нижнему пределу и граничащие с отрицанием. Таким образом, Д. Болинджер выделяет высокую, среднюю, малую и незначительную степени проявления признака.

Объяснением различий в количестве выделяемых разными авторами степеней признака, эксплицируемых с помощью лексических единиц, служит модальный, оценочный характер самой семантической категории интенсивности, или градуальности. Несмотря на эти различия, все исследователи признают, что непрерывный диапазон качества признака включает кроме зоны «норма» (ординарного качественного уровня признака) зону «больше нормы» (интенсификацию) и зону «меньше нормы» (деинтенсификацию).

Как уже отмечалось, среди ученых, исследующих лексические средства выражения интенсивности, нет единства относительно используемой терминологии. Наряду с уже упомянутыми обозначениями «неградулируемых» слов часто используются и такие термины, как: квантификаторы, интенсификаторы, деинтенсификаторы, аппроксиматоры, причем объем выражаемого ими понятия может быть разным в работах разных авторов. В одном случае аппроксиматор, как и квантификатор – родовое понятие, объединяющее интенсификаторы и деинтенсификаторы; в другом случае – видовое понятие, которое обозначает лишь разновидность деинтенсификатора с семантикой приблизительной, неполной степени. Это объясняется тем, что категория интенсивности и категория аппроксимации являются смежными, коррелирующими друг с другом в плане качественно-количественной градации именуемого признака, но их семантическое пространство не покрывает друг друга.

Аппроксимация непосредственно связана с процессами познания – восприятием, пониманием, осмыслением информации, которая в акте коммуникации требует вербальной экспликации, и с субъективной модальностью – оценкой именуемого признака, процесса или объекта

относительно его соответствия стереотипному представлению. По мнению А.В. Сёмкиной, категория аппроксимации является познавательной категорией, обеспечивающей «процесс усложнения так называемого «прототипического мира», который является гораздо более простым по сравнению с окружающим человека миром. <...> При прототипическом подходе к процессу номинации и значению слова значение определяется как структурированный набор признаков, каждый из которых <...> занимает фиксированное место в иерархии признаков» [17, с. 53]. Причем «описание значения включает описание прототипа (эталонного представителя данной категории) и периферии (различных допустимых отклонений от прототипа)» [8, с. 69]. Элементы реальной действительности, окружающие человека, являются в большинстве случаев определенными для воспринимающего мир субъекта, поэтому имеют в языке точные номинации. Приблизительность, неточность порождаются сознанием познающего мир субъекта, который в силу различных причин (недостаточной осведомленности, размытости, неопределенности воспринимаемого признака или объекта, отсутствия имени в своем лексиконе, нерелевантности точной информации) использует в процессе коммуникации средства аппроксимации. Таким образом, категория аппроксимации, в том числе и в языке, основывается на противопоставлении «точность, определенность – приблизительность, частичная неопределенность». Механизм лингвистической аппроксимации состоит в модификации точной номинации элемента денотативной ситуации, который мыслится как норма, ординарный уровень качества или эталонный набор признаков (прототип) объекта. В содержательном плане аппроксимация состоит в незначительной деинтенсификации признака (в его подобии прототипу), неточности количества или неполноте набора признаков, характерных для именуемого класса объектов. Это происходит благодаря привнесению аппроксиматорами, которые маркируют отклонение именуемого элемента денотативной ситуации от нормы, в значение вторичной номинации сем «приближенность (к норме)» и «неотождественность», а также имплицитруемой или реализуемой семы «подобие/сходство».

Категория интенсивности, выражающая оценку степени именуемого признака или качественной определенности объекта, имеет характер шкалы с точкой отсчета, или нормой, и зонами усиления, или интенсификации, и ослабления, или деинтенсификации. Соответственно, лексические единицы, маркирующие интенсивность признака, называют обобщенно терминами «интенсивы» или «интенсификаторы». Последний используется и для обозначения слов, выражающих отклонение признака от нормативного уровня проявления только в направлении «больше нормы», в то время как для обозначения лексических единиц, указывающих на отклонение признака от нормы в направлении «меньше нормы», чаще используется термин «деинтенсификатор».

Несколько замечаний о функциональной нагрузке аппроксиматоров и интенсификаторов. Наряду с передачей градуального и одновременно модального значения – значения рациональной оценки меры качества обозначаемого элемента денотативной ситуации (признака, состояния, процесса, субстанции) эти лексические единицы выражают различные оттенки прагматического значения (эмфатизации высказывания, создания образности,

смягчения категоричности утверждения, акцентирования нерелевантности точного обозначения, стремления к точности номинации, вуалирование недостаточной точности сведений и др.). Будучи квантификаторами степени и меры качества, аппроксиматоры и интенсификаторы образуют парадигму, члены которой объединены общим значением градуальности качества, а дополнительно выражают субкатегориальные значения, передающие разные степени деинтенсификации или интенсификации. Роль аппроксиматоров и интенсификаторов как оценочных операторов заключается в том, что при модификации градуальной семантики качества их значение как бы «накладывается» на нее и отражает авторскую характеристику обозначаемого признака относительно стереотипных представлений о нем, формирующих соответствующий концепт.

Обратимся к контекстам употребления аппроксиматоров и интенсификаторов в безличных предложениях немецкого языка.

Для удобства анализа мы не будем подробно останавливаться на структурных типах БП в немецком языке [более подробно см.: 9], упомянем лишь, что к данной группе мы относим как предложения, репрезентирующие атмосферно-метеорологические, астрономические, „календарные“ явления и другие состояния биосферы, не зависящие от воли человека, имеющие спонтанный (нецеленаправленный) характер и обусловленные объективными процессами в микро- и макрокосме, так и БП с семантикой стальных и динамических процессов в антропосфере.

Качественная характеристика представленного в БП состояния или процесса может усиливаться с помощью лексических интенсификаторов, которые, сочетаясь с именами прилагательными и наречиями, различаются по грамматическому статусу и выражаемой степени интенсивности.

Так, при описании процесса психологического воздействия на героя чрезмерно-высокая степень выражается с помощью наречия *zu* (в терминологии других авторов – усилительной частицы): *...es erschütterte mich zu sehr, mein eigenes Wunder zu sehen (S.Zweig)*. Чрезмерно-высокая степень потрясения создается в анализируемом контексте комбинацией интенсификатора *zu* с наречием со значением высокой степени *sehr*. В этом случае, так же, как и в контексте ниже, основной стратегией автора высказывания является эмфатизация высказывания: *Es ist zu spät geworden, darum habe ich bei Feck übernachtet (B.Brecht)*. Субъективное оценочное суждение об астрономическом явлении (позднем вечере, сменяемом ночью), выраженное в первой части сложносочиненного предложения словосочетанием *zu spät*, подтверждается во второй части глаголом *übernachtet*, значение которого содержит сему «ночь».

Наречие с семантикой высокой степени признака *sehr* часто используется в БП также с целью акцентирования субъективной оценки погодных условий (состояния температуры, шторма, ветра), например: *... denn es war sehr stürmisch (A.Seghers)* – так же: *sehr warm, sehr kalt, sehr heiß* и т.д.

Сложно точно оценить физическое или психологическое состояние человека, его оценка носит, как правило, субъективный характер. Интенсификаторы могут маркировать стремление автора подчеркнуть ту или иную оценку состояния. Например, в анализируемых примерах БП негативная оценка усиливается с помощью интенсификаторов со значением полной степени, которые сочетаются с негативно-оценочными прилагательными,

обозначающими физическое состояние лица: *Georg sah das, es wurde ihm ganz flau* (A.Seghers); *Jetzt dämmert es dem Mädchen, wer die alte Frau gewesen sein mag, ihr wird ganz übel vor Ärger* (A.Seghers).

В структуре немецкого БП наречие с семантикой умеренной степени *ziemlich* может выражать рациональную оценку состояния погоды или психологического состояния лица (при этом возможен вектор отклонения от нормативного уровня и в сторону интенсификации, и в сторону деинтенсификации; ведущим оказывается широкий контекст), и быть маркером прагматической функции – эмфатизации или смягчения категоричности оценки. Например, контекст ниже свидетельствует, что автор высказывания в придаточном уступительном предложении старается вежливо, не категорично подчеркнуть то, что было холодно. Это подтверждает и содержание главного предложения, в котором говорится о том, что герой был без сюртука, что явно не соответствовало состоянию характеризуемой погоды: *Der Mann ... war sehr vornehm gekleidet, aber ohne Überrock, obgleich es ziemlich kalt war* (A.Seghers). Аналогичные примеры: *ziemlich dunkel*, *ziemlich naß* и т.д.

Другое безличное предложение, характеризующее внутреннее состояние героя, не столько выражает степень проявления этого состояния, сколько акцентирует внимание реципиента на субъективной характеристике героем факта, суть которого раскрывает дополнительное придаточное предложение: *Es ist ihm also ziemlich fremd, daß man so laut und ohne jede Hemmungen lacht über ihn* (Kulturchronik).

Нередко в структуру предложения входят прилагательные и наречия с усилительной функцией: *In diesem Loch, sagte er sich, ist es aber verdammt kalt* (W.Schäfer). *Es war atemlos still. Die Luft flimmerte* (B.Brecht). ... *während es vollends dunkel wurde...* (A.Seghers). В первых двух примерах интенсификаторы имеют экспрессивно-оценочный и наглядно-образный характер, благодаря чему подчеркивается субъективная оценка состояния природы.

Среди интенсификаторов, часто функционирующих в структуре БП, следует назвать количественное наречие *viel* и наречие *immer* с семантикой временной протяженности, которые в сочетании с прилагательными в сравнительной степени реализуют именно значение усиления, например: ... *es wurde immer dunkler in dem Raum...* (Th.Fontane). *Es war doch viel amüsanter, zu spielen* (Th.Fontane). Расчлененные номинации являются выражением субъективной оценки физического состояния (темноты в пр.1) или психологического (веселья в пр. 2).

Довольно часто интенсификация в БП достигается посредством употребления степеней сравнения прилагательных в сочетании с оборотом *je...desto*: *Je weniger in mir selbst sich gefühlshaft regte, desto stärker drängte mich's hin, wo der Lebenskreisel sich am geschwindesten dreht...* (S.Zweig). ... *und je später es wurde, desto mehr füllte sich sein Herz mit Unglück an* (S.Zweig). Парный союз *je...desto* выполняет в предложении эмфатическую функцию, акцентирует внимание читателя на оценке внутреннего состояния лица в зависимости от названных в первой части предложения обстоятельств.

Интенсивность качественного состояния окружающей среды в БП выражается также с помощью словообразовательных элементов, например, полупрефикса с производным, образно мотивированным значением усиления: *Draußen war es stockfinster* (A.Seghers). Интенсификация именуемого природного явления реализуется в структуре БП и благодаря употреблению

сложных прилагательных, первая производящая основа которых имеет сему сравнения, например: ... *obwohl es im Hof taghell war* (A.Seghers). Номинации состояний природных явлений в данных высказываниях выполняют прагматическую функцию эмфатизации и создания наглядного образа.

Усилительную функцию в высказывании выполняет также сочинительная связь качественных прилагательных с относительными прилагательными, имеющими в семантике прагматически негативную сему, т. е. обозначающими состояния природы, воспринимаемые человеком однозначно негативно. Например: *Naß und zugig war's in den giebeligen Gassen* (Th.Mann) – так же: (so) *naß und windig, trüb und regnerisch, kalt und regnerisch* и др.

Довольно многочисленную группу в нашем эмпирическом материале составляют БП, в структуре которых используется повтор лексической единицы для репрезентации интенсивности процесса: *Wochen und Wochen hatte es auf das Dach geplätschert* (S.Zweig). *Es dunkelte mehr und mehr* (Th.Mann). *Und dann regnet's, regnet's* (B.Brecht). *Und es trommelte, trommelte: papperlapapp, papperlapapp* (B.Brecht). Это синтаксическое средство выполняет в высказываниях не только функцию интенсификации процессов, в большинстве случаев повтор слов акцентирует монотонность, однообразие процесса, а в последних двух примерах создает звукоподражательный эффект.

Конечно, представленным выше набором способов и приемов не исчерпывается все многообразие выразительных средств интенсивности как семантической категории, для более подробного анализа необходима большая выборка примеров. Однако следует отметить, что использование интенсификаторов делает высказывание более ярким и выразительным, что и показал анализ вышеприведенных примеров.

Анализ безличных предложений, в структуре которых представлены квантификаторы из зоны деинтенсификации, включая аппроксиматоры, позволяет сделать вывод о том, что арсенал средств выражения ослабленного состояния или процесса в сравнении со средствами интенсификации не столь богат и разнообразен.

Малая степень проявления психологического состояния героя выражается в БП с помощью устойчивых словосочетаний *ein wenig, ein bisschen*, для толкования значений которых толковый словарь использует эти же лексемы как синонимы, а также наречие со значением малой степени *etwas*, например: *Es war ihm ein wenig bang ums Herz* (A.Seghers). Субъективная оценка такого состояния, как страх, с трудом поддающегося точному определению относительно меры проявления, основывается на восприятии автора высказывания, результаты которого он сравнивает со стереотипным представлением о страхе. Прагматическая роль деинтенсификатора в высказывании состоит в стремлении наиболее точно обозначить состояние, подчеркнуть, что страх был незначительным.

Нередко в БП для демонстрации ослабления состояния, выраженного предикатом, используются аппроксиматоры *fast, beinahe, nahezu*, статус которых определяется в лингвистической научной литературе по-разному (то как наречия со значением степени и меры, то как частицы с семантической функцией ограничения определяемого слова). Эти лексические единицы в сочетании с прилагательным выражают единое понятие – приближенную к нормативному уровню степень проявления состояния природного явления (пр.1) или душевного состояния лица (пр.2): *Es war fast finster* (Th.Mann). *Mir*

tat es fast leid, Direktor Förtsch in eine so peinliche Angelegenheit hineingezogen zu sehen (B.Brecht).

В прагматическом аспекте использование аппроксиматоров *fast*, *beinahe*, *nahezu* для уточнения слова со значением состояния, предполагающего возможность градуирования, вызвано стремлением автора высказывания наиболее адекватно обозначить состояние, которое, с его точки зрения, проявляется не в полной мере, не совсем соответствует ординарному уровню проявления. Аппроксиматор указывает на то, что прилагательное, используемое для номинации состояния, является не совсем подходящим для его точного обозначения, но более подходящего слова в лексической системе данного языка для номинации этого состояния нет.

Иногда широкий контекст подтверждает, что автор высказывания при порождении речи сталкивается с номинативными затруднениями, поскольку сами состояния природной или психологической сферы имеют размытый характер, нечеткие границы. Например: ... *nichts war gut in dieser dämmrigen Schwere... Es musste jetzt beinahe hell sein. Sie spürte das an ihren Lidern (D.Wellershoff)*. Граница между сумеречным (*dämmrig*) и дневным, светлым (*hell*) периодом суток в природе нечеткая, поэтому стремясь наиболее точно обозначить состояние природного явления, автор использует аппроксиматор. Предположительность автора подтверждает использование модального глагола в этом значении, а неуверенность автора в характеристике природного состояния акцентируется аппроксиматором.

В приведенном ниже примере использование синтаксического деинтенсификатора (сочетания отрицания с наречием со значением полной степени) вызвано теми же причинами, которые описаны выше: *Es war noch nicht ganz hell ... (W.Schäfer)*. В данном случае речь идет тоже о смене темноты и светлого периода суток. Неполная степень проявления признака-состояния *hell* выражается деинтенсификатором *nicht ganz* и акцентируется модальной частицей *noch*, показывающей, что ординарный уровень состояния пока не достигнут.

В БП часто используются аппроксиматоры, размывающие точное значение существительных темпоральной семантики, обозначающих период суток. К ним мы относим сочетания наречий с предлогами, имеющими значение приблизительности: *kurz vor Mittag, nahe an Mitternacht*, предлог приблизительной семантики *gegen*: *gegen Morgen*, а также модальные слова *noch* и *schon* в сочетании с наречиями: *noch fast Nacht, schon bald Mittag*. Чаще всего причиной приблизительного именованного периода суток становится незнание точных данных о времени или же их нерелевантность для высказывания. Значение приблизительности имеют и темпоральные конкретизаторы в форме согласуемого атрибутивного прилагательного, которые сочетаются с существительными со значением периода суток: *ein später Abend / Vormittag; ein früher Morgen* и т.п.

В ряде случаев в БП для передачи значения неточного времени используется модальный глагол *mögen* в форме Futur I или бытийный глагол *sein* в форме Futur II. Эти глагольные формы выражают предположение и коррелируют с количественными показателями времени, модифицируемыми предлогами со значением приблизительности или модальным словом с семантикой предположения *wohl*: ...*knapp an sieben mochte es sein...* (S.Zweig). *Nachts, es mochte gegen elf Uhr sein, saß ich in meinem Zimmer...* (S.Zweig). *Es wird vier Uhr gewesen sein / Es wird wohl 4 Uhr schon sein*. С целью неточного

обозначения времени ввиду неважности этой информации или отсутствия точных сведений у автора высказывания в БП используются также описательные обороты с аппроксимативным значением: *Es war um dieselbe Stunde wie gestern abend* (A.Seghers). *Es war um die Stunde, da die Sonne Gestalt annimmt* (Th.Mann). Однако следует отметить, что в примерах этого типа более ярко выступает семантика (со)бытийности БП.

Выводы

Категория интенсивности и категория аппроксимации являются смежными, коррелирующими друг с другом в плане качественно-количественной градации именуемого признака, состояния, но их семантическое пространство не покрывает друг друга. Аппроксимация является познавательной категорией. Приблизительность, неточность порождаются сознанием познающего мир субъекта, который в силу различных причин использует в речи средства аппроксимации. В содержательном плане аппроксимация состоит в незначительной деинтенсификации признака (в его подобии прототипу), неточности количественных показателей или неполноте набора признаков, характерных для именуемого класса объектов.

Интенсивность заключается в выражении оценки степени именуемого признака, состояния или качественной определенности объекта. Она имеет характер шкалы с точкой отсчета, или нормой, и зонами усиления, или интенсификации, и ослабления, или деинтенсификации.

Наряду с передачей градуального и одновременно модального значения – значения рациональной оценки меры качества обозначаемого элемента денотативной ситуации (признака, состояния, процесса) интенсификаторы, деинтенсификаторы и аппроксиматоры широко используются и в структуре немецких безличных предложений. При обозначении состояния природных феноменов или психологического состояния лица интенсификаторы используются чаще, чем аппроксиматоры и деинтенсификаторы.

Выражая значение степени и меры качества, аппроксиматоры, деинтенсификаторы и интенсификаторы реализуют субкатегориальные значения, передающие разные степени деинтенсификации или интенсификации. Роль аппроксиматоров и интенсификаторов как оценочных операторов заключается в том, что при модификации градуальной семантики состояния или процесса их значение как бы «накладывается» на нее и отражает авторскую характеристику обозначаемого состояния или процесса относительно стереотипных представлений о нем, входящих в соответствующий концепт.

Всем квантификаторам присущи прагматические функции, основными из которых являются: эмфатизация высказывания, создание образности, смягчение категоричности утверждения, акцентирование нерелевантности точного обозначения, стремление к точности номинации, отсутствие точных сведений, номинативные затруднения.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. О взаимодействии номинативного и коммуникативного аспектов предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков: Тезисы докладов. – Л.: ЛОИЯ/ЛГПИ, 1971. – С. 4-6.
2. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 394 с.

3. Бондарко А.В. Предикативность и функционально-семантические категории // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков (Тезисы докладов). – Л.: ЛОИЯ/ЛГПИ, 1971. – С. 30-31.
4. Галич Г. Г. Градуальные характеристики качественных прилагательных, глаголов и существительных современного немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Г. Галич. – Л., 1981. – 17 с.
5. Золотова Г.А. Категория предикативности в отношении к форме и функции предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков (Тезисы докладов). – Л.: ЛОИЯ/ЛГПИ, 1971. – С. 33-34.
6. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Из-во МГУ, 1998. – С. 207-216.
7. Кржижкова Е. Количественная детерминация прилагательных в русском языке (лексико-синтаксический анализ) // Синтаксис и норма. – М.: Наука, 1974. – С. 122-144.
8. Кронгауз М. А. Семантика. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 399 с.
9. Кузьмина О.В. Семантическое поле конструкции *es+verbum finitum* в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук / О. В. Кузьмина. – Белгород, 2002. – 204 с.
10. Лисова Н. В. Количественные наречия степени и меры в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Лисова. – Л., 1975. – 25 с.
11. Никишенкова Ю. В. Выражение значения приблизительности в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Никишенкова. – Н. Новгород, 2000. – 17 с.
12. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания / В. З. Панфилов. – М.: Наука, 1977. – 248 с.
13. Пристинская Т. М. Аналитические номинации со значением приблизительности в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук / Т. М. Пристинская. – Белгород, 1998. – 162 с.
14. Пристинская Т. М. Прагматический потенциал конструкций с аппроксимативной семантикой в художественном тексте / Т. М. Пристинская // Современные подходы к изучению единиц языка и речи и вопросы лингводидактики. Сборник научных трудов. – Белгород: ИПЦ «Полиатра», 2012. – С. 195-199.
15. Рсалдинов К.Т. Категория интенсивности признака в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. Т. Рсалдинов. – М., 1980. – 27 с.
16. Сепир Э. Градуирование: Семантическое исследование / Э. Сепир // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 43-48.
17. Сёмкина А. В. Структуры нечеткой номинации признаков и состояний (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Сёмкина. – Барнаул, 2006. – 162 с.
18. Сущинский И. И. Система средств выражения высокой степени признака (на материале современного языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. И. Сущинский. – М., 1977. – 16 с.
19. Туранский И.И. Средства интенсификации высказывания в английском языке: Учебн. пособие к спецкурсу для студентов пед. институтов и фак-тов ин. языков / И.И. Туранский. – Куйбышев, 1987. – 78 с.
20. Bolinger D. Degree words / D. Bolinger. – The Hague – Paris: Mouton, 1972/ – 324 p.
21. Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Bd. 4. – Mannheim/Leipzig/Wien/Zürich: Dudenverlag, Bibliographisches Institut, 1984. – с. 606-632.
22. Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – М.: Vysšaja Škola, 1983. – С. 235-241.

УДК 811.111'37

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СМЫСЛОВЫХ СФЕР ФРЕЙМА «ВОССТАНОВЛЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

THE PROBLEM OF CORRELATION OF SEMANTIC SPHERES OF FRAME "RECOVERY" IN MODERN ENGLISH

Н.С. Мирошниченко
N.S. Miroshnichenko

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*
Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: miroshnichenko_n@bsu.edu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена специфике репрезентации смысловых сфер фрейма ВОССТАНОВЛЕНИЕ в современном английском языке и проблеме их соотношения, а также рассмотрению функционально-семантических особенностей лексических единиц, вербализующих названный фрейм в современном английском языке. В статье проводится дефиниционный анализ лексических единиц, номинирующих восстановление, рассматриваются словосочетания и устойчивые выражения, вербализующие фрейм ВОССТАНОВЛЕНИЕ в различных смысловых сферах.

Abstract. The article deals with the representation of semantic spheres of frame RECOVERY in Modern English and the problem of their correlation and functional and semantic peculiarities of the lexical units representing the named frame. Here the definition analysis of the lexical units nominating frame RECOVERY is carried out, word-combinations and phrases representing frame RECOVERY in different semantic spheres is studied.

Ключевые слова: фрейм, когнитивные категории, фреймовый анализ, семантика, восстановление.

Keywords: frame, cognitive category, frame analysis, semantics, recovery.

Введение

В первой половине XX века лингвистика, как известно, старалась заниматься «чисто» языковыми проблемами, отграничиваясь от смежных областей знания. Но вторая половина и особенно конец века характеризуются неуклонным расширением интересов лингвистики: «от фонетики к фонологии, от морфологии к синтаксису и затем к семантике, от предложения к тексту, от синтаксической структуры к коммуникативной, от языка к речи, от теоретического языкознания к прикладному».* На каждом новом этапе всё новые «нелингвистические» объекты включаются в компетенцию лингвистики. Такое расширение границ лингвистики дает развитие лингвистической теории, новым лингвистическим исследованиям, обнаруживаются не замечавшиеся ранее связи, обогащается наше представление о языке. «Все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики».[†]

* Кибрик Е. А. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987. – гл.2,3, С.35.

[†] Там же.

Современное понимание семантики заставляет исследователей все чаще обращаться к понятию ситуации, события. Одной из причин внимания к тесной связи ситуации, события с семантическим анализом языковых единиц, является «принцип укрупнения»*, четко проявляющийся в последние десятилетия. В сфере исследований лексики и семантики он реализуется таким образом, что в лексике выявляются более глубокие парадигматические группировки по мере того, как изучается более широкая синтагматическая сочетаемость слов.

Дж. Андор в своей статье «О психологической релевантности фреймов», сравнивая такие когнитивные категории, как сцены, сценарии и др., интерпретирует фрейм как лингвистически-ориентированный концепт, обеспечивающий языковую реализацию знаний, содержащихся в сценах и сценариях.[†] Развивая идеи основоположников теории фреймов применительно к лингвистическим исследованиям и суммируя опыт разработки отечественными и зарубежными лингвистами фреймового анализа единиц языка и речи, мы рассматриваем фрейм в качестве уникальной структуры репрезентации опытного когнитивного знания человека, соединяющей область когнитивного и языкового в процессе речевой деятельности.

Смысловые сферы фрейма ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Восстановление – неотъемлемый процесс нашей жизни, поэтому его необходимо изучать. Интерес к фрейму ВОССТАНОВЛЕНИЕ обусловлен необходимостью изучения семантики лексических единиц восстановления в когнитивном аспекте, продиктованным возросшим интересом к человеку как деятелю, участвующему в процессе познания окружающей его действительности, его роли при формировании смысла и значений отдельных языковых единиц. В результате анализа лексических единиц в английских оригинально-толковых и англо-русских переводных словарях, а также особенностей их сочетаемости и функционирования в оригинальных текстах различной стилистической направленности, было установлено использование такой структуры знания, которая получает объективацию в языке под общей номинацией ВОССТАНОВЛЕНИЕ. В результате было установлено, что она, с точки зрения отношения к объективной действительности, может быть разделена на шесть сфер:

- 1) медицина
- 2) ремонт
- 3) отношения
- 4) природа
- 5) информатика
- 6) психология (эмоции, ментальность)

Некоторые из этих сфер могут включать подсферы. Так сфера «Ремонт» включает в себя следующие подсферы: «строительство», «одежда», «различные вещи» (которая, в свою очередь, делится на две группы: материальные и абстрактные), «исправление, улучшение» (которая также подразделяется на две группы: информация, научные данные и ситуация,

* Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М.: Наука, 1981, С.32.

[†] Andor J. On the psychological relevance of frames. – Quaderni di semantics, 1985. Vol. 6, no. 2, p. 212-221.

поступки), «машины, оборудование». Сферу «Отношения» можно поделить на следующие подсферы: «отношения между людьми», «экономические отношения», «юридические отношения», «производственные, деловые отношения».

Рассмотрим семантическую специфику каждой из вышеперечисленных сфер в отдельности.

Сфера «медицина» представлена следующими лексическими единицами: *recovery, recover, regain, regeneration, rehabilitation, reinstatement, renewal, repair*, например:

(1) *This article explores the four keys to mental health **recovery** and what both mental health.(BNC)*

(2) *Four months into her pregnancy, she had pioneering surgery that would eventually lead to her **regaining** her sight.(BNC)*

(3) *Biomedical materials including replacement and/or **regeneration** of.(BNC)*

(4) *Shortly after he entered a drug **rehabilitation** facility at the expense of Mr McMahon.(BNC)*

(5) *They're free to explore the ideas and if they see it as a celebration and **reinstatement** of the beauty of plastic, then so be it.(BNC)*

(6) *It was not that long ago the concept of bone marrow adult stem cells (ASC) actually being the natural **renewal** system of.(BNC)*

Значение действия восстановления здоровья передается следующими словосочетаниями: *repair health, recover health, restore health, establish one's health, regain health*. Интересны следующие устойчивые выражения: *in search of health* (пытаясь восстановить здоровье), *recover sight* (восстановить зрение) и *the country air set him up again* (деревенский воздух восстановил его здоровье). Значение «восстановить форму» отражают следующие словосочетания: *get into condition, back to full fitness*.

Сфера «Ремонт» представлена такими лексическими единицами, как *reclamation, restore, reconstruction, recovery, recover, redress, regain, regeneration, rehabilitate, renewal, renew, renovation, repair, revival, retrieve, replace, resurrection, reproduce*. Как уже упоминалось ранее, данная сфера подразделяется на следующие подсферы: а) строительство

(7) *The Indonesian Government has done nothing to start **reconstruction** in the tsunami-devastated province of Aceh.(BNC)*

(8) *A photo image gallery on Bushfire **recovery**.(BNC)*

(9) *Home **renovation** has become a national obsession, fed by magazines and television programs.(BNC)*

(10) *This will **rehabilitate** the bridge, but not restore the 13. (BNC)*

(11) *Patricia Bradley's 20-year quest to **restore** her home, and its facade. (BNC)*

(12) *Moorish **Revival** denotes one of the most exotic **revival** architectural styles. (BNC)*

(13) *Excessively hard mortar can result in the bricks becoming fractured at settlement cracks, thereby leading to a more extensive **repair** operation. (BNC)*

(14) *Lime mortar & brick filling behind fireback, to make **renewal** easy.(BNC)*

Значение «отремонтировать дом» передается следующими словосочетаниями: *repair a house, do the house up*. Интересно устойчивое

выражение *consolidate an obstacle* (восстановить заграждение – из военной тематики).

б) одежда

repair clothes, mend clothes (чинить одежду);

graft a patch into a stocking (починить чулок);

get coat mended (починить пальто)

fix a coat (починить пиджак)

с) различные вещи

Восстанавливать можно как материальные, так и абстрактные вещи, поэтому данная подсфера подразделяется на две группы: материальные и абстрактные. К первой относятся такие примеры, как

(15) *If ever there was a pressing cultural **reclamation** project, it is restoring this mural.* (BNC)

(16) ***Reconstruction** of what Jesus may have looked like from the Shroud of Turin.* (BNC)

(17) *This removes the ability of the portfolio to **recover** whilst you are still in.* (BNC)

(18) *It is a supply-and-demand problem and one that Ken Washenik, head of research at Bosley's hair- **regeneration** lab, is determined to solve.* (BNC)

(19) *So why then the push for **renewing** links? General Peter Cosgrove.* (BNC)

(20) *How To **Restore** Picture Tube Without using a crt tester.* (BNC)

(21) *Workers **retrieve** Aboriginal artworks stolen from the Museum and Art Gallery of the Northern Territory early today.* (BNC)

(22) *Two of the cardboard houses had also tumbled over, and the little Queen said she would have to **repair** them and paste them together before they could be lived in again.* (BNC)

(23) *A log had fallen out of the fire place and Mary Dove knelt to do what the grate and **replace** it with the tongs, adding an other piece of wood and a little coal.* (BNC)

Значение «починить какую-либо вещь» передают следующие выражения: *tinker a broken clock* (кое-как починить сломавшиеся часы); *patch up* (починить на скорую руку); *fix a broken lock* (починить сломанный замок); *doctor a cart* (починить тележку); *get the clock going again* (починить часы); *we caused the roof to be mended* (нам починили крышу), *restore a painting* (восстановить картину).

Группа «абстрактные» данной подсферы может быть представлена следующими примерами:

(24) *When making a decision about whether to **recover** energy from waste.* (BNC)

(25) *Carmel Egan United front by State Government and Australian Synchrotron board of management aimed at **regaining** control of scientific.* (BNC)

(26) ***Renew** your subscription to any Fairfax publication.* (BNC)

(27) *Stenz will conduct the **Resurrection** symphony in his last performances.* (BNC)

(28) *This is no peer-pressured, everyone-watching, guilt-ridden, hyper-emotional, down-home tent **revival** service.* (BNC)

(29) *I **reproduce** its contents here.* (BNC)

d) исправление, улучшение

Исправление, улучшение может проходить в двух направлениях – мы можем исправлять, восстанавливать а) информацию и научные данные, б) ситуацию и поступки. Таким образом, данная подсфера имеет две группы: информация, научные данные и ситуация, поступки. Первую группу иллюстрируют следующие примеры:

(30) *Joking aside, data **recovery** is a serious and fast-growing global industry; besides the obvious emotional attachment we have with our data. (BNC)*

(31) *The information will include contact information, payment information, **renewal** dates, dns designations, email, etc. (BNC)*

(32) *Charlemagne presided over a great **revival** of learning in his realms. (BNC)*

Значение «восстановить некоторую информацию» передается следующими словосочетаниями: undo saved record (восстановить запись), brush up (восстановить знания), put the historical record straight (восстановить историческую правду), reconstruct the facts (восстановить факты).

Вторая подгруппа данной подсферы представлена следующими примерами:

(33) *I was disappointed and I came back determined to **redress** that situation. (BNC)*

(34) *To **redress** this oversight we shall explore the mythic concept of Arcadia. (BNC)*

(35) *The schools involved in the Broadmeadows **regeneration** project are optimistic, even though critical challenges remain. (BNC)*

Сфера «Отношения» представлена следующими лексическими единицами:

reconstruction, recover, redress, regain, rehabilitate, rehabilitation, reinstatement, reinstate, renewal, renew, repair, restore, retrieve, revival.

Могут восстанавливаться различные виды отношений (экономические, юридические, производственные или деловые, между людьми). В соответствии с этим, данная сфера делится на следующие подсферы:

а) отношения между людьми

(36) *Australian **reconstruction** troops in Afghanistan have come under heavy attack twice in recent days in sustained and co. (BNC)*

(37) *International donors have pledged billions to help survivors **recover** from the quake that killed 87000 people. (BNC)*

(38) *Raymond Gill talks to those trying to **rehabilitate** the reputation of the man who helped revolutionise 20th-century art and cinema. (BNC)*

(39) *A capuchin monkey trained to **retrieve** a CD for disabled people. (BNC)*

Значение «восстановить отношения между людьми» также передается следующими словосочетаниями и выражениями: bury the hatchet (восстановить дружеские отношения), reestablish diplomatic relations (восстановить дипломатические отношения), reassert discipline (восстановить дисциплину), recover internal discipline (восстановить внутрипартийную дисциплину), restore public confidence (восстановить доверие общества), trust can be broken easily, and takes enormous effort to rebuild (доверие разрушить легко, а восстановить крайне трудно), regain contact (восстановить контакт), reassert (regain) control (восстановить контроль), restore normal relations (восстановить нормальные

отношения), restore reputation, clear name (восстановить репутацию), piece up broken connection (восстановить утраченные связи).

b) экономические отношения

(40) Secondly, the five-year package represents a long-term commitment to **reconstruction** and poverty alleviation in Indonesia. (BNC)

(41) This year, Mr Gill, who now lives in Horsham, applied for compensation through the Residential Institutions **Redress** Board. (BNC)

(42) Chris Zappone Consumer sentiment has risen for the second month, **renewing** hopes any economic downturn will be mild and short-lived. (BNC)

(43) The South African import/export market is undergoing a **revival** after months of profit deficits. (BNC)

Значение «восстанавливать, возмещать убытки, покрывать ущерб» передают следующие выражения: recoup losses, repair the damages, pay the damages, make amends; «восстановить экономику» - get economy back on track, reflate economy, repair economy, set economy aright. Значение «восстановить экономические отношения» также передают следующие выражения: restore confidence in the banking system (восстановить доверие к банковской системе), restore investor confidence (восстановить доверие инвесторов), recover (reestablish) one's credit (восстановить кредитоспособность).

c) юридические отношения

(44) A serial child rapist was not capable of **rehabilitation** and should be jailed indefinitely, the County Court heard yesterday. (BNC)

(45) By the Czech communist government in the 1950s and reappearing as samizdat (self-published) before its legal **reinstatement** in 1989. (BNC)

(46) Prosecutors want the High Court to **reinstate** murder convictions against a couple who killed a friend during a sex game. (BNC)

(47) Caroline Wilson Collingwood has opened contract talks with Mick Malthouse with a view to **renewing** the most controversial coaching contract in football. (BNC)

Значение «восстановить порядок и закон» передают следующие выражения: restore a lawful state of affair, bring back law and order, restore order, reduce to order, restore public order. Также интересны следующие выражения как относящиеся к данной подсфере: restore to his rights (восстановить кого-либо в правах), reestablish in possession (восстановить в правах владения), reconstruct a crime (восстановить картину совершения преступления).

d) производственные, деловые отношения

(48) Storm ready for court battle to **recover** their premierships. (BNC)

(49) Yuko Narushima, Canberra Opposition Leader Malcolm Turnbull's plan to **reinstate** temporary visas for refugees has been condemned by lawyers. (BNC)

(50) Brad WALTER THE four independent directors on the Melbourne Storm board would prefer a mediation process to put forward their case for **regaining** the two. (BNC)

Значение «восстановить деловые отношения» могут передавать следующие словосочетания: renew relations, Abstract relations. Интересны также следующие выражения как относящиеся к данной подсфере: reinstate in a job (восстановить на работе), reinstate in former position (восстановить кого-либо в прежней должности).

Сфера «Природа» представлена следующими лексическими единицами: reclamation, rehabilitate, reinstatement, recover, reforest.

Восстанавливать возможно некие природные объект: землю, воду, различные растения, что наглядно проиллюстрировано в следующих примерах:

(51) *The proposal involves a water **reclamation** plant that would treat water from the Latrobe Valley sewerage system and the Carrum plant for use. (BNC)*

(52) *Red Sea in the Gulf of Aqaba to **rehabilitate** the Dead Sea, and is concerned Word Heritage listing would imperil the ambitious project. (BNC)*

(53) *The subsequent **reinstatement** of Woodface associates Mitchell Froom and Bob Clearmountain is a mixed blessing. (BNC)*

(54) *"You will have to go to the Land of Oz to **recover** it, and your Majesty can't get to the Land of Oz in any possible way," said the Steward, yawning because he had been on duty ninety-six hours, and was sleepy. (BNC)*

Сфера «Информатика» представлена следующими лексическими единицами: recovery, recover, restore, retrieve, retrace.

К данной сфере относятся различные виды вычислений и компьютерная тематика. Рассмотрим следующие примеры:

(55) *How to **recover** data from a corrupt hard drive. (BNC)*

(56) *If calculations are not a happy thought for you, it is always a good idea to **retrace** your steps. (BNC)*

(57) *The company behind those floating ads that dance across web pages has developed a way to **restore** the data profiles that many. (BNC)*

(58) *One company turned to data recovery experts to **retrieve** as much as. (BNC)*

Сфера «Психология» представлена следующими лексическими единицами: renewal, renovation, restore, resurrection, revival, restitution, reconstruct, recover.

К данной сфере относится все, что связано с эмоциями, ментальным восприятием и религиозной верой. Например:

(59) *Here is how to you can make those discoveries and gain a sense of peace and **renewal** each day. (BNC)*

(60) *For their **renovation** sins. (BNC)*

(61) *God will **restore** us to our ancient homeland and revive the Davidic monarchy to rule with but under Messiah. (BNC)*

(62) *We can't judge the question of the **resurrection** unless we ask first whether there's reason to suppose there is a God. (BNC)*

(63) *Here are some rules you need to break if you want **revival** in your life. (BNC)*

В значении «восстановить в памяти» употребляются следующие выражения: thinkback, recaptureinthepast. В значении «восстановить утраченное» употребляются следующие словосочетания: comehome, gethome, strikehome, touchhome. Интересны также следующие выражения как относящиеся к данной сфере: redressthebalance, recoverthebalance, strikeabalance (восстановить баланс, равновесие), regainearliermomentum (вернуться в колею).

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение фреймов дает ключ к раскрытию механизмов концептуализации вербализованных понятий и явлений окружающей действительности. Рассмотренные сферы фрейма

ВОССТАНОВЛЕНИЕ затрагивают различные сферы человеческой жизни такие, как медицина, психология, информационные технологии, природные явления, ремонт и различные виды отношений. Лексические единицы, представляющие данный фрейм, повторяются в разных смысловых сферах, что говорит о размытости границ рассматриваемых сфер и их взаимопроникаемости. Наиболее общий и полный смысл восстановления заключают в себе такие лексические единицы, как *recovery*, *renewal* и *restore*, что подтверждается их наличием в примерах практически всех смысловых сфер. По нашему мнению, шесть смысловых сфер фрейма ВОССТАНОВЛЕНИЕ представляют собой объемные смысловые группы, которые охватывают разнообразные жизненные области и реалии.

Список литературы

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. – 139 с.
2. Кибрик Е. А. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М.: Наука, 1987. – гл.2,3.
3. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука. Вопросы языкознания, №4, 1994.
4. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. – 151 с.
5. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М.: Наука, 1981. – 360 с.
6. Andor J. On the psychological relevance of frames. – Quaderni di semantics, 1985. Vol. 6, no. 2, p. 212-221.
7. Fillmore, Ch. J. Types of lexical information. Ohio State University, 1968.
8. BNC - British National Corpus - URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.

УДК 801.81

**ПАРЕМИИ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ ТРУД/ЛЕНЬ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

**PROVERBS AS AN EFFECTIVE MEANS OF PHRASEOLOGICAL
REPRESENTATION OF CONCEPTS LABOUR/LAZINESS IN MODERN
ENGLISH**

**О.С. Погорелова
O.S. Pogorelova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: Pogorelova030901@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются концепты ТРУД/ЛЕНЬ и наиболее образный и эффективный способ их репрезентации в современном английском языке.

Abstract. The present article discusses the most graphic and effective way of presentation of concepts LABOUR/LAZINESS in contemporary English.

Ключевые слова: концепт, труд, лень, этическая оценка, паремии.

Keywords: concept, labour, laziness, ethical evaluation, proverbs.

Активность человека, направленную на изучение мира, можно считать движущей силой развития навыков взаимодействия с окружающей средой. Деятельность подобного рода обычно связана с необходимостью поиска сходств и различий между объектами. Лингвистическая мысль столкнулась с необходимостью выработки нового термина для обозначения для обеспечения операций этого рода, содержательной стороны языкового знака, который снял бы функциональную ограниченность традиционных значения и смысла, и в котором бы органически слились логико-психологические и языковедческие категории. Так, по мнению С.Г. Воркачёва, возникло понятие концепт, позволяющее отразить неуловимый «дух народа», его культуру, формирование представлений о нём [3, с. 6].

Принято считать, что концепт в сознании человека возникает в качестве результата активности, направленной на изучение опытного мира, на социализацию, а точнее, складывается из:

- его непосредственного чувственного опыта - восприятия мира органами чувств;
- предметной деятельности человека;
- мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами;
- путем сознательного познания языковых единиц.

Концепт представляет собой отражение мира сознанием индивида, формируя концептуальную систему. Концепт многомерен, представляется

возможным выделить в нём как рациональное, так и эмоциональное, как абстрактное, так и конкретное, как универсальное, так этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное.

По этой причине мы рассматриваем концепт как процесс, «связанный с получением информации, знаний и их интерпретацией, запоминанием, извлечением из памяти и использованием ..., восприятие, наблюдение, категоризация, мышление...и другие психические процессы, как в их самодостаточности, так и синергетическом сопряжении с языком и речью» [2, с. 6]. Концепты ТРУД/ЛЕНЬ являются важными элементами любой культуры.

В английской лингвокультуре труд, целесообразная деятельность человека, направленная на приспособление среды обитания для удовлетворения своих потребностей, рассматривается не только как средство выживания, но и как источник материального благополучия.

В свою очередь, в аксиологической парадигме структурные знания, маркируемые лексемами ТРУД/ЛЕНЬ, имеют место и аксиологемы «Лень», «Лентяй», маркированные как антиценности. Лень традиционно ассоциировалась в английской лингвокультуре с грехом. По этой причине появилось отрицательное отношение к праздности. Безделье и бездельники жестоко порицаются. Английская культура выражает общую идею порочности лени, приводящей человека к бедности.

Важно подчеркнуть, что в английском обществе, где одной из главных ценностей является богатство, быть нищим плохо, губительно и страшно. Таким образом, возникает потребность в появлении единиц различных уровней, призванных порицать праздность и агитировать человека к выполнению трудовой деятельности.

Являясь важным способом постижения окружающей действительности, концепты приобретают значимую роль, особенно, относительно абстрактных концептов с высокой степенью разноуровневой эмотивности и оценочности, к которым мы относим концепты оппозиционной сферы ТРУД/ЛЕНЬ. По этой причине особую ценность концепта несёт в себе способность к словесному выражению — вербализация. В широком смысле слова вербализация означает вербальное (словесное) описание переживаний, чувств, мыслей, поведения. Иначе говоря, вербализация представляет собой процесс выражения посредством звукового обозначения символов описание мира. Концепт может иметь словесное выражение, а может и не иметь его. Таким образом, возникает проблема вербализации концептов.

Если концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые для этого использованы, выступают как средства вербализации, объективации в языке, языковой репрезентации, языкового представления концепта. Концепт объективируется в языке:

1) готовыми лексическими единицами и фразеологическими сочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющими «подходящие к случаю» семемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, периферийные семы (потенциальные, скрытые);

2) свободными словосочетаниями;

3) структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты);

4) текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов).

Языковой знак представляет концепт в языке, в общении. Слово не представляет концепт полностью – оно, используя своё значение, передает некоторые основные концептуальные признаки, релевантные для сообщения. Получив через слово доступ к концептуальному знанию, носитель языка может подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы). Слово, таким образом, как и любая номинация, — это ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и дающий возможность его использования в мыслительной деятельности.

В случае с выраженностью концептов языковыми единицами, можно говорить о двух вариантах:

- Номинированные концепты — имеющие стандартное общеизвестное языковое выражение словом или фразеосочетанием;
- Неноминированные концепты — не имеющие стандартного общеизвестного языкового выражения.

Изучение объективизации одного и того же концепта в разных языках позволяет выявить национальную специфику языковых систем, проявляющуюся в разных способах репрезентации одной и той же мыслительной единицы, в степени подробности или обобщенности представления концепта в разных языках, в количестве и наборе лексем, фразеологических сочетаний, репрезентирующих концепт, в уровне абстракции, на котором он представлен в том или ином языке.

Важно подчеркнуть что, языковые средства являются необходимостью не для существования концепта, а для его сообщения. Слова, другие готовые языковые единицы в системе языка, есть для тех концептов, которые обладают коммуникативной релевантностью, т.е. необходимы для коммуникации, часто используются при обмене информацией. Значительное число концептов не имеет системных языковых средств выражения, так как обслуживает сферу индивидуального мышления и не предназначено для обсуждения [6, с. 16].

Большинство учёных признаёт фразеологизм одним из основных средств вербализации концепта. Например, Н.Ф. Алефиренко в качестве наиболее распространённых средств вербализации концепта выделяет слово, фразеологизм, словосочетание, структурную схему предложения и даже текст, «если в нём раскрывается сущность какого-либо концепта» [1, с. 8]. Кроме того, Л.Б. Савенкова относит фразеологизм (наряду с лексемой) к одним из основных средств вербализации культурного концепта [7, с. 258].

Принято считать, что фразеология — раздел языкознания, изучающий устойчивые речевые обороты и выражения. К базовым классам фразеологизмов можно отнести все сочетания слов, для которых характерны следующие три основных параметра:

- Принадлежность к номинативному инвентарю языка;
- Признак полной или частичной идиоматичности;

- Свойство устойчивости, которое может незначительно меняться при использовании сочетаний слов.

Стоит обратить особое внимание на идиоматичность — смысловую неразложимость фразеологизма, которая в той или иной степени присуща всем фразеологизмам, но проявляется в различных формах. Таким образом, рассматривая высказывания можно условно разделить их на три типа пословичных выражений, основываясь на особенностях их содержания:

- 1) предложения с прямым смыслом: *“Business before pleasure”* ~ Делу время, потехе час, *“Practice makes perfect”* — Путь к совершенству — повторенье;

- 2) предложения, которые могут употребляться как в прямом, так и в переносном значении: *“Many hands make light work”* — Когда рук много, работать легче, *“He who would search for pearls must dive below”* ~ Без труда не вытащишь и рыбку из пруда;

- 3) те, что используются только в переносном смысле: *“A cat in gloves catches no mice”* ~ Сидя на печи, не испечешь калачи.

Таким образом, можно проследить тесную взаимосвязь между идиоматичностью и устойчивостью. В составе фразеологизма смысл имеют не отдельные слова, а лишь всё выражение в целом. По этой причине даже незначительные изменения в фразеологической единице могут полностью изменить её значение: *“It is too late to lock the stable when the horse has been stolen”* ~ Дорога ложка к обеду, — не идентична высказыванию *It is too late to lock the gates when the horse has been stolen* — Поздно запирают ворота, когда лошадь уже украли. Вследствие этого, необходимо оперировать устойчивыми выражениями в том виде, в каком они установились в языке, и с тем значением, которое закрепилось за ними.

В настоящее время принято выделять следующие классы фразеологизмов:

- 1) идиомы;
- 2) фразеологические сочетания;
- 3) паремии;
- 4) штампы;
- 5) клише;
- 6) крылатые выражения.

Наибольший интерес для нас представляют паремии, которые возникали, видоизменялись и выходили из употребления в течение всего времени существования народа, ссылаясь не только на важные события и процессы, но и на характерные бытовые особенности. По этой причине, они имеют огромную общественную ценность, которая состоит в познавательном, идейно-воспитательном и эстетическом значении, в богатом жизненном содержании, глубоком идейном смысле, больших художественных достоинствах и национальном своеобразии.

Познавательная ценность характеризуется, прежде всего, многообразием сведений, которые в них сообщаются. Пословицы дают характеристику всех сторон жизни общества, представив многостороннюю картину жизни страны. Они так же дают представление о воззрениях и взглядах народа, о его понимании явлений действительности.

Познавательное значение пословиц состоит в том, что они стереотипизируют явления, т.е. выделяют среди них наиболее показательные и

отмечают в них самые существенные черты. Стереотипизация проявляется в создании образов крестьянина, ремесленника, рабочего, лентяя и т.д.

Идейно-воспитательная роль паремий определяется тем, что они имеют совершенно ясную направленность. Их познавательное значение тоже представляет собой проявление воспитательной функции. Вследствие этого некоторые учёные полагают, что первоначальной целью пословиц и поговорок была передача опыта молодым поколениям. Идейно-воспитательная роль пословиц состоит также в том, что они служат ясным выражением определенных суждений о реальной действительности, в которых что-либо утверждается или отрицается, раскрываются свойства предметов и явлений. Тем самым у слушателей развиваются характерные воззрения на эти предметы и явления.

Эстетическая ценность пословиц проявляется с разных сторон. Паремии – явление высокого мастерства. В них воплощены принципы, которым даются высокие оценки в искусстве: простота, краткость, содержательность, выразительность.

Одной из важных целей паремий служит стремление привить людям оценку явлений действительности. Они дают ясные положительные и отрицательные черты жизни, утверждая или критикуя, восхваляя или осмеивая, служат воспитанию положительных идеалов, оперируют понятиями добра и зла, чести и бесчестия.

Паремии представляют собой предмет наибольшего интереса. Под ними подавляющее большинство учёных понимает, прежде всего, пословицы и поговорки. Паремии могут быть представлены как словосочетаниями – *“No pain, no gain”* ~ Без труда не выловишь и рыбки из пруда, и *“Good words and no deeds”* – Где много слов, там мало дела, так и предложениями – *“Idleness rusts the mind”* – От безделья ум тупеет, *“A man of words and not of deeds is like a garden full of seeds”* – Противник дел, любитель слов, подобен саду без плодов, *“Great talkers are little doers”* – Кто много говорит, тот мало делает.

Нужно отметить, что форма оформления пословиц способствует их запоминанию. Яркость и выразительность пословиц усиливается у многих из них при помощи использования специальных речевых средств организации их структуры:

1) повторения: *“If at first you don’t succeed, try, try, try again”* – Если сразу не добился успеха в каком-либо деле, не отчаивайся, а продолжай пытаться; *“What is worth doing is worth doing well”* – Если уж делать что-то, то делать хорошо;

2) аллитерации: *“Business before pleasure”* ~ Делу время, потехе час; *“The devil finds work for idle hands to do”* – Дурная голова рукам покоя не дает;

3) простейших форм рифмы: *“He is lifeless that is faultless”* – Кто бездеятелен, тот и безупречен; *“No pain, no gain”* – Без труда не выловишь и рыбки из пруда; *“Work done, have your fun”* – Когда работа сделана, можно и повеселиться.

Таким образом, концепт представляет собой образование с многоплановой структурой, частично вербализуемое, включающее понятийный, социокультурный и психологический аспекты и содержащее ассоциации, эмоции, оценки, образы и коннотации, присущие той или иной национальной культуре. Концепты ТРУД/ЛЕНЬ являются универсальным культурным феноменом, присущим любому социуму. Являясь структурой

высокой степени абстракции, эти концепты сохранили высокую социальную значимость. Паремии, реализующие концепты ТРУД/ЛЕНЬ, несут национально-культурную специфику концепта, что обуславливает общественно значимую оценочность, образность и культурно-прагматический потенциал фразеологизмов. Анализ способов репрезентации концептов ТРУД/ЛЕНЬ на фразеологическом материале, позволит отразить универсальные представления носителей англоязычной культуры о сущности труда и лени.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование / Н.Ф. Алефиренко. — Волгоград : Изд-во Перемена, 2003. — 96 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие. — М. : Изд-во Наука, 2005. — 416 с.
3. Воркачев, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. — 2003. № 24. — С. 5–12.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Изд-во Перемена, 2002. — 477 с.
5. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь : Около 20000 фразеологических единиц. — М. : Изд-во Живой язык, 2005. — 944 с.
6. Попова З. Д, Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж : Изд-во Истоки, 2001. — 191 с.
7. Савенкова, Л. Б. Языковое воплощение концепта // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы международного симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003.: В 2-х частях. / ВГПУ.— Волгоград, 2003. — Ч. I. — С. 258-264.
8. Чесноков, П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. — М. : Изд-во Просвещение, 1997. — 192 с.

УДК 811.133.1

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ
ИССЛЕДОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)****CONCEPTUAL METAPHOR AS A MEANS FOR CONCEPT
CONTENT STUDY (THE CASE OF FRENCH LANGUAGE)****Т.Е. Соболева, Ю.Е. Ломоносова
T.Y. Soboleva, Y. Y. Lomonosova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: soboleva@bsu.edu.ru, lomonosova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье выявляется специфика функционирования концептуальной метафоры как одного из способов архитектоники концепта «ветер», объективированного во французском языке. Устанавливаются основные концептуальные референты, для которых исследуемый концепт выступает коррелятом.

Abstract. The article deals with the specific character of the conceptual metaphor as one of the modes of the architectonics of the concept «wind» in French. The main conceptual referents, for which the concept in question is the correlate, are revealed.

Ключевые слова: концепт, концептуальная метафора, концептуальный коррелят, концептуальный референт.

Keywords: concept, conceptual metaphor, conceptual correlate, conceptual referent.

Введение

На сегодняшний день в антропоцентрической функционально-когнитивной парадигме выявление специфики функционирования концептуальной метафоры как одного из способов исследования концепта представляется актуальным по ряду причин. Во-первых, теория познания входит в круг наиболее интенсивно развивающихся направлений. «Нельзя осмыслить данные когнитивной психологии, нейрофизиологии, когнитивной лингвистики, исследований в области искусственного интеллекта и других дисциплин, входящих в состав когнитивной науки, без понимания таких проблем как отношение ментального содержания к внешнему миру, статус интенциональности...», подчеркивает В.А. Лекторский [5, с. 5]. Во-вторых, междисциплинарное лингвокогнитивное исследование концептов дает возможность проникнуть как в когнитивное сознание, так и в сознание языковое. Когнитивное сознание представляет собой «информационный тезаурус человека, образуемый упорядоченными концептами – единицами мышления, репрезентирующими в ментальной форме отраженную, познанную и осмысленную субъектом действительность» [7]. Поскольку все типы метафоризации основаны на ассоциативных связях в пределах человеческого опыта, метафора по самой своей природе антропометрична. Именно метафорические модели, способствуя проникновению в концептосферу,

позволяют лучше понять мировосприятие и поведение людей, раскрывают универсальные черты, присущие языковому сознанию разных народов.

Основная часть

Согласно теории концептуальной метафоры, она представляет собой когнитивный процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов, структурируя наше обыденное восприятие и мышление. Под доменами в данном случае мы понимаем «некие области соотнесения для концептов» [1, с. 88], к которым относятся сфера источника (концептуальный коррелят – «концепт или концептуальный комплекс, привлекаемый для сравнения») и сфера-мишень (концептуальный референт – «целевой концепт или концептуальный комплекс, идентифицируемый с помощью метафоры») [10, с. 203; 11]. Между когнитивными элементами выстраиваются «консонантные отношения», т.е. существование одного когнитивного элемента влечет за собой существование другого» [4, с. 86].

Элементы сферы-источника, сформировавшиеся в процессе взаимодействия человека с окружающей действительностью в результате однонаправленной метафорической проекции, выстраивают более сложную для осознания концептуальную сферу-мишень, часто выражая ее скрытую сущность [9]. Следует учитывать, что при метафоризации происходит «перенос» не изолированного имени (с прямым номинативным значением), а целой концептуальной структуры (схемы, фрейма, модели, сценария), активируемой в сознании некоторым словом благодаря конвенциональной связи данного слова с концептуальной структурой [3, с. 190].

В настоящей статье концептуальную метафору мы трактуем как особого рода мыслительный процесс, заключающийся в познании одних сущностей посредством других через нахождение общих, как правило, латентных признаков. Актуализация концептуальных метафор происходит посредством метафор языковых. Ориентация на природу языка как инструмента в процессе познания, как способа выведения новых истин предопределило повышенный интерес к метафоре и рассмотрение ее в качестве одного из основных средств мыслительной и языковой деятельности. Отечественные исследователи, обращаясь к метафоре, подчеркивают, что она базируется на ассоциативно-образном мышлении, позволяющем в одной структурной единице совместить объективный смысл, информационное сообщение о предмете или явлении внешнего мира, с одновременной субъективной его оценкой и интерпретацией. Уникальность метафорических конструкций состоит в возможности моделирования признаков, не имеющих аналогов в системе средств прямой номинации, их образно-аналитическая конструкция позволяет передавать значения любой степени сложности и семантической конфигурации [2].

В зависимости от тематики сферы-источника исследователи выделяют милитарную, вегетативную, физиологическую, криминальную, спортивную, зоо- и фитоморфную метафоры и другие ее типы. Объектом нашего исследования является метафора натуралистическая, в частности, анемотическая (от греч. Άνεμος – «ветер»), построенная на основе концептуального коррелята «ветер», актуализируемого во французском языке ключевой лексемой *vent*. Материал исследования составляют метафорические номинации, содержащие данную лексему, включающие в себя паремии и фразеологизмы.

Одной из форм существования концепта является его закреплённость за определёнными языковыми формами. Метафорическая реализация концепта, выступающего в роли коррелята, находясь на периферии номинативного поля, тем не менее, позволяет конкретизировать содержание концепта. Анализ метафорических выражений со словом-репрезентантом исследуемого концепта показывает, что большинство проекций построено на представлении французов о ветре как о явлении, характеризующемся следующими информационными признаками: 'скорость', 'направление', 'интенсивность', 'физическое воздействие на человека'. Сформированные на их основе дополнительные знания о свойствах ветра привели к созданию метафорических образов, благодаря которым объективируются второстепенные признаки концепта, входящие в периферию концептуального содержания:

1) признаки *энциклопедической* зоны интерпретационного поля:

– 'ветер может двигаться в различных направлениях, менять направление' (*lit du vent* – 'направление ветра', *aller selon le vent* – 'плыть по ветру', *se haler dans le vent* – 'идти по ветру', *tenir le vent* – 'держаться по ветру', *des quatre vents* – 'со всех концов' etc.);

– 'направление ветра непредсказуемо' (*jeter la plume au vent* – 'бросать жребий');

– 'ветер может двигаться с большой скоростью' (*aller comme le vent* – 'мчаться как ветер');

– 'порывы ветра стремительны' (*en coup de vent* – 'вихрем');

– 'дуновение ветра может быть слабым по интенсивности' (*léger comme le vent* – 'легкий как зефир') или 'ветер может быть сильным' (*un vent à décorner un bœuf* – 'такой ветер, что с ног валит');

– 'ветер может перерасти в бурю' (*qui sème le vent, récolte la tempête* – 'кто сеет ветер, пожнет бурю');

– 'ветер может толкать объекты' (*aller où le vent vous pousse* – 'идти куда глаза глядят');

– 'ветер физически воспринимается человеком, воздействуя на слух, обоняние, зрение' (*sentir le vent* – 'чувствовать, куда ветер дует', *flairer le vent* – 'ориентироваться в обстановке', *écouter d'où vient le vent* – 'прислушиваться' и т.д.);

2) признаки *утилитарной* зоны интерпретационного поля (как правило, эта зона пересекается с *оценочной*, поэтому признаки можно определить как *оценочно-утилитарные*):

– антиномия:

'ветер создает трудности, которые надо преодолевать' (*contre vent et marée* – 'против течения'); 'жить на ветру плохо' (*être logé aux quatre vents* – 'жить в разбитой хижине');

'ветер – благоприятное явление' (*avoir vent et marée* – 'иметь все преимущества', *avoir le vent en poupe* – 'идти с попутным ветром', *être au vent de sa bouée* – 'успешно вести дела, процветать'), 'ветер помогает прогнозировать что-либо, направление ветра имеет значение' (*avoir vent que qch se passe* – 'проведать что-либо', *selon le vent* – 'смотря по обстоятельствам', *aller selon le vent* – 'применяться к обстоятельствам');

3) признаки *регулятивной* зоны:

– антиномия:

‘следует избегать потоков ветра’ (*prendre le dessus du vent* – ‘преодолевать что-либо’);

‘нужно уметь улавливать потоки ветра’ (*il faut tendre la voile selon le vent* – ‘надо уметь применяться к обстоятельствам’);

4) признаки *оценочной зоны*:

– *антиномия*:

‘ветер вызывает страх и опасения’ (*avoir le derrière au vent* – ‘бежать без оглядки’), ‘поднявшийся ветер – плохо’ (*figure à vent debout* – ‘гнусный тип’);

‘ветер не опасен’ (*petite pluie abat grand vent* – ‘от небольшого дождика сильный ветер стихает’).

Структурно-семантический анализ рассматриваемых выражений позволяет не только определить содержание концепта «ветер», но и увидеть, каким образом данное погодное явление проецируется на определенные сферы человеческого бытия. Метафорические переносы подчинены достаточно жесткой закономерности и осуществляются в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой (предмет > предмет; предмет > человек; предмет > физический мир; предмет > психический мир; предмет > абстракция; физический мир > психический мир и т.д.) [6, с. 80]. Исследуемые концептуальные метафоры демонстрирует ассоциативную соотнесенность когнитивных признаков с образом, обладающим в сознании носителей языка внешним и внутренним сходством с ветром, в основе чего лежит его эмоциональная оценка. То есть, исследование метафорических выражений дает возможность не только выявить дополнительные признаки концепта, но и проникнуть в глубины ассоциативно-образного мышления, понять, что лежит в основе ассоциаций, раскрывающих связь исследуемого концепта с совершенно другими областями концептосферы.

Человек может представить нечто в мире как соизмеримое с его возможностями восприятия и ценностной ориентации. Являясь частью природы, взаимодействуя с ней, он пытается понять себя, переосмысливая явления окружающей среды и наделяя их новыми качествами и свойствами. Именно такая тенденция – стремление французского народа на основе метеонима *vent* строить образы, так или иначе описывающие человека, его характер, эмоциональное состояние, поведение и оценивающие его жизненную ситуацию, – прослеживается при исследовании соответствующих метафор. Лексема *vent*, теряя связь с ядром номинативного поля концепта «ветер», становится частью языкового материала, актуализирующего признаки концептосферы «человек». Она участвует в номинации таких концептуальных референтов как:

‘оценка личностных качеств’: *être né un jour de grand vent* – родиться в день святого Труса, быть трусом; *figure à vent debout* – гнусный тип;

‘внешность’: *cheveux au vent* – ‘с распущенными волосами’; *toutes les dents au vent* – ‘во весь рот’;

‘внутреннее состояние’: *avoir le nez au vent* – ‘находиться в напряженном ожидании’; *avoir l’œil au vent*, *avoir l’oreille au vent* – ‘насторожиться, быть начеку’;

‘физическое состояние’: *prendre le vent* – ‘отдышаться’; *avoir du vent dans les voiles* – ‘быть в состоянии опьянения’;

‘положение в обществе’: *prendre le dessus du vent*, *avoir le dessus du vent* – иметь преимущество;

‘материальное положение’: *être au vent de sa bouée* – ‘успешно вести дела, процветать’; *regagner le dessus du vent* – ‘поправить свои дела, восстановить пошатнувшееся материальное положение’;

‘поведение, его характеристика’: *avoir le derrière au vent* – ‘бежать без оглядки’ (проявление трусости); *couper le vent* – ‘идти навстречу ветру’; *contre vent et marée* – ‘против течения, наперекор стихиям, невзирая ни на что’ (проявление смелости, целеустремленности); *mettre toutes les voiles au vent* – ‘пустить в ход все средства’ (проявление целеустремленности); *le nez au vent* – ‘держа нос по ветру’ (проявление приспособленческих или адаптивных качеств); ‘задрав нос’ (проявление высокомерия); ‘глазея по сторонам’ (проявление ротозейства); *jeter sa flamme aux vents* – ‘растрачивать свой пыл, гореть в огне страстей’; *jeter sa poudre au vent* – ‘стрелять наугад, зря тратить порох’; *jeter qch au vent* – ‘выбросить что-либо на ветер’; *semer sur le vent* – ‘попусту трудиться, строить планы на песке’; *autant en emporte le vent* – ‘без всякого эффекта, без результата’ (бесполезность действия); *jeter la peau d’âne au vent* ‘махнуть на все рукой’ (отчаяние и равнодушие); *sentir (tourner) le vent* ‘чувствовать, куда ветер дует, к чему клонится дело’ (проявление интуиции); *tourner (virer) à tout vent* – ‘поминутно менять свое мнение’ (проявление сомнения, неопределенности) и т.д.

Исследование показало, что большинство метафор, семантически ориентированных на человека, составляют выражения со значением, указывающим на действия человека и на характер его поступков. Эту особенность подчеркивает В.Н. Телия: «Интерпретация действия или перемещения на основе образа создает условия для квалификации практически любого действия или перемещения как поведения, то есть целеполагающей акции межличностного характера» [8]. Ядро сферы поведения образуют такие выражения, в которых сема ‘вести себя’ обогащается за счет признаков, характеризующих поступки действующего лица. В результате этого возникает пересечение полей ‘поведение’ и ‘свойства личности’, в чем, по мнению В.Н. Телия, проявляется «диффузность значения» метафоры. Например, невозможно отнести выражение *tourner à tout vent* (поминутно менять свое мнение) только к номинативному полю концептосферы ‘поведение’ или ‘свойство личности’, так как в тексте может актуализироваться как следствие такого поведения, так и личностные качества человека, ведущего себя подобным образом – его нерешительность, сомнение или его слабохарактерность и стремление всем угодить.

С концептосферой «человек» коррелируют такие темы как: ‘жизненная ситуация’: *être vent dessus, vent dedans* – ‘попасть в штиль, застрять’; *avoir le vent en poupe* – ‘быть в благоприятных условиях, быть на верном пути к успеху’ и т.д.; ‘жизненный путь’: *qui entre en nef n’a pas vent à* – ‘первый шаг всегда труден’ и т.д.; ‘физические условия жизни’: *être logé aux quatre vents* – ‘жить в помещении, где дует со всех сторон, жить в разбитой хижине’; ‘питание’: *se taper du vent* – ‘питаться воздухом’; ‘напутствие’: *bon vent* – ‘скатертью дорога’.

Стоит отметить, что помимо «антропоцентрически направленных» концептуальных метафор в рассматриваемой парадигме довольно многочисленными являются выражения, характеризующие непосредственно ветер, где метеоним *vent* не утрачивает связь с концептосферой «Атмосферные явления». К этой группе относятся субстантивные словосочетания *coup de*

vent – ‘порыв ветра’, *lit du vent* – ‘направление ветра’, *rose des vents* – ‘роза ветров’, *saute de vent* – ‘внезапная перемена ветра’, выражения *un vent à décorner un bœuf* – ‘сильный ветер, такой ветер, что с ног валит’, *les vents sont au conseil* – ‘ветры на совете’ (о безветрии). Самыми немногочисленными среди референтов, вербализуемых с помощью метафорических образов на основе лексемы *vent*, являются концептуальные комплексы ‘пространство’: *en plein vent* – ‘под открытым небом’; ‘характеристика местности’: *à l’ombre du vent* – ‘в защищенном от ветра месте’; ‘весовая категория’: *léger comme le vent* – ‘легкий как зефир, как дуновение ветра’; ‘направление движения’. На наш взгляд, связь существительного *vent* с ядром номинативного поля концепта «ветер» во всех этих выражениях также сохраняется.

Выводы

В связи с внедрением в лингвистику антропоцентризма и развитием когнитивной лингвистики в изучении значения языковых единиц произошло смещение акцентов. Значение стало восприниматься как структура знания, вовлекающая в себя все отображаемые тем или иным языковым знаком типы информации. Исследование реального функционирования языковых единиц в сознании человека выявляет, на каких аспектах значения акцентируется внимание индивида, какой признак является для него наиболее актуальным, какие виды информации, представляющие несомненную важность для информантов, остаются за рамками словарного толкования, какими средствами обеспечивается понимание. Применение концептуально-метафорического анализа позволяет рассматривать периферию содержания не только концепта «ветер», но и тех концептуальных комплексов, которые номинируются соответствующими метафорическими выражениями. Это также дает возможность определить, какие из признаков оказываются важными для актуализации содержания концептуальных референтов, находящихся за пределами концептуального поля «Атмосферные явления».

В основе метафорических выражений номинативного поля концепта «ветер» лежат представления о соответствующем погодном явлении как о символе неопределенности, неустойчивости, непредсказуемости. Формирование подобных метафорических образов связано с ассоциациями, возникшими в результате многовекового опыта народа-мореплавателя и народа-земледельца. Носители французского языка используют свои знания о *ventre* для характеристики и оценки поведения человека, его поступков, психического состояния, жизненных ситуаций и условий существования. Анемотические метафоры играют важную роль в выявлении национально-культурной специфики языкового выражения исследуемого фрагмента картины мира и отражают морально-нравственные нормы и поведенческие ориентиры французского этноса.

Список литературы

1. Бондаренко Е.В. Концептуальная модель миропознания человека: методология и парадигматика / Е.В. Бондаренко // Вісник ХНУ ім. В.Н. Карамзіна. – 2005. - № 667. – С. 86-91.
2. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. – СПб., 2000. – 190 с.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М.: Едиториал УРСС, 2000. – 352 с.
4. Кузнецов М.А. Эмоциональная память / М.А. Кузнецов. – Харьков: Крок, 2005. – 568 с.

5. Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание / В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1980. – 358 с.
6. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складаревская. – СПб., Наука, 1993. – 151 с.
7. Стернин И.А. Типы значений и концепт / И.А. Стернин // Концептуальное пространство языка. - Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 257-282.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
9. Emmott C. Experience of reading. Cognition, style, affect and social space / C. Emmott // Textual secrets. The message of the medium. Proc. 21 st PALA Conference. – Budapest, 2001. – P. 29-42.
10. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1985. – 242 p.
11. Ó Laoire L. Metaphors we live by: some examples from Donegal Irish / L. Ó Laoire // <http://www.humnet.ucla.edu/humnet/celtic/22papers/olaoire.pdf2000>.

УДК 811.112.2

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОГИ В КОНЦЕПТЕ «ВРЕМЕНА ГОДА»**TEMPORAL PREPOSITIONS IN THE CONCEPT SEASONS**

Е.А. Ухналёва, С.А. Моисеева
Y.A. Ukhnal'yova, S.A. Moiseeva

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: everveyko@bk.ru

Аннотация. В статье освещаются вопросы употребительности темпоральных предлогов в зависимости от наличия в их семантике концептуального признака пространства. Рассматривается возможность синтаксических трансформаций словосочетаний, включающих времена года, в связи с морфо-фонологическими особенностями французского и русского языков. Статья содержит сравнительный анализ описанных словосочетаний, освещает проблемы лексикализации и семантизации времени в языке. Представленный материал рассматривается с точки зрения антропоцентрической парадигмы и национально-культурной специфики этносов.

Abstract. This article discusses the problem of temporal prepositions using with the concept seasons, it also provides a brief overview of the issue on the material of French and Russian languages, describes semantic and grammatical structure of definite relative units group with temporal meaning, including the year cycle, emphasizes the peculiarities of temporal prepositions semantic structure. The work touches upon the question of semantic distinctive features, meanings and variants of using the prepositions from the point of view of space-temporal code. The problem is highlighted from the point of view of anthropocentric paradigm, space-temporal representation of the language and national-specific picture of the world.

Ключевые слова: темпоральные предлоги; пространственный код; концепт; языковая картина мира.

Keywords: temporal prepositions; space code; concept; language picture of the world.

Взаимное влияние языка и времени, в частности актуализация временных отношений (темпоральности) в языковой системе является неоспоримым фактом, который достаточно широко описан в лингвистике. Интерес учёных к проблеме времени неуклонно возрастает, на современном этапе развития лингвистики исследователи используют когнитивный подход, учитывая, при этом, актуальность антропоцентрической парадигмы. Экспансия когнитивистики в сферу языкознания позволяет рассматривать проблему времени под новым углом, фокусируя основное внимание на определении его роли в формировании языка. Будучи базовой онтологической категорией бытия, время трансцендентно по отношению к человеку, и с другой стороны, человек способен к вербализации временных отношений окружающего мира, где язык играет ведущую роль.

На современном этапе развития лингвистической науки прочно установился антропоцентрический подход, его суть заключается в исследовании языковых фактов сквозь призму человеческого сознания и речемыслительных процессов, опыта и культурного наследия этноса. Интерес учёных к ментальной стороне деятельности человека выдвигает на первый

план понятие концептуализации мира, дающее представление об особенностях картины мира определённого народа. Интерес к категории времени неуклонно возрастает. Время рассматривается на всех уровнях языковой системы: в морфологии, синтаксисе, лексике, фразеологии.

Пространство и время являются базовыми понятиями окружающего мира. Связующим звеном для этих фундаментальных категорий служит идея движения. На лингвистическом уровне подобное взаимодействие выражается на уровне темпоральных наречий, прилагательных, предлогов, которые, имея пространственную направленность, используются уже с временной семантикой. Процесс специализации охватывает все периоды времени, но на различных уровнях (в суточном и годовом циклах), он выражен неравномерно. Во французском годовом цикле наблюдается ряд особенностей пространственного представления времени. Таким образом, концепт времени года (fr. *saisons*) подвержен специализации. В данном случае, пространство выражается, в первую очередь, через пространственные предлоги.

Целью нашей работы является исследование семантико-грамматической структуры отдельных групп релятивных единиц темпоральной направленности, включающих годовой оборот на примере русского и французского языков. Особенности структурно-семантических свойств темпоральных предлогов позволяют провести сопоставительные исследования разноструктурных языков.

Французский язык, является аналитическим, в котором именно предлог служит способом выражения отношений между словами. В русском языке предлоги играют не менее важную роль: каждый падеж имеет свой круг предлогов. Категория падежа упорядочивает грамматическую функцию предлога, осуществляемую совместно с падежной флексией. Согласно точке зрения З.Д. Поповой, «объединение падежного окончания и предлога имеет большую различительную силу, позволяет чётче выразить нужное синтаксическое значение. Предлог и флексия – это единое грамматическое единство, выражающее единое грамматическое значение» [3, с. 7]. Как отмечают А.М. Чепасова и Г.А. Шиганова, «предлог и флексия не тождественны по роли – флексия выражает прежде всего падежную форму и в последнюю очередь падежное значение, а предлог прежде всего выражает падежное значение и уж затем падежную форму. Предлог и флексия, взаимодействуя, не повторяют, а дополняют друг друга» [8, с. 9]. Коммуникативная значимость этого класса слов для флективных языков подчёркивалась В.В. Виноградовым: «В семантической системе предлогов открывается сложная область отвлечённых отношений, выражающих общественное понимание разнообразных связей между предметами, признаками, состояниями и действиями» [1, с. 564].

Отметим, что предлог функционирует только при наличии двухсторонних синтаксических связей. Являясь грамматической единицей, он имеет управляющее слово (глагол – связь слева) и управляемое (существительное – связь справа). По мнению З.Д. Поповой «значение предлога не поддаётся определению в нём самом, оно как правило, зависит от соседних слов» [3, с. 9].

Широкое распространение получили термины **лексический предлог** и **фразеологический предлог**. Производный или непроизводный предлог, состоящий из одной леммы принято обозначать как **лексический**,

например: *в, за, на, под, при, накануне, около, после, посреди, прежде* - в русском языке, и *à, en, dans, par, sous, sur, vers, durant, pendant, avant, après* - во французском. **Фразеологический предлог** представляет собой фразеологическую единицу, которая состоит из двух и более компонентов: *à la longueur de, au courant de, au cours de, dans le courant de, avant de, jusqu'à etc* [4, с. 3].

Семантическое поле времени преимущественно составляют существительные. Представления о годовом цикле является одной из форм реализации категории времени. В современном французском языке концепт *времена года* включает в себя четыре субконцепта, которые представлены базовыми номинантами, обозначающими календарные времена года: *l'hiver (зима), le printemps (весна), l'été (лето), l'automne (осень)*.

Изучение синтагматических связей языковых номинантов концепта позволяет постигнуть его структуру. При установлении признаков концепта большое значение имеет лексическая сочетаемость слов. Пространственную характеристику временам года во французском языке придают следующие предлоги: *à, pendant, en, depuis, jusqu'à*. Особое внимание занимает слитный артикль, который образуется в результате соединения предлогов *à, de* с артиклями *le u les*, образуя особые формы - слитные артикли *au, aux, du u des* соответственно.

Вслед за М.В. Пименовой мы будем использовать понятие кода, которое ряд учёных обозначает как **концептуальный признак**. Для концепта *времена года* мы выделяем пространственный код, который подразумевает, что то или иное явление сопрягается с пространством.

Временные предлоги входят в общую систему предлогов, являясь своеобразной подсистемой. Как и все в языке, эта подсистема не постоянна, а находится в непрерывном развитии. Развитие же есть процесс противоречивый, включающий в себя как изменчивые, так и стабильные явления. Изменчивость и устойчивость рассматриваются как неотъемлемые свойства языковой системы, диалектически связанные друг с другом. Именно их взаимодействие обеспечивает, с одной стороны, процесс языкового развития, с другой - поддержание относительного равновесия, благодаря чему язык сохраняется как «коммуникативно-пригодное образование» [2, с. 6].

Во французском языке при указании на определённое время года принято использовать темпоральные предлоги *à* и *en*. Швейцарский языковед Вальтер фон Вартбург отмечал, что разница в употреблении данных предлогов перед названиями времён года заключается лишь в их различных формах, а сами они имеют одинаковую семантическую нагрузку. Таким образом, можно предположить, что данные конструкции несут одинаковый смысл, и отличаются лишь по форме:

au printemps/ à l'été/ à l'automne/ à l'hiver
en printemps/ en été/ en automne/ en hiver

Отметим, что сочетания, выделенные курсивом, не используются и считаются грамматически неправильными в связи с морфо-фонологическими особенностями французского языка. Возникает вопрос, каким образом, с течением времени, одни варианты сохранили право на существование, а другие канули в лету.

С исторической точки зрения, наиболее популярное объяснение противопоставлению *au printemps/ en été, en automne, en hiver* следующее: в

старофранцузском языке существительному *printemps* придавалось особое значение, так как французы воспринимали *весну* как начало новой жизни, и придавали данной лексеме статус имени нарицательного, перед ним было принято использовать определенный артикль **le**, сочетание **en + le**, было невозможным, соответственно, появилось сочетание **à+le =au printemps**, в то время как существительные *été*, *automne*, *hiver* имели статус имени собственного, и не требовали перед собой использования определённого артикля, в языке укоренились сочетания **en été/ en automne/ en hiver**. С. Fahlin объяснял данный феномен тем, что определённый артикль **le** в старофранцузском языке не употреблялся перед существительными, начинающимися с гласной буквы, в подтверждение данному факту учёный приводил следующие примеры: **en enfer – au paradis**, **en Iraq – au Japon** [8, с. 47].

В сочетании с существительным *printemps* используется конструкция **à+N**: Comme notre vallée d'amour, Henriette avait eu son hiver, elle renaissait comme elle **au printemps** [Balzac].

Интерес представляет сочетание **à l'automne**, употребление данной формы имеет место и в современном французском языке, приобретая оттенок фамильярности, и также его можно встретить в художественных произведениях:

Consuelo apparaissait **à l'automne** de cette vie de chanoine, et cette longue apathie de l'âme se changeait en une langueur tendre, profonde, et plus tenace qu'on ne pouvait le prévoir [Sand].

La douche froide, ensuite, glaçant sa chair haletante, lui rappela les bains de la vingtième année, quand il piquait des têtes dans la Seine, du haut des ponts de la banlieue, **en plein automne**, pour épater les bourgeois [Maupassant].

Предлог **en** демонстрирует нахождение непосредственно в обособленном пространстве в «контейнере», на русский язык переводится буквально предлогом **в**. Необходимо отметить факт наличия в семантике темпоральных лексем семы ограниченного/неограниченного пространства, что предполагает позиционирование человека относительно этого временного пространства, внутри или за его пределами.

Возникает вопрос, существуют ли стилистические различия между использованиями вариантов **à l'automne** и **en automne**. Французский лингвист Кристиан Молинье предполагает, что все темпоральные наречия, которые имеют конструкцию **à+N** (*à l'automne*, *à l'ère*, *à la saison*) несут в себе сему ограниченного временного пространства, учёный обозначает их пометой *ponctuel*. В то время как конструкция **en+N** (*en automne*, *en mars*) характеризуется семой неограниченного пространства и обозначается учёным как *duratif* [9, с. 47].

Например: *à l'automne, Max était déjà parti.*

En automne, les nuits sont fraîches

Таким образом, мы приходим к выводу, что существительное *automne* является универсальным, допускает использование двух возможных конструкций, при этом наделяя фразу дополнительными стилистическими оттенками. В то время как аналогичные семантические конструкции с существительными *été* и *hiver* возможны только в одном варианте **en+N** :

Mais, dès l'aube **en été**, bien avant l'aube **en hiver**, il fallait qu'il se levât [Rolland].

Условно, мы можем разделить времена года на две группы, которые имеют синтаксические различия: *printemps/automne* и *été/hiver*. Кристиан Молинье отмечает, что группа *été/hiver* может использоваться в абсолютном употреблении:

l'été, les nuits sont fraîches

l'hiver, les nuits sont fraîches

в то время как использование аналогичной конструкции с существительными *printemps/automne* считается неправильным [9, с. 46].

Анализируя приведенные выше примеры, мы можем предположить, что группа существительных *été/hiver* получила возможность самостоятельного применения ввиду опущения предлога **en**. Группу *printemps/automne* данные лингвистические трансформации не затронули, ввиду описанных ранее синтаксических и морфо-фонологических особенностей французского языка.

Идея ограниченности/неограниченности темпорального пространства охватывает и другие предлоги французского языка, как лексические, так и фразеологические.

Группа предлогов, обладающих семой неограниченного пространства включает следующие примеры: *en, pendant, depuis, de*:

En hiver, ils ont de l'eau, alors ils restent dans la montagne, du côté de Sainte-Victoire... »[Pagnol].

Il ne laissa donc pas échapper l'occasion d'aller passer ses vacances à Aix, **pendant l'été** de 1858 [Vollard].

Déjà le grand-père était entré dans la chambre rouge, la chambre-salon, tout humide et glacée d'être close **depuis l'autre hiver**[Alain-Fournier].

Me trouvant en Andalousie au commencement **de l'automne** de 1830, je fis une assez longue excursion pour éclaircir les doutes qui me restaient encore [Mérimée].

Данные предлоги несут в себе пространственные значения, идея неограниченного пространства (длительности) дополняется и грамматическими показателями, такими как время (Imparfait), адвербиальными конструкции (au commencement, au début).

Во французских временах года пространственно-темпоральный код занимает уверенные позиции. Большое количество пространственных признаков можно объяснить сочетаемостью номинантов с темпоральными предлогами, существительными с предлогом. Факт наличия пространственного признака в концепте времени года означает, что время неотделимо от пространства на всех уровнях человеческого представления о нём. Эти две фундаментальные категории определяют специфику ментальности этноса, обуславливают уникальность временных и пространственных планов его жизнедеятельности, базирующиеся на ментальных механизмах структурирования знаний об этих концептах.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 718 с.
2. Комарова Т.Е. Развитие сложноподчиненных предложений с обстоятельственными придаточными в английском языке (на материале древнеанглийского и среднеанглийского периодов): Дисс. канд. филол. наук. М., 1991. 165 с.
3. Попова З.Д. Предложные и предложно-падежные формы русского языка в связной речи. Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 1974. 145 с.

4. Суровцева С.И. Структурные и семантические свойства лексических и фразеологических предлогов со значением темпоральности в современном русском и французском языках: автореф. дис. .канд. филол. наук /С.И. Суровцева. Челябинск. 2006. 16 с.
5. Шиганова Г.А. Релятивные фразеологизмы русского языка. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та. 2003. 306 с.
6. Tyler, Andrea & Vyvyan Evans (2003). The semantics of English prepositions: Spatial scenes, embodied meaning and cognition. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Bietel, Gibbs & Sanders (1997). The embodied approach to the polysemy of the spatial preposition on. In H. Cuyckens & B. Zawada (Eds.)
8. Vandeloise 1992 C.Vandeloise. Les analyses de la preposition "dans": faits linguistiques et effets methodologiques. Lexique 11, Press Universitaire de Lille. 1992, p. 15-40.
9. Christian Molinier. Langue Française. No. 86, sur les compléments circonstanciels (mai 1990), pp. 46-50 URL: <http://www.jstor.org/stable/41558449>
10. Espace, temps, prépositions. Tijana Ašić. Genève : Droz, 2008. URL: <http://www.droz.org/en/2867-9782600011969.html>

УДК 81.22

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ПОЛИМОДАЛЬНЫХ ОЩУЩЕНИЙ
ВО ФРАНЦУЗСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**
**LINGVO-CULTURAL FEATURES OF THE POLYMODAL SENSES
ATTRIBUTES IN THE FRENCH, ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES**

Е.Ю. Яровая
Y.Y. Yarovaya

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: katerinaus@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена описанию семантической структуры прилагательных полимодальных видов восприятия, реализующих сему «вкус». В ходе исследования дана типология рассматриваемых прилагательных по основным выделяемым в их семантической структуре коннотативным и денотативным компонентам. В каждой из групп проводится семантический анализ наиболее употребительных прилагательных с выделением коннотативных сем, участвующих в образовании метафор и метонимий, особенно в эмоциональной сфере и сфере жизнедеятельности человека.

Abstract. The article deals with the description of the semantic structure of the polymodal senses attributes actualizing the seme “taste”. These attributes are classified according to the connotative and descriptive semes containing into their semantic structure. In each group of attributes for the most usable of them the full semantic structure is given, especially mentioned metaphoric and metonymic semes in the sphere of emotions and human being.

Ключевые слова: перцепция, полимодальные прилагательные, семантическая структура, концептосфера, антропоцентризм, вкусовое восприятие, синестезия.

Keywords: perception, polymodal attributes, semantic structure, sphere of concepts, anthropocentrism, taste perception, synesthesia.

Научная парадигма, исследования которой объединены одним исходным понятием, называемым «антропоцентризм», не теряет своей актуальности. «Именно человек выступает в роли субъекта, объекта и бенефицианта современных научных разработок» [1, с. 3]. Изучается человек мыслящий (cogens), говорящий (loquens), действующий (agens), играющий (ludens), воспринимающий (parcipiens). Помимо значимости антропоцентрической направленности исследования, актуальность изучения средств номинации вкусовой перцепции, рассматриваемых в рамках данной статьи, объясняется сравнительно малой изученностью лексики этого вида восприятия, являющегося, одним из наиболее значимых в жизни человека.

Проблема перцепции – одна из наиболее важных в исследовании человека, поскольку способность воспринимать реальный мир относится к числу фундаментальных человеческих возможностей наряду с *чувствовать, вообразать, думать, понимать*. Результаты перцептивного процесса – зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса (чувственные ощущения, представления и перцептивные образы) связаны между собой, эта связь

основана на приобретенном опыте [2, с. 115]. Восприятие вместе с ощущением выступают как отправной пункт процесса познания; в ходе восприятия происходит интерпретация сенсорной информации в контексте уже имеющихся знаний о действительности, следовательно, перцепция — не просто реакция на стимул, она тесно связана с другими когнитивными процессами (памятью, воображением, мышлением) [3, с. 15].

При исследовании перцептивной семантики номинативных единиц значимыми являются вопросы о том, каковы особенности окружающего мира, и как они вербализуются в языке. Семантика номинативных единиц восприятия характеризуется в первую очередь антропоцентричностью и взаимообусловленностью всех сфер деятельности сознания, а через перцептивную деятельность осуществляется отражательная функция языка [4, с. 4-5]. На основе восприятия человек посредством языка вырабатывает суждения об окружающем мире, тогда как сам перцептивный процесс становится возможным при помощи языка [4, с. 19]. Таким образом, лексика восприятия является результатом непосредственного взаимодействия человека с миром и, следовательно, несет в себе информацию об этом мире, о возможностях человека оперировать ею в своей практической деятельности [5, с. 25].

Изучение концептосферы с целью выявления национального своеобразия мышления бесспорно важно, так как исследование языкового выражения концептов способствует определению лингвокультурологических особенностей этносов. При этом очевидно, что национальная специфика наиболее отчетлива, если исследуемый концепт значим для этноса и, следовательно, частотен в употреблении. Вкусовое восприятие, одна из пяти перцептивных областей, является основной врожденной человеческой потребностью. Однако лингвистами неоднократно отмечалась бедность и относительно малая изученность средств реализации результатов вкусовой перцепции. В психологии преобладают работы, посвященные зрению и слуху, а исследований природы вкуса значительно меньше. Незавершенность данной проблемы, вероятно, объясняется неясным характером самой перцепции этого вида.

Вкус — явление психофизическое, следовательно, значимым в нем является синтез лингвистических и экстралингвистических знаний, поэтому вкус эволюционировал параллельно с развитием общества. Вкусовая перцепция имеет гораздо более субъективный характер и сохраняет большую связь с эмоциональными состояниями (чувством приятного и неприятного), чем зрительные ощущения, которые могут протекать, не вызывая эмоциональных переживаний, и носят гораздо более объективный и дифференцированный характер, отражая форму, размер и пространственное расположение действующих на человека предметов [5, с. 13; 6, с. 43].

Исследование когнитивного поля концепта «вкус» призвано, помимо прочего, ответить на вопрос, сколько вкусов различает язык. Количество слов, обозначающих вкус, недостаточно, поэтому носители языка для вербализации вкусового ощущения используют сравнение вкуса с эталоном. Однако это дает лишь общее представление о продукте и не является его точной характеристикой.

В силу того, что гастрономический дискурс отражает особенности культуры разных стран, он обладает значимой национально-культурной спецификой, включающей ценностную, образную и понятийную стороны, предопределяющей само существование этнокультуры, формирующей ее

лингвосемиотическую систему и систему коммуникации [7, с. 13]. Поскольку при номинации традиционно из всей совокупности характерных для объекта номинации признаков выделяется один, наиболее значимый для человека в данный момент, при помощи анализа прилагательных вкуса становится возможным ответить на вопрос, что в них «отражено и обобщено, что является коррелятом этих признаков единиц, как в объективной реальности, так и в сознании человека» [8, с. 310].

Целью настоящего исследования является выявление национально-специфических черт, присущих русскому, английскому и французскому этносам в сфере реализации концепта *вкус* на материале вкусовых прилагательных. Основными задачами исследования являются выделение корпуса исследуемой лексики, ее семантический анализ и построение семантической структуры наиболее частотно употребляемых атрибутов с дальнейшим изучением национальных особенностей семантики, а также создание типологии рассматриваемых ЛЕ в зависимости от присутствующих в семанте коннотативных компонентов и вида модальностей восприятия.

Исследование прилагательных чувственного восприятия достаточно актуально в силу интереса многих ученых к изучению семасиологии и относительно малой семасеологической изученности прилагательных. В последнее время наблюдается рост числа работ по семантике прилагательных на материале английского [Ясакова (2007); Воевода (2012); Лечицкая (2007)], русского [Фомина (2009); Матвеева (2005); Гутова (2005)], французского [Мерзлякова (2003); Моисеева (2005); Бубырева (2011); Котенева (2006); и др.] и других языков.

Среди многообразия вкусовых ощущений выделяется четыре основных, мономодальных, вкуса, которые невозможно разложить на более простые. Восприятие данных вкусов уменьшается в следующем порядке: сладкое, соленое, горькое, кислое. Все остальные вкусовые ощущения являются комбинацией четырех основных элементарных вкусов: кисло-сладкий (яблоки или фруктовые напитки), кисло-соленый (огуречный рассол), горько-сладкий (шоколад), сочетания горького и соленого или горького и кислого практически не встречаются, так как такие смеси очень неприятны на вкус [9, с. 90].

Неосновные вкусовые ощущения – полимодальны; это означает, что в перцептивном акте активно участвуют не только вкусовые, но и осязательные, обонятельные и другие виды рецепторов. Психологи отмечают, что при любом типе восприятия органы чувств находятся в комплексном и целостном синестетическом взаимодействии. Это предполагает не просто «сложное действие органов чувств, которое сформировалось в процессе жизни человека и включает в себя ряд сенсорных операций, соответствующих объективно воспринимаемым предметам и взаимоотношениям различных их качеств и сторон», а системную интеграцию всех данных, оценку их значимости и их объединение [9, с. 88]. Помимо непосредственно вкусовых ощущений, получаемых из ротовой полости, к вкусовой перцепции относятся и ощущения, получаемые путем термической и механической стимуляций, относящихся к сфере осязания. Естественна также значительная зависимость вкуса от обонятельных характеристик воспринимаемых блюд. Так, современные нейроисследователи утверждают, что 90% того, что мы воспринимаем как вкус, фактически является запахом, который «не только готовит нас к принятию пищи, но и добавляет ей ту сложность и полноту, на которую основные вкусы – только намекают» [10, с. 59-60].

К полимодальным вкусам относятся: базисные (острый, терпкий, пресный, испорченный) и производные (перцовый, вяжущий и др.). Зачастую подобные вкусовые ощущения образуются при помощи добавления различных специй и приправ в разнообразные продукты, что делает фактически невозможным построение полевой классификации данных атрибутов вкусообозначения [9, с. 152].

Источник эмпирического материала — прилагательные, выявленные методом сплошной выборки из художественной и публицистической литературы (проанализировано 54 источника общим объемом 13727 страниц), из толковых (Толковые словари русского языка Ожегова, Даля; Longman, Webster's, Oxford dictionaries; Grand Robert, Larousse), аналогических (Dictionnaire analogique par Charles Maquet, Dictionnaire des idées par les mots (analogique) par Delas D.), двуязычных словарей (Новый англо-русский словарь В.К. Мюллера, Le nouveau grand dictionnaire phraséologique français-russe под ред. В.Г. Гака), источников Интернет (в особенности, Интернет-СМИ, как политико-экономических, так и кулинарных блогов: www.gazeta.ru, www.eda.ru, spoon.com.ua, www.nytimes.com, www.thetimes.co.uk, www.chow.com, www.lemonde.fr, www.marmiton.org) и др., всего 28 словарей и 35 Интернет-СМИ. В результате выборки было выявлено 1628 примеров использования полимодальных прилагательных вкусовой перцепции, из которых 523 примера на русском языке, 448 примеров на английском и 657 — на французском языках. Методом компонентного анализа были исследованы семантемы наиболее употребительных полимодальных прилагательных, составленные на основе обобщенных словарных определений и примеров реализации в вышеозначенных источниках.

Исследованные прилагательные были разделены на следующие группы в зависимости от особенностей коннотативных и потенциальных сем, содержащихся в их семантеме:

1. Прилагательные, обозначающие вкусовые ощущения с «прозрачным» эталоном (т.е. эталон задан внутренней формой слова):

Таблица 1

Прилагательные с «прозрачным» эталоном

Русский язык	Английский язык	Французский язык
лимонный	<i>orange taste</i> 'апельсиновый	<i>caramélé</i> 'имеющий вкус
вишневый	вкус'	карамели'
лимонно-имбирные оттенки	<i>apple flavor</i> 'яблочный вкус'	<i>goût de brulée</i> 'жженный вкус'

Из табл. 1 видно, что в **русском языке** используются непосредственно прилагательные с прозрачным эталоном, тогда как в **английском** наблюдается переход существительных в разряд прилагательных (*lemon taste* 'лимонный вкус'), а во **французском** языке наиболее употребительной является модель *существительное вкуса + предлог de + существительное-эталон*, например *goût de pomme* 'яблочный вкус'. Примечательно, что зачастую субстантивы в признаковой функции реализуют компонент значения «приготовленный с добавлением продукта» (*chocolate cake* 'шоколадный торт'), и лишь в незначительном количестве случаев сему «относящийся к производящей основе» (*cocconut milk* 'кокосовое молоко') [8, с. 310]. Следует отметить также, что рассматриваемые прилагательные с прозрачным

эталон, описывающие вкусовые ощущения, зачастую перестают быть относительными, переходя в разряд качественных: так, с развитием промышленности появляются вещества, обладающие вкусом эталона, но не состоящие с ним в производных отношениях.

Преимущественное использование субстантивных моделей во французском языке при сравнении с английским и русским может быть объяснено несколько меньшей развитостью в нем лексики для обозначения результатов вкусовой перцепции.

2. Прилагательные, выражающие **изменение вкуса, ухудшение, порчу, актуализирующие сему «неприятный на вкус»**. Данная группа прилагательных может быть подразделена на следующие подгруппы:

Таблица 2

Прилагательные с семой ухудшения вкуса

Подгруппа	Русский язык	Английский язык	Французский язык
гниение	<i>гнилостный, тухлый, гнилой, затхлый</i>	<i>rotten, putrid</i>	<i>nidoreux, pourri, relent, corrompu, croupi, putride, fétide</i>
горение	<i>подгорелый, жженный, горелый, прогорклый</i>	<i>burnt, rancid</i>	<i>roussi, brûlé, calciné, rance, ranci</i>
заплесневение	<i>заплесневелый</i>	<i>musty</i>	<i>moisi</i>
порча от длительного хранения	<i>перезрелый, прелый</i>	<i>spoiled</i>	<i>avancé, taré, tourné</i>
порча при намеренном вмешательстве человека	<i>разбавленный, водянистый</i>	<i>dilute, small</i>	<i>dilué, aqueux</i>

В прилагательных подгруппы гниения, горения сочетаются модусы вкуса и обоняния, т.е. прилагательные сочетают семы «имеющий неприятный вкус и запах»; в подгруппах плесневения и порчи основными модусами восприятия являются вкус и зрение: «имеющий неприятный вид и вкус». Сема отрицательной оценки в атрибутах этой группы используется при создании метафор, в основном, для характеристики человека и его внутренних качеств: *гнилой характер, spoiled character, un homme pourri*.

3. Атрибуты, узаконивающие значение **изменения, улучшения вкуса, приготовление блюда, актуализируется сема «приятный на вкус»**. Эталон в данной группе могут считаться прилагательное *натуральный / nature / naturel*, выделяются следующие подгруппы:

Таблица 3

Прилагательные с семой улучшения вкуса

Подгруппа	Русский язык	Английский язык	Французский язык
термическая обработка	<i>жареный, вареный, подогретый</i>	<i>grilled, boiled, heated</i>	<i>frit, mijoté, rechauffé</i>
добавление приправ	<i>приправленный, перченый</i>	<i>seasoned, pepper</i>	<i>épice, accomodé, poivré</i>
добавление сахара	<i>засахаренный</i>	<i>Candy</i>	<i>confit</i>

Атрибуты данной группы содержат в себе преимущественно сочетание сем вкусовой и тактильной перцепции, ощущения температуры и воздействия вкусовых веществ на тактильные рецепторы языка. Прилагательные подгруппы «добавление приправ» в русском и французском языке имеют коннотативную сему «имеющий игривый, пикантный характер»: *перченное слово, une aventure épicé* 'пикантное приключение'.

4. Прилагательные иных видов восприятия, которые настолько частотно употребляются в сфере вкусовой перцепции, что не воспринимаются **как синестетическая метафора**. Среди них можно выделить следующие наиболее употребительные подгруппы:

- атрибуты с семой «вкус, вызывающий во рту осязательное ощущение из-за обилия мякоти, жира или сока» (с потенциальной положительной оценочной семой):

Таблица 4

Прилагательные с семой сочности

Русский язык	Английский язык	Французский язык
<i>сочный</i> <i>жирный</i> <i>мучнистый</i> <i>мясистый</i>	<i>juicy</i> <i>grease</i> <i>floury</i> <i>puply</i>	<i>juteux, succulent</i> <i>crèmeux, graisseux</i> <i>pâteux</i> <i>charnu</i>

Примечательно, что вкусовая сема не имеет первичного статуса в семантике большинства прилагательных данной подгруппы, она носит потенциальный характер и может быть актуализирована в соответствующем контексте. Основным коннотативным значением данной группы прилагательных является «имеющий яркий, насыщенный цвет»: *сочные краски*, англ. *juicy colors*, франц. *les couleurs juteuses*. Для русской концептосферы характерно также частотное употребление прилагательного *сочный* в значении «имеющий меткий, образный, выразительный характер» (о языке, высказывании, словах): *сочное слово*.

- прилагательные, реализующие сему «вкус, вызывающий во рту интенсивное осязательное ощущение вязкости» (с потенциальной негативной оценочной семой):

Таблица 5

Прилагательные с семой вязкости

Русский язык	Английский язык	Французский язык
<i>терпкий</i> <i>вяжущий</i> <i>пикантный</i> <i>острый</i> <i>пряный</i>	<i>acerb</i> <i>astringent</i> <i>piquant</i> <i>acrid</i> <i>spicy</i>	<i>acerbe, âpre, bourru</i> <i>astringent, acerbe</i> <i>piquant, relevé</i> <i>âcre, mordicant</i> <i>épicé</i>

Прилагательные данной подгруппы актуализируют отраженные в табл. 6 **коннотативные значения** на базе отрицательно-оценочной семы, присущей большинству из них.

Таблица 6

Коннотативные значения прилагательных с семой вязкости

Сема	Русский	Английский	Французский
имеющий неприятный запах	<i>терпкий запах</i>	<i>acrid smoking</i> 'терпкий сигаретный дым'	<i>une âcre fumée</i> 'терпкий дым'
имеющий яркий цвет	<i>терпкий цвет</i>	<i>pungent roses</i> 'яркие розы'	<i>les couleurs acerbes</i> 'яркие цвета'
имеющий резкий неприятный звук		<i>an acerbic tone</i> 'резкий тон'	<i>parler d'un ton acerbe</i> 'говорить резким тоном'
имеющий язвительный характер	<i>он умный человек, но терпкий</i>	<i>he grows more acrid</i> 'он растет более язвительным'	<i>il est très âcre</i> 'он очень язвителен'
выражающий сильные болевые ощущения		<i>pungent pains</i> 'резкая боль'	<i>une âcre douleur</i> 'резкая боль'

- прилагательные, реализующие сему «недавно сделанный, приготовленный, имеющий свой первоначальный (такой, как положено) вкус»: *свежий* / англ. *fresh* / франц. *frais*. Эти несобственно вкусовые прилагательные в контекстах кулинарных рецептов не реализует производно-номинативного вкусового значения «пресный», вместе с тем частотно употребляется в значении «свежий» [10, с. 310].

Прилагательные этой подгруппы реализуют следующие **коннотативные** (преимущественно, синестетические) семы, отраженные в табл. 7.

Таблица 7

Коннотативные значения прилагательных с семой свежести

Сема	Русский	Английский	Французский
прохладный	<i>свежее утро</i>	<i>fresh morning</i>	<i>une fraîche matinee</i>
неприветливый, негостеприимный			<i>un accueil frais</i> 'холодный прием'
дающий ощущение приятной свежести	<i>свежее белье</i>	<i>fresh clothes</i>	<i>des vêtements frais</i>
имеющий яркий оттенок цвета		<i>fresh colors</i>	<i>le teint frais</i> 'яркий цвет'
новый, недавно оставленный, изобретенный	<i>свежие идеи</i>		<i>une trace fraîche</i> 'свежий след'
источающий здоровье			<i>une fille appétissante et fraîche</i> 'аппетитная и здоровая девушка'
чистый, искренний (в моральном плане)			<i>un amour frais</i> 'искренняя любовь'

Атрибуты приведенной ниже группы имеют в своей семанте настолько выраженные оценочные семы, что практически не используются для нейтральной характеристики годности блюда к вкусовому восприятию,

приближаясь к группе прилагательных, выражающих исключительно оценочные смыслы (ср., *вкусный*, англ. *tasty*, франц. *agréable*).

5. Прилагательные с семой «годность к вкусовому восприятию»: рус. *съедобный, съестной, несъедобный*/ англ. *comestible, gustable, uneatable, inedible* /франц. *comestible, sapide, immangeable, inconsommable*.

Таким образом, среди вкусовых прилагательных можно выделить следующие группы:

- мономодальные вкусы (соленый, сладкий, кислый, горький),
- полимодальные вкусы (острый, терпкий, жгучий),
- слабо выраженные вкусы (мягкий, легкий, пресный),
- оценочные вкусы (вкусный, невкусный, безвкусный).

С грамматической точки зрения, рассматриваемые французские атрибуты образуются преимущественно при помощи субстантивных словосочетаний «существительное1» + «предлог de» + «существительное2»: *goût de fraise* 'клубничный вкус'. Употребление модели «существительное в родительном падеже1» + «существительное2» достаточно типично для русского языка: так, словосочетания типа «*вкус лимона*» более употребительны, чем «*лимонный вкус*». Семантика подобных словосочетаний формируется на основе подчинительной связи, обуславливающей наличие в них господствующего и зависимого члена [12]. Широкое употребление данной модели вызвано недостаточным количеством прилагательных вкусообозначения по сравнению с другими языками. Для английского языка свойственно широкое употребление конверсии, в котором из двух рядом стоящих существительных первое играет роль атрибутивной единицы, а второе – субстантивной: *orange taste* 'апельсиновый вкус'.

В ходе исследования были решены основные задачи: методом сплошной выборки отобран корпус исследуемой лексики, проведен анализ семантем наиболее употребляемых атрибутов, их типологизация по наличию коннотативных компонентов в семантической структуре, выявлены национально-специфические особенности прилагательных, вербализующих полимодальные ощущения. Проведенный анализ показал, что общей интегральной семой, которой подчинены все другие, является сема «вкус», тогда как к дифференциальным семам относятся такие, как «сладкий», «горький», интенсивный, семы оценки и т.д. В структуру прилагательных также входят семы «запах», «осязание», «соль», «порча» и др. Дифференциальные коннотативные семы прилагательных вкуса исследуемых языков способствуют активной метафоризации, в основном, созданию синестетических переносов, наиболее типичных для французского языка (12 примеров во французском языке, 8 примеров в английском, 6 примеров в русском языке).

Исследование показало также, что, несмотря на различия в семантической структуре (например, свойственные только французскому языку семы *un amour frais* 'искренняя любовь', *un accueil frais* 'холодный прием' и *une fille appétissante et fraîche* 'аппетитная и здоровая девушка'), прилагательные разных групп имеют общие черты во всех трех рассматриваемых языках: так, например, дальняя периферия многих перцептивных прилагательных распространяется на чувства, эмоции, характеристику человека (например, *терпкий человек*, *an acrid person*, *un*

homme âcre). Целесообразным представляется продолжить исследование полимодальных прилагательных с целью выявления наиболее типичных синестетических переносов, отражающих особенности мировосприятия и концептосфер русского, английского и французского этносов.

Список литературы

1. Хомякова, Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности (на материале английского языка) [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Е.Г. Хомякова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 35 с.
2. Воевода, Е.В. Цветовосприятие и ассоциативные поля в русском и английском языках [Текст] / Е.В. Воевода // Научный Вестник Воронежского архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – Воронеж, 2012. – Вып. №2(18). – С.113-123.
3. Лечицкая, Ж. Лексическое значение слова в аспекте номинации [Текст] / Ж. Лечицкая, Д. Вишняускаене // Studies about languages, 2007. – N11. – С. 14-21. – URL: www.cceeol.com/aspx/getdocument.aspx?logid=5&id=26a092a2 (время обращения – 20.10.13).
4. Моисеева, С.А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках [Текст] / С.А.Моисеева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 248 с.
5. Гутова, Н.В. Семантический синкретизм вкусовых и осязательных прилагательных в языке и художественном тексте [Текст]: дисс. ...канд. филол. наук / Н.В. Гутова, Новосибирский государственный педагогический университет. – Новосибирск, 2005. – 220 с.
6. Фомина, З.Е. Культурно-гастрономические смыслы в европейском и русском языковом сознании как «мир в миниатюре» [Текст] / З.Е. Фомина // Научный Вестник Воронежского архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – Воронеж, 2009. – Вып. № 1 (11). – С.11-24.
7. Бубырева, Ж.А. Когнитивные основы номинаций осязательного восприятия (на материале русского, французского, английского языков) [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / Ж.А. Бубырева, Белгородский государственный университет. – Белгород, 2011. – 207 с.
8. Ясакова, Е.С. Особенности функционирования различных типов номинаций вкуса в профессионально-ориентированном англоязычном дискурсе (на материале текстов по кулинарии и периодических изданий) [Текст] / Ясакова Е.С., Лаенко Л.В // Дайджест-2007: Дипломные работы факультета РГФ ВГУ / Воронеж. гос. ун-т; под ред. Н.А. Фененко. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. – Вып. 8. – С. 307-315.
9. Матвеева, Т.М. Перцептивная категория вкуса и лингвистические средства ее реализации [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Т.М. Матвеева; ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет». – Челябинск, 2005. – 200 с.
10. Котенева, И.А. Номинация запаха во французском языке [Текст]: дисс. ...канд. филол. наук / И.А. Котенева, Белгородский государственный университет. – Белгород, 2006. – 181 с.
11. Мерзлякова, А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие». На материале английского, русского и французского языков [Текст] / А.Х. Мерзлякова. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 352 с.
12. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.

Список словарей

1. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / В.И. Даль. – АСТ Астрель, 2007. – 1248 с.
2. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / Le nouveau grand dictionnaire phraseologique francais-russe (под редакцией В.Г. Гака) [Текст]. – М.: Русский язык-Медиа, 2006. – 1628 с.
3. Мюллер, В.К. Новый англо-русский словарь / New English-Russian Dictionary [Текст] / В.К. Мюллер. – Издательство: Словари.ру, 2008. – 752 с.
4. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.

5. Фразеологический словарь русского языка (под редакцией А.И. Молоткова) [Текст]. - М.: Издательство «Русский язык», 1978. – 543 с.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]. – М.: Изд-во Терра, 2008. – 576 с.
7. Dictionnaire analogique par Charles Maquet. – Librairie Larousse, Paris-VI, 1981. – 261 p.
8. Dictionnaire des idées par les mots (analogique) par Delas D., Delas-Demou D. – Paris, Robert, 1987. – 612 p.
9. Dictionnaire des synonymes par Charaud H.B. – Paris, Robert, 1987. – 522 p.
10. Le nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. SEJER, 2006. – 2838 p.
11. Le Robert. Dictionnaire de la langue française. – Paris : Robert, 1985.
12. Longman, New Universal Dictionary. – Longman, 1982. – 1159 p.
13. Nouveau dictionnaire analogique sous la direction de G. Niobey. – Paris: Librairie Larousse, 1981. – 321 p.
14. Oxford advanced learner's dictionary. – Oxford University press, 6-th edition, 2000. – 1540 p.
15. Pocket dictionary and thesaurus – Chambers, 2003. – 824 p.
16. Webster's third New International Dictionary. – Encyclopedia Britannica, inc. – 1993.

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 80.1

ПРАЗДНИК КАК КОММУНИКАТИВНОЕ СОБЫТИЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРАЗДНОВАНИЯ НОВОГО ГОДА И РОЖДЕСТВА)

HOLIDAY AS A COMMUNICATIVE EVENT (NEW YEAR AND CHRISTMAS HOLIDAYS)

Н.В. Глевкая
N.V. Glevkaya

НОУ ВПО «Международный институт бизнес-образования»,
183038, г. Мурманск, ул. Октябрьская, д. 3-а.
International Institute of Business Education, 3a, Oktyabrskaya St., Murmansk, 183038, Russia
e-mail: glevkajanv@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается праздник как коммуникативное событие. Автор акцентирует внимание на речевых действиях, которые предпринимают на страницах СМИ участники-коммуниканты речевого события «Новогодние и Рождественские праздники». Анализ материалов светской и религиозной прессы показал, что в речевой практике СМИ праздник как явление социальное предстает в виде коммуникативного события. В структуре этого коммуникативного события находит достаточно полное отражение социальная структура праздника. Таким образом автор выделяет главную функцию праздника, которая заключается в социокультурной интеграции той или иной общности людей.

Abstract. The article describes a holiday as a communicative event. In the minds of society the holiday is treated as the day of celebration, as the output, as the day of joy and celebration, the day of fun and games. The author focuses on speech actions represented in mass media by communicators of the event "New Year and Christmas holidays". The analyses of secular and religious articles says that speech practice of mass media show such social thing as holiday as a communicative event. Moreover, a social structure of a holiday is completely reflected in the structure of the social event. Thus, the author identifies the main function of the festival, which is the social and cultural integration of a particular community of people.

Ключевые слова: праздник, коммуникативное событие, речевые действия, Новый год, Рождество.
Keywords: holiday, communicative event, speech actions, New Year, Christmas.

В определении коммуникативного события мы идём вслед за И. Н. Борисовой, которая понимает событие как «ограниченный в

пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов»; как «лимитированный и регламентированный процесс социально-коммуникативного взаимодействия в определенном социокультурном контексте» [Борисова, 2001].

Структура и статус праздника как коммуникативного события во многом определяются структурой и статусом праздника как социального явления.

Праздник как явление социальной жизни

В координатах социальных мы рассматриваем праздник как значимое событие, происходящее в жизни общества – в личной жизни человека, в жизни семьи, в жизни города, страны. Рассмотрим структурные особенности праздника как социального события.

Само событие с точки зрения семантики – сложное образование. События мыслятся «как происходящие не в пространстве безграничного мира, а в его более узкой сфере – сфере жизни личности, семьи, группы людей, коллектива, общества, нации, государства» [Арутюнова, 1999] в жизни людей, состоящих в любом другом родстве, в жизни работников сфер бизнеса, образования, культуры и др. Рождественские и Новогодние праздники охватывают абсолютно всех представителей общества: все возрастные, социальные группы, группы по половой принадлежности, по финансовому обеспечению и т.д.

В рамках категории «событие» нередко можно охарактеризовать социальную роль, которую играет человек в той или иной сфере жизни и степень значимости этой роли в его будущей жизни. Например, выступление на новогоднем утреннике – это событие в жизни ребёнка, но в дальнейшем это событие вряд ли повлияет на его семейную жизнь и жизнь в обществе. Сознательное же соблюдение Рождественского поста взрослым человеком, как правило, свидетельствует о принципиальных основах его мировоззрения и поведения.

Событие само по себе редко подвергается оценочным характеристикам. Нельзя сказать, хорош или плох праздник. Можно оценивать, например, организацию праздников, его историческую обоснованность, действия участников праздничного события (актёров, поздравителей, дарителей, священнослужителей и т.д.). Но сам праздник может оцениваться только в широком контексте, далеко выходящем за границы праздника (например, оценка праздника Рождество в аспекте истории православной религии и т.п.).

В сознании общества праздник понимается как день торжества, как выходной, как день радости и торжества, день игр и развлечений. Праздник интересует любого человека, поскольку для человека как существа социального участие в празднике является одной из необходимых форм социализации. Информация о праздниках является рекреативной: сообщает об интересных традициях, настраивает читателей на отдых, на непринуждённое, доставляющее удовольствие общение.

При описании речевой разработки темы праздника в СМИ следует учитывать тот факт, что представление в тексте такого события, как праздник, в корне отличается от представления в тексте событий, вызванных явлениями природы. Землетрясение может являться трагическим событием в жизни страны, но его причины носят внесоциальный характер. Праздник же, как

событие, социален по своей природе. Поэтому если природный катаклизм описывается прежде всего в параметрах физического времени, то праздник существует прежде всего во времени социальном.

Социальное время – время, в которое человеческая активность создаёт общество [Sorokin, Merton, 1937]. Люди создают социальное время событиями личной жизни, в которые включены и праздники. «Социальное время есть единство длительности и последовательности событий и процессов, вызванных деятельностью людей. <...> Социальное время есть единство объективного и субъективного времени человека, т. е. оно выступает и как реальное течение событий, смена состояний его личной и общественной жизни, и как мысленное, духовное отражение, переживание их сознанием» [Яковлев, 1980]. Поэтому событие, которое осуществляется в социальном времени, при его воспроизведении в тексте сопровождается актуализацией значений субъективно-модального типа, представляющих сферу авторского «я».

Реальное течение событий в жизни человека можно разбить на три вида: повседневность (будни), выходные и праздники. Праздник является особым элементом в структуре социального времени. Праздничные события могут быть связаны и с личной жизнью, и с карьерой, и с коммуникацией.

Главная функция праздника – социокультурная интеграция той или иной общности людей. Каждый праздник воплощается в определенном ритуале празднования, в котором важную роль играют такие элементы культуры, как застолье, подарки, праздничная одежда. Чрезвычайно важная роль в ритуале празднования отводится речи.

Если говорить о Рождестве и Новом годе, то данные праздники имеют высокий социальный статус, и внешние формы проявления празднования достаточно разнообразны. Сегодня Новый год и Рождество – это сложные социальные образования. К праздникам готовятся, они имеют бытовую сторону, идеологическую и нравственную составляющие, сопровождаются различными мероприятиями, в том числе и официального уровня.

Праздник как коммуникативная категория

Структура праздника как социальной категории, как было отмечено выше, в значительной степени влияет на формирование структуры категории праздника как коммуникативной категории. Рождество и Новый год всегда предстают как статусные речевые (коммуникативные) события в речевой практике общества, и в том числе в речевой практике СМИ.

Рассмотрим состав участников праздника как коммуникативного события, заметив, что различные участники имеют различный коммуникативный статус.

Если говорить о таком коммуникативном событии, как Новый год, то самым высоким коммуникативным статусом обладают представители власти. Среди них наиболее высокий коммуникативный статус имеет президент РФ, который обычно выступает с новогодним поздравлением, предназначенным для всех жителей страны. Если говорить о таком коммуникативном событии, как Рождество, то самый высокий коммуникативный статус имеет Патриарх как лицо, стоящее во главе Русской православной церкви.

На местном, региональном, уровнях наиболее высокий коммуникативный статус при праздновании Нового года имеют губернаторы, возглавляющие области, и мэры, стоящие во главе муниципальных

образований. Они также выступают со своими официальными поздравлениями. При праздновании Рождества практически равный им коммуникативный статус имеет ряд церковных иерархов, занимающих более низкие ступени в церковной иерархии, чем Патриарх.

Достаточно высоким коммуникативным статусом обладают министры, заместители министров, депутаты Городской думы. Однако их коммуникативная активность направлена внутрь отдельных коммуникативных групп и сообществ (так, например, министры, как правило, поздравляют сотрудников своего министерства).

Высокий коммуникативный статус, но ниже, чем у указанных выше лиц, имеют руководители, президенты и директора различных организаций (например, руководитель информационно-аналитического центра Московской федерации профсоюзов, президент Российского союза туристов, руководитель Центра социальной политики Института экономики РАН и т.п.).

Особый коммуникативный статус имеют СМИ.

С одной стороны, средства массовой информации можно рассматривать как коммуникативную среду, в которой представлены все участники коммуникативного события - как с высоким, так и с низким коммуникативным статусом. С другой стороны, СМИ сами являются участниками коммуникативного события в лице главных редакторов и владельцев изданий, теле- и радиокompаний, теле- и радиоканалов, отдельных журналистов. Сюда же следует причислить заместителей редакторов, редакторов отделов, выпускающих редакторов, фотокорреспондентов, комментаторов и представителей множества других профессий коммуникаторов.

Рядом с журналистами по значимости речевого статуса можно поставить учёных и писателей. Параллельно с ними в аспекте коммуникативной деятельности можно рассматривать спортсменов и представителей шоу-бизнеса.

В коммуникативной иерархии находят своё место представители той сферы услуг, деятельность которой связана с празднованием Нового года и Рождества: продавцы, официанты, организаторы мероприятий, дизайнеры.

И, наконец, большое количество речевого материала при праздновании Нового года и Рождества порождается обычными гражданами, хотя их коммуникативный статус нельзя назвать высоким.

Рассмотрим, какие речевые действия предпринимают на страницах СМИ участники-коммуниканты речевого события «Новогодние и Рождественские праздники». Отметим, что с одинаковыми речевыми действиями могут выступать представители различных групп коммуникантов.

Пространство нашего сплошного анализа ограничено совокупностью текстов таких изданий, как газеты «Известия», «Коммерсант», мурманская епархиальное издание «Спас», журналы «Фома», «Русский дом», «Славянка», «Наука и религия», «Итоги». Однако в случае необходимости мы обращались с целью иллюстрации того или иного коммуникативного явления и к другим типам изданий. Временные границы рассматриваемого нами события определяются тем периодом, когда на страницах СМИ уделяется внимание Новому году и Рождественским праздникам (ноябрь – февраль).

Праздничное коммуникативное событие не было бы отражено в полной мере без поздравительных речевых форм. Поздравление как речевое действие имеет самый высокий коммуникативный статус. Все издания публикуют

поздравление президента. Региональные издания могут опубликовать поздравления местных властей.

В религиозных изданиях публикуются поздравления священнослужителей. В данной категории поздравлений есть свои отличительные особенности. Во-первых, обильно представлено цитирование текста Евангелия, во-вторых, часто используются **обращения** к согражданам, в-третьих, в завершение каждого поздравления священнослужитель обязательно делает указание на свой официальный церковный статус.

Обращение: «Дорогие отцы, братья и сёстры! Возлюбленная о Господе паства моя!» После обращения следует описание праздничной ситуации: «К нам снова пришли дни, когда невидимый Бог становится видимым в младенце Иисусе Христе... Бессмертный в Своём человечестве Христос чудесным образом оказывается среди нас, войдя в наш мир, погрязший во грехе, чтобы грех в нём победить. Бог стал человеком...» Далее автор поздравления прибегает к цитированию Евангелия. И заканчивается поздравительный текст собственно поздравлением с включением ещё одного обращения: «С Рождеством Христовым вас, дорогие отцы, братья и сёстры!» И заключает текст ещё один обязательный элемент – указание официального статуса иерарха: «Архиепископ Мурманский и Мончегорский Симон».

По такому же типу построено поздравление иеромонаха Антония (Хржановского). Отметим, что указание на официальный статус иеромонаха в конце поздравления сопровождается, согласно общепринятому речевому этикету, заключительным комплиментом:

«Дорогие жители Североморска, братья и сестры! Сердечно хочу поздравить Вас с великим праздником Рождества Христова! Более двух тысяч лет прошло с той святой ночи, когда земля впервые огласилась ангельским песнопением: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!». Тогда в наш, погруженный во мрак греховности мир пришел Спаситель... Пусть кроткий младенческий взгляд Христов из убогих яслей пробудит в наших сердцах любовь, растопит лед наших душ, сделает нас добрее, чище. В праздник Рождества молитвенно желаю вам мира, доброго здоровья, милосердия, веры и верности, любви и счастья в ваших семьях!

С любовью о Христе родившемся, настоятель храма св. архистратига Михаила пос. Росляково иеромонах Антоний (Хржановский)».

Поздравление официального лица может понижать свой статус, если оно включается в качестве составной части в текст с другой коммуникативной целью. Так, например, поздравление может быть включено в структуру беседы, которая в целом может касаться самых различных тематических направлений. Корреспондент Ольга Кирильченко берёт интервью у первого заместителя главного редактора журнала «Фома» Владимира Гурболикова. На последний вопрос этой беседы: «Чем этот номер принципиально отличается от всех предыдущих?» – Владимир Гурболиков отвечает:

«К сожалению ли или к счастью — он отличается мало. По интонации более тихий, спокойный номер. Ну, думаю, это к праздникам, к тому, что нам надо всем отдохнуть, утешиться, подготовиться к Рождеству Христову — к одной из главных двух ночей каждого нашего года. Такой тихий, лиричный номер журнала — надеюсь, что он будет хорошим поздравлением с наступающим Праздником. С которым и я поздравляю всех. И зову дальше быть с нами».

Если поздравление теряет свой высокий коммуникативный статус, то оно может образовывать органичное единство с другими речевыми формами, и прежде всего с формой волеизъявления: «И зову дальше быть с нами».

В ходе таких коммуникативных событий, как Новый год и Рождество, поздравления очень часто являются составной частью интервью. Журналист беседует с патриархом Московским и всея Руси Алексием II. В тексте интервью поздравление также органично сочетается с пожеланием:

«Во-первых, я хотел бы сердечно поздравить всех читателей с наступающим праздником Рождества Христова и пожелать, чтобы радость праздника наполняла наше сердце, чтобы мы ощущали радость о пришедшем на землю Спасителе мира. В Рождественские дни мы поем песнопение «С нами Бог, разумеете языцы». Пусть разумеют языцы, что действительно с нами Бог! Если Господь с нами и мы с Богом, то не страшны никакие трудности, и радость праздника будет совершенной и великой для каждого из нас, для наших семей, близких и родных. Дай Бог, чтоб это так и было!»

Стандартная форма поздравления в светских изданиях выглядит несколько иначе. Непосредственно после фразы поздравления обычно идут пожелания. Эти элементы являются обязательными, хотя возможно наличие и других, факультативных элементов. Так, поздравление главного редактора газеты «Известия» Владимира Мамонтова кроме поздравления и пожелания, содержит выражение уверенности и надежды:

«Дорогие читатели «Известий»! Прежде всего хочу поздравить вас с Новым Годом и пожелать вам всего самого-самого хорошего, самого-самого светлого, успехов, счастья, здоровья. Ну а еще, как главный редактор "Известий", хочу пожелать, чтобы вы обязательно и в будущем году оставались с нами, оставались верными, преданными нашими читателями. В этом году читателей "Известий" и в бумажной версии и в интернет версии стало больше, чему мы очень рады. Надеемся, что наше общение, хорошее, информационное и дружеское продолжится и в 2008 и дальше много-много лет. Я уверен, что в новом году наш сайт станет еще более интерактивным и общение с вами будет еще более интересным и ярким. Заработала наша телевизионная студия, откуда я сегодня и общаюсь с вами. Хочу еще раз пожелать вам всего самого лучшего. Хоть общение у нас с вами и виртуальное, зато дружба у нас самая настоящая. Всего доброго!»

Заметим, что если в светской прессе публикуются поздравления представителей духовной власти, то в церковных изданиях поздравления представителей светской власти, как правило, не публикуют.

Особенностью Рождества как коммуникативного события является публикация рождественских проповедей в религиозных изданиях, выпускающихся в праздничный период. Например, на страницах журнала «Русский дом» напечатана проповедь протоиерея Александра Шаргунова:

«Как хорошо, что Церковь напоминает нам об этом накануне Рождества Христова! Он плоть от нашей плоти, Он от нас, Он берёт на Себя грехи Своих предков и наши грехи. Со слезами любви и благодарности приблизимся к источнику нашей радости. Будем читать и перечитывать в Библии историю мужей и жён, описанных в этой книге, и находить в них свою жизнь», «В Неделю по Рождестве Христовом Церковь вспоминает святого Давида царя, святого праведного Иосифа Обручника и апостола Иакова, брата Господня по плоти, – самых близких ко Христу после Божией Матери по человеческому

естеству людей. Чтобы напомнить нам, что все мы – всё человечество – призваны стать единокровным своему Спасителю, составить с Ним одно Святое Семейство».

На страницах массовых изданий поздравления или какие-либо другие речевые действия, которые исходят от лиц, возглавляющих те или иные корпоративные сообщества, встречаются достаточно редко. Этот коммуникативный слой представлен в корпоративной словесности. Зато в массовых общественно-политических изданиях широко представлены лица, имеющие невысокий коммуникативный статус.

В Новогодние и Рождественские праздники широко представлены материалы, в которых люди делятся своими планами на празднование Нового года и Рождества. Журналисты газеты «Известия» спросили депутатов Мосгордумы, каковы их планы: «Отдыхать, отдыхать и ещё раз отдыхать»; провести Новый год «с женой, сыном и любимым псом»; «провести Новогодние праздники дома, никуда не уезжать»; «закончить дома ремонт».

В разработке праздника как коммуникативного события значительную роль играет комментарий участников-коммуникантов. В материале газеты «Известия» о праздновании Нового года около памятника Юрию Долгорукому даёт комментарий, включающий в себя элементы информационного сообщения, представитель пресс-службы комитета рекламы:

«Пока мы не можем разгласить точное описание наряда Деда Мороза, в который будет одет памятник, но шуба и шапка на нем точно будут. А рядом с памятником 20 декабря открывается каток с детским городком, который будет работать до 15 января».

С профессиональными комментариями в печати часто выступают представители различных ведомств, которые имеют прямое отношение к проведению праздника. Первый заместитель министра внутренних дел России Александр Чекалин:

«Незаконной пиротехники стало значительно меньше. В ходе прошлогодней операции сумма изъятых изделий превысила 250 миллионов рублей».

Президент Российского союза туристов Сергей Шпилько:

«Минувший новогодний период, а также лето были беспрецедентными по количеству задержек рейсов. И хотя осенью были приняты правила Минтранса, ужесточающие ответственность авиакомпаний за несвоевременный вылет, полностью это проблему не решит».

Неотъемлемым компонентом праздника как коммуникативного события являются большие информационные материалы, посвящённые истории новогодних традиций. В «Известиях» интересной информацией делится доктор филологических наук Елена Душечкина:

«Вообще-то я специалист по истории литературы, но когда писала диссертацию о русском святочном рассказе, собралось множество материалов о приключениях елки в России. Так и возникла книга "Русская елка". Начнем с Петра Великого. Он действительно повелел украшать города елями. Причем устанавливать их следовало не внутри помещения, а снаружи. И делалось это не на Рождество, а в честь наступления Нового года... Но после смерти царя-реформатора указ соблюдали лишь питейные заведения: по елке на крыше или на колу опознавались кабаки».

В той же публикации представитель отдела внешних церковных связей Московского патриархата священник Михаил Прокопенко дополняет рассказ Елены:

«Никаких канонических правил в отношении елок нет, это просто народный обычай. Но замечу, что елка в советское время стала средством проповеди среди мира, который заставлял забыть о Христе».

Там же пресс-секретарь Московской патриархии священник Владимир Вигилянский рассказывает о своих семейных традициях:

«У меня трое детей и шестеро внуков. В нашей семье такой игры – "что ты хочешь от Деда Мороза?" – никогда не было. Подарки клали под елку, как правило, ночью. А сейчас внукам просто дарим – от бабушки и дедушки».

Коммуникативная ситуация праздника в значительной степени формируется благодаря воспоминаниям участников коммуникативного события. Москвичка Анна Вострякова:

«Объявление о вызове на дом Деда Мороза со Снегурочкой мы прочли в газете "Из рук в руки". Мы позвонили. Нам ответили, что вызов на вечер 31 декабря с тридцатиминутной программой и подарком, в котором чуть ли не три килограмма конфет, стоит 5000 рублей. Нас еще удивила такая сравнительно малая цена. Они объяснили, что работают напрямую с конфетной фабрикой».

Владимир Демченко, редактор отдела новостей, однажды ждал Деда Мороза с автоматом наперевес:

«В тот Новый год я решил ждать Деда Мороза до конца. Мне было пять, и рассказы о таинственном бородаче, способном проникать сквозь стены, сильно меня интриговали. Мой отец, выслушав меня, пожал плечами и улыбнулся. Надев зеленую пластмассовую солдатскую каску и зеленый плащ, взяв пластмассовый автомат, я заступил на пост у елки в коридоре маленькой однокомнатной квартиры в Тушине. Конечно, я не собирался в него стрелять даже понарошку. Но на такой судьбоносной встрече надо быть во всеоружии, а это был мой любимый наряд».

Одна из самых популярных речевых форм, включённых в речевую структуру коммуникативного события – рекомендация. Аудитория нуждается в советах, касающихся встречи Нового года и Рождества. Дизайнер Оксана Ярмольник даёт рекомендации на страницах «Известий»:

«Год жёлтой мыши – это не повод напялить на себя жёлтое платье. Если вы планируете отмечать Новый год на даче, где хочется и на улицу выйти, и в снежки поиграть, я бы посоветовала надеть удобную и уютную одежду: джинсы, какой-нибудь яркий свитер. Если встречаете праздник дома, то тоже нужно одеться соответственно обстановке. Хозяйка в вечернем платье с оголенной спиной и в фартуке будет смотреться глупо. И только на выход стоит облачиться во что-то торжественное и нарядное».

Широко распространены различного рода советы. Архитектор и мастер икебаны Татьяна Ильина:

«Если хочется чем-то обвить елку, можно самим сделать гирлянду, – предлагает – Взять длинную ленту и нанизать ее разными вещичками, какие фантазия подкинет. Можно даже натуральными помидорчиками, перчиками или конфетами. Переборщить с украшениями в этом году даже нужно. В моде – максимально увешанные елки».

Известная спортсменка Светлана Хоркина:

«Мышка – это для девочек! Для сына больше подойдёт костюм генерала или Короля-льва».

Своими советами делятся и обычные граждане. Москвич Леонид Анатольевич Кулагин иноземщины не приемлет:

«Не нравятся мне Зорро и шерифы. У нас своих героев хватает. Буду мальцу патриотический дух прививать. Выбирайте для своих детей костюмы русских народных героев. Я для своего внука выбрал костюм Иванушки».

Продавцы продовольственных товаров:

«Запасайтесь конфетами, шампанским, майонезом и яйцами – на салаты, мясом и рыбой».

Итак, анализ показывает, что в речевой практике СМИ праздник как явление социальное предстает в виде коммуникативного события. В структуре этого коммуникативного события находит достаточно полное отражение социальная структура праздника. Здесь представлены практически все участники события во всём разнообразии речевых действий, которые формируют праздник. Сами СМИ являются не только участником коммуникативного события, но и той коммуникативной средой, в которой это коммуникативное событие развивается. Праздник как коммуникативное событие не только включает в себя речевое представительство всех социальных групп, но и имеет национальную и религиозную специфику с включением исторического аспекта.

Объём данного исследования ограничен в основном вербальными текстами, однако следует иметь в виду, что в организации праздника как коммуникативного события большую роль играет поликодовые коммуникации, в ходе которых формируются поликодовые (креолизованные) тексты, смысл которых формируется совместно несколькими семиотическими системами. Эти тексты достаточно разнородны: театральные представления, спектакли, концерты, телепередачи, различного рода рекламная плоскостная продукция (постеры, растяжки, лифлеты, буклеты, и т.п.). Однако анализ данного материала требует отдельного исследования, проводимого по другой методике.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. 1999. Язык и мир человека. М., Языки русской культуры, 896.
2. Борисова И.Н. 2001. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 408.
3. Яковлев В.П. 1980. Социальное время. Ростов-н/Д., Изд-во РГУ, 160.
4. Sorokin P., Merton R.K. Social Time: A Methodological and Functional Analysis // American Journal of Sociology. 1937. V.42. №5. P.615-629.

УДК 070:316.7

ФАШИСТСКИЕ ВОЖДИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА FASCIST LEADERS IN ILYA EHRENBURG' S PUBLICISM

В.Ю. Меринов, Д.В. Световой
V.Y. Merinov, D.V. Svetovoy

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье проводится исследование типологических черт образов фашистских вождей в творчестве талантливого советского публициста Ильи Эренбурга.

Abstract. The article is a research of typological features of the fascist leaders in the literary works of the Soviet publicist Ehrenburg.

Ключевые слова: Эренбург, публицистика, фашизм.
Keywords: Ehrenburg, publicism, fascism.

Можно с уверенностью сказать, что фашизм, его сущность, а также борьба с фашизмом является центральной темой публицистики Ильи Григорьевича Эренбурга. Собственно, антифашистские выступления видного советского писателя и публициста приходятся в основном на два исторических периода: первый – война в Испании (т.н. «Испанский цикл» очерков и статей), второй – Великая Отечественная война. Илья Григорьевич Эренбург был в числе очень немногих «выездных» граждан СССР. Он всматривался в феномен фашизма еще в Испании, а позже, к первой половине 1940-х гг., Эренбург станет наиболее квалифицированным в этой области советским журналистом. В Великую Отечественную войну И. Эренбург, один из авторитетнейших советских писателей и журналистов, стал в строй вместе с А. Толстым, Л. Леоновым, М. Шолоховым, К. Симоновым, А. Фадеевым, Вс. Вишневским, Н. Тихоновым, А. Серафимовичем, Ф. Гладковым, В. Гроссманом, Б. Горбатовым, Л. Соболевым, Б. Полевым и другими советскими писателями на защиту Отечества от коричневой чумы.

Исследования его творчества, предпринимаемые учеными в разное время, демонстрируют серьезный научный уровень и весьма содержательны. Это обстоятельный разговор о специфике творческой манеры писателя и публициста: жанровых особенностях, высокой эмоциональности и достоверности, патриотичности и историчности, яркости и выразительности его стиля [См.: 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 13]. Эренбург – публицист со своим неповторимым голосом. Так, редактор «Красной звезды» Д. Ортенберг пишет: «... по накалу чувств, тонкой иронии и беспощадному сарказму ... безошибочно угадывалось авторство его статей» [6, 54]. Однако, мы не можем не заметить, что исследования советского периода имели определенный элемент апологии автора и его произведений. Этому способствовала, конечно, и вечно живая тема

– борьба с фашизмом. Следует иметь в виду и то, что исследования этой темы ограничивались существующими на тот момент представлениями, как о сути и историческом предназначении советской публицистики, так и, собственно, пониманием фашизма как политического и культурного феномена.

Другой тип исследования предложен в последние годы. В рамках этого подхода в публицистике Ильи Эренбурга и авторов этого времени, как правило, рассматриваются формально-пропагандистские приемы. К примеру, демонизация, карнавализация, прямое окарикатуривание образа врага, вплоть до возможных случаев искажения отдельных фактов [См.: 1; 2; 14]. В данной интерпретации творчество Эренбурга и других авторов предстает всего лишь как элемент, маленький винтик в огромной советской пропагандистской машине, задачей которой была развенчание образа «культурной нации», фашистской идеологии, обличение зверств нацистов. Думается, это также крайность. Чтобы писать, так, как это делал Илья Эренбург, нужна была настоящее живое чувство, неподдельная искренность, горячее сочувствие к жертвам немецких палачей, полная убежденность в своей правоте. Поэтому, при всех прочих, как нам кажется, стоит говорить о творчестве Ильи Эренбурга, не только в свете пропагандистских задач, поставленных государством перед советскими деятелями культуры, но и о специфике авторского понимания исторической ситуации. Думается, в настоящий сложный и противоречивый исторический период требуется более глубоко всмотреться в довольно неожиданно ставшее актуальным творчество Ильи Григорьевича Эренбурга периода Великой Отечественной войны.

Из каких элементов складывается обобщенный образ фашиста в работах Ильи Эренбурга? Чтобы у читателя очерков сложилось полное представление о фашизме и его представителях, Эренбург выстраивает несколько типологических рядов персонажей, с доминирующими характерными (показательными, репрезентативными) для фашиста чертами. Мы выявили два основных ряда. Первый ряд – фашистские вожди. Второй ряд – исполнители «великих» предписаний вождей: от армейского генерала, до рядового (пожилого и молодого) и их семей, от нового помещика захваченных земель, до школьного учителя. Первый и второй ряды, по сути, охватывают все население Германии, ответственное, по мнению автора, за государственный разбой.

Вожди, по мнению Эренбурга – центральная категория мира фашизма. Это вожди III Рейха: Гитлер, Геббельс, Геринг, Гиммлер, Розенберг, Риббентроп, Гесс и другие. В этот же ряд входят и вожди других фашистских держав: Муссолини (Италия), Франко (Испания), Маннергейм (Финляндия). Они есть средоточие и источник зла. Зло поражает их целиком, их плоть и дух, делая их патологически больными и опасными для общества и мирового сообщества в целом.

1) физические недостатки

Зло поражает их тело. Эренбург описывает их как людей некрасивых, с явными физическими недостатками, физических уродов, дегенератов: Так, Гитлер «Человек среднего роста, с усиками, с мутными глазами, никогда не глядящими на собеседника...» (См.: 1). Гиммлер «... тщедушный и отвратительный...» (См.: 1), у него «... маленькие глаза» (См.: 5) Доктор Геббельс «... с виду похож на отвратительную обезьяну: крохотного роста, гримасничает, кривляется» (См. 1), он «... карликового роста ... Этот

колченогий выродок с заячьей губой» (См.: 4). Муссолини - толст «... этот тучный, надменный комедиант плетется позади Гитлера» (См.: 10), он «... низкого роста» (См.: 10).

Их несовершенство трагикомично на фоне расовых учений и высоких физиологических требований к носителю арийской расы (форма черепа): «Казалось бы, что сам Гитлер должен являться образцом «благородной германской расы». Виднейший антрополог Германии профессор Макс фон Груббер так отзывался о внешности Гитлера: «Низкий покатый лоб, некрасивый нос, широкие скулы, маленькие глаза» (См.: 1).

2) психическая патология

Вожди несут на себе печать психических болезней. Вождь шизоидный тип, истерик, юродивый. Когда Гитлер говорит «... он истерически, потрясает кулаками, входя в раж, выплевывает скороговоркой длинные заклинания... Гитлер производит впечатление буйно помешанного (См.: 1). Выражение лица Гитлера «... выдает человека, плохо владеющего собой, одержимого... Озлобленные разгромом, инфляцией бюргеры упивались криками юродивого. Теперь Гитлер разыгрывает исступленного, он пытается подогреть толпу. Однако та душевная неуравновешенность, которая была ему присуща с ранних лет, вдруг путает все его расчеты — рейхсканцлер начинает вопить, как кликуша... .. людоед осунулся, возбужден, страдает бессонницей. Он мечется по своему дворцу» (См.: 5).

Маленький рост причина психических отклонений - комплекса Бонапарта: «Манию величия он сделал общеобязательным заболеванием (См.: 5). ... Гитлер хотел быть Наполеоном (См.: 6). ... Муссолини обожает помпезность. Свои речи он произносит только с балкона. Он сравнивает себя с Юлием Цезарем» (См.: 10). Карликового роста Геббельс страдает гигантизмом и «... любит все «колоссальное» — огромные кабинеты, грандиозные диваны, картины во всю стену» (См.: 4).

3) нравственная патология

В образе фашиста центральными являются нравственные определения. Фашист, прежде всего, аморальный, нравственно неполноценный тип. И вокруг этой доминанты «работают» и все другие характеристики, в том числе и физические и психологические.

3.1. Вожди — патологические лгуны, ханжи, наглые беспринципные обманщики и шулера, провокаторы и шантажисты, шуты

«Его (Гитлера — М.В.) страсть — ложь. Он лжет ежечасно, лжет дипломатам и своим сподручным, лжет, когда пишет и когда говорит, — он не может не лгать» (См.: 1). Гитлер лжет на всех уровнях коммуникации, на государственном, общественном: «Он жал руки французским министрам и вслед за этим говорил: «Франция — вот мой смертельный враг!». Он кричал на митинге: «Для меня священны идеалы немецкого рабочего» и тотчас шептал Штрассеру: «Рабочие не хотят ничего, кроме хлеба и зрелищ, — у этих людей нет идеалов». Хлеба рабочим он не дал: перевел всех на паечную восьмушку... Это шаман, но шаман особого типа — хитрый и расчетливый. Толпе кажется, что он в экстазе, но он, брызгая слюной, что-то прикидывает...» (См.: 1).

Ложь, хитрость - инструментарий насилия и шантажа, агрессивной внешней политики: «Вот главные представители той шайки, которая

правит Германией и которая теперь, с помощью шантажа, хитрости и наглости, захватила десяток чужих государств» (См.: 1). Приемы Гитлера напоминают поведение карточного шулера: «... как азартный игрок, потерял голову, он сейчас все поставил на карту (См.: 6). Гитлер хотел блефовать, шантажировать, воевать не воюя, отбирать страны угрозами... Гитлер хотел сломить наше сопротивление если не бомбами, то речами, хитростью, провокацией... (См.: 5). Гитлер кончает послание лепетом ханжи...» (См.: 3).

Другие вожди также страдают этой болезнью искажения реальности. Так Геббельс, которого «вдохновила» война против Советского Союза «... день и ночь врет — на конвейере (См.: 4). Фашистские вожди напоминают цирковых коверных, персонажей площадного искусства: «Шут (Геббельс - М.В) даже из смерти делает балаган. Москва стала для немцев Верденом этой войны. ...Шут Геббельс шлет этим живым мертвецам патефоны (См.: 8) ...этот тучный, надменный комедиант (Муссолини — М.В.) плетется позади Гитлера...» (См.: 10).

Красноречивы сами названия очерков: «Спесивые хвастуны из гитлеровской банды», «Ложь».

3.2. Аморальное поведение в бытовой и семейной сферах

В силу своей нравственной ущербности, вожди не могут быть хорошими родителями, так еще «До прихода к власти Гитлера берлинский суд отобрал у Геринга ребенка, ввиду того, что отец был признан морфинистом и невменяемым. Честные немецкие судьи не хотели доверить этому спесивому убийце одного ребенка» (См.: 1). Муссолини «Отменный семьянин уважает институт проституции. Отправив своих солдат в Африку, он озаботился организацией моторизованных домов терпимости. Его журналист Турацци сообщил публике, как дуче готовится к победе: «Мы предпочитаем арабов и негритянок — они куда выносливее белых...» (См.: 10).

3.3. Жестокость

Вождей от нормальных людей отличает патологическая злобность, жестокость (садизм, удовольствие от страданий жертв). «Он (Гитлер — М.В.) мстителен и злобен. Он убил своих лучших друзей во главе с Ремом» (См.: 1). Другой вождь - Геринг «... приказал пытать журналистов, которые когда-то непочтительно о нем отзывались... Он кровожаден, как его хозяин. Он публично заявил: «Мое дело не наводить справедливость, а уничтожать людей». Он любит парадные казни. Он обдумал ритуал: палач должен быть в черном сюртуке, в черных перчатках, в цилиндре. Палач отрубает голову топором — как в средние века. А Геринг смотрит и улыбается...» (См.: 1).

Еще один вождь - Генрих Гиммлер, сделал пытки своей профессией, и распространил их по всей Европе. Он «... не интересуется философией; это практик — он стоит во главе тайной полиции гестапо. Его занимают слежка, концлагеря, пытки и казни. В самой Германии он посадил под замок миллион антифашистов. Потом он приступил к другим странам. Он организовал гестапо в Париже, в Осло, в Белграде. Он стал пытать людей в европейском масштабе. Это садист в очках, тщедушный и отвратительный. Он был «чрезвычайным комиссаром» в Польше: убивал поляков, пытал польских патриотов, жег деревни, порол стариков, выдавал солдатчине девушек. Он гордо сказал: «Крамола и я несовместимы» — эти палачи любят исторические фразы (См.: 1). Это человек исключительной

жестокости. Он заявил: «Нужно повесить на каждом фонаре человека, чтобы навести порядок». Он обожает пытки. Ему доносят о новых казнях, о новых убийствах. Тогда его маленькие глаза загораются» (См.: 5).

Особую ненависть, по мнению Эренбурга, фашистские вожди питают к русским. Гитлер «... ненавидит все народы мира: ему необходимо мучить и уничтожать. Он сказал своему приятелю Раушнигу: «Если бы евреев не было, их нужно было бы выдумать — только жестокость приближает человека к движению». Он написал о французах: «Это негры, их следует обуздать». Гитлер мстит чехам: его мачеха была чешкой. Он сказал: «Это славянские свиньи». Особенно ненавидит он русских. Этот самодовольный кретин назвал Льва Толстого «ублюдком» (См.: 5). «В своем главном романе Геббельс поносил русских. Породистый немец Михель говорит русскому с несколько вычурной фамилией Венуревский: «Вас надо покорить, истребить!..» (См.: 1).

3.4. Трусость

Еще одна отличительная черта фашистского вождя – трусость. Вожди без необходимости прячутся в бомбоубежищах: «Вряд ли доктор Геббельс теперь отправился «истреблять» русских: это отъявленный трус, который, даже когда нет тревоги, забирается в бомбоубежище (См.: 1).

Они подлые убийцы своих политических оппонентов: «Особенно прославился Муссолини в те времена подлым убийством социалистического депутата Маттеоти. Будучи трусливым, Муссолини поспешил заявить: «Я неповинен в этом преступлении», — он боялся гнева народа... Итальянский народ его ненавидит. Он это знает, он ищет охраны на стороне (См.: 10).

Их армия - армия жалких трусов. Так фашистская армия Муссолини, по мнению Эренбурга, «самая пленоспособная»: «Муссолини создал фашистскую армию. Эта армия отличается от других армий тем, что немедленно сдается в плен. Если угодно, это самая пленоспособная армия мира...» (См.: 10).

Задача вождя выдать позор или поражение за величайшую победу: «Когда итальянцев били греки, Муссолини говорил: «Весь мир видит мощь Италии». Когда итальянцы неслись по Ливии, убегая от англичан, Муссолини твердил: «Мы — победители на двух материках»... Он объявил войну Франции ровно за четыре дня до падения Парижа — этот воинственный мужчина труслив, как мелкий хищник. Убедившись, что французской армии больше нет, он вышел на балкон и крикнул: «Вперед, наследники древнего Рима! Пробил исторический час». Но крохотные французские отряды отбили все атаки непобедимой фашистской армии. Это не помешало «дуче» сказать: «Нами одержана еще одна невиданная победа»... Он гложет кость и трусливо поглядывает на море — ему мерещатся английские корабли... Он трусливо поглядывает и в окно: он боится гнева итальянского народа» (См.: 10).

4) Болезненное отрицание современной культуры. Воля к Средневековью

Гитлер и его главный подручник по вопросам культуры (Геббельс), одержимы идеей строительства «нового порядка». Однако вместо «нового», невиданного прежде мира, получается очень знакомый, старый мир, мир варварства, мракобесия и черносотенства. Этот новый порядок означает

отрицание самих основ современной западной цивилизации: Просвещения, критической мысли (Гейне, Вольтер), социальной справедливости (Ж.-Ж. Руссо): «Гитлер поручил доктору Геббельсу высококультурное дело — народное просвещение. Выбор был сделан не случайно — ведь Геббельс заявил: «Когда при мне заговаривают об интеллекте, мне хочется выхватить револьвер».

Жертвами варваров становятся книги и их авторы: «Приступив к работе, Геббельс сжег на кострах двадцать миллионов книг — он мстил читателям, которые предпочитали какого-то Гейне Геббельсу. Он говорил: «Меня тошнит от печатного слова». Это не вполне точно — свои печатные и непечатные слова он обожает. Он выгнал из Германии всех писателей» (См.: 1). Геринг «... выдал немцам немало зрелищ. Они увидели костры, на которых пылали книги» (См.: 5).

Мировую культуру они пытаются подменить собственными подделками: «Зато, когда гитлеровцы вошли в Париж, в газете на французском языке, которую они начали издавать, было напечатано: «Величайшим благом для французской культуры будет ознакомление с трудами Геббельса»... У шайки есть свой философ — балтийский немец дворянин Альфред Розенберг. Он закончил образование в Москве в 1918 году. Да, в голодный год этот остзейский проходимец ел русский хлеб. Потом он набил себе руку на поношении русского народа. Он писал: «Обуздаем народ, отравленный Толстыми!» .... Он написал большой философский опус «Миф двадцатого века» — компиляцию из брошюр русских черносотенцев. Он приютил банды белогвардейцев — он мечтает стать Бироном или Минихом» (См.: 1).

Фашистские вожди дают приказ на тотальное уничтожение памятников европейского искусства, архитектуры, скульптуры, живописи. Не гнушаются и личным участием в варварских акциях: «В 1937 году в Мюнхене посетители «Выставки немецкой живописи» могли полюбоваться редкостным зрелищем — рейхсканцлер Германии (Геринг — М.В.) собственноручно рвал и резал картины, которые не пришлись ему по вкусу... Он разрушил Европу, однако он мечтал прежде стать архитектором. По его указанию фашистские летчики разрушили сотни замечательных памятников мирового зодчества» (См. 5). Телеграмма из Парижа сообщает: «Германские оккупационные власти решили снести памятники Вольтеру и Жан-Жаку Руссо. Металл будет использован для нужд военного ведомства»... У немчуры хозяйственный глаз и длинные руки. Кастрюля? Тащи кастрюлю! Дверная ручка? Живо отвинчивай! Памятник? Давай памятник!... Вольтер стоял на набережной Сены. Он глядел на букинистов, на старые, очень старые книги. Он глядел также на веселых парижских детей. Это была замечательная статуя, и это была душа Франции: ее благородная ирония, ее разум, ее любовь к свету. Теперь по набережной Сены бродят тупые ефрейторы. Их раздражала улыбка старого француза — бронзовая, но живая» (См.: 2).

5) Вождам присущи инфернальные и зооморфные черты.

Гитлер — людоед, царь загробного мира, в могилу которого нужно загнать осиновый кол: Еще стояли разрушенные ныне города; еще смеялись, танцевали, учились мертвые ныне юноши. А Прозерпину выдали царю преисподней. (См.: 9) Вряд ли на его могилу положат хотя бы камень. Осиновый кол — вот ему памятник!» (См.: 5).

Гитлер не человек, он зверь, бешенный волк: «Говоря о Гитлере и о гитлеровцах, будущий историк должен будет заглянуть в учебник зоологии, — это звери. ... С ними незачем спорить, их надо уничтожить, как свору бешеных волков. Они вышли из своего леса, кинулись на наши города. Волков надо истребить... серб, деревню которого сожгли немцы, с ненавистью говорит: «Пес Гитлер!..» (См.: 1) выродок с заячьей губой (См.: 4) Муссолини — зверь меньшего калибра. Так Черчилль «... назвал Муссолини шакалом ...: он надеется на обеды. Согласно легенде Рим основали два брата, вскормленные волчицей. Римляне и теперь держат в клетке волчицу — это символ прошлой славы. Кто знает, не посадят ли в соседнюю клетку шакала — Муссолини, как символ прошлого позора?... этот воинственный мужчина труслив, как мелкий хищник» (См.: 10).

6) Вожди — жалкие неудачники, которых гложет тщеславие

Фашисты не просто ограниченные существа, они — бездари. Бесталанность привела их к ненависти к миру и людям. Так «Гитлер начал с картинок, Геббельс с романов. Увы, и ему не повезло. Его романы никто не покупал. Геббельс потом разъяснил: «Это были козни марксистов...» На совести этого неудачливого живописца миллионы человеческих жизней (См.: 1). В итоге, Гитлер не стал ни Наполеоном, ни Рафаэлем: «В молодости некто Адольф Гитлер увлекался живописью, он мечтал стать Рафаэлем. Он был бездарен; его забраковали. Возмущенный, он воскликнул: «Вы еще увидите, что я стану знаменитым!» Он оправдал свои слова: все картины разрушения Европы подписаны его окаянными именами» (См.: 5).

Печать бездарности наложена и на «великие» свершения современности. Тщась быть Наполеоном, он всего лишь ефрейтор, человек недалекий, неумный, ведущий страну к гибели, к тому же озверевший от собственных неудач: «...ефрейтор Гитлер уже успел сдать Калугу... (См.: 3). Гитлер хотел быть Наполеоном. Но кто он? Директор страшного бюро похоронных процессий, пьяный факельщик, обер-могильщик Германии. Кому роет могилу тирольский шпик? Еще миллиону немцев — под Москвой и под Ростовом, под Ленинградом и под Севастополем. Кому роет могилу этот бездарный маляр? Германии... Гитлер хотел нестись, как лань. Последние недели он идет, как черепаха. Надо надеяться, что вскоре он пойдет, как рак...» (См.: 6).

Муссолини комедиант, только играющий роль великого человека: «Убедившись, что французской армии больше нет, он вышел на балкон и крикнул: «Вперед, наследники древнего Рима! Пробил исторический час». Но крохотные французские отряды отбили все атаки непобедимой фашистской армии» (См.: 10).

Внешняя политика Гитлера — череда провалов. Его наглость и бестолковое поведение в международных отношениях приводит к противоположным его ожиданиям последствиям: «Гитлер, как азартный игрок, потерял голову, он сейчас все поставил на карту. 19 сентября 1939 года маршал Геринг заявил, что победа Германии обеспечена, так как благодаря уму Гитлера, ей не придется сражаться на двух фронтах. Теперь Германия благодаря «уму Гитлера» получила два фронта: восточный и западный... (См.: 8). Гитлер хотел сломить наше сопротивление если не бомбами, то речами, хитростью, провокацией. Он пробовал наускивать один народ на другой. Он

пробовал науськивать колхозников на рабочих. Он сплотил против себя весь советский народ» (См.: 6).

Гитлера игнорируют мировые лидеры, им брезгают даже англичане, наиболее отличающиеся в гитлеровской пропаганде как расово близкие: *«Гитлер хотел блефовать, шантажировать, воевать не воюя, отбирать страны угрозами. Он дорвался до войны... Он слал в Англию бомбардировщики, которые убивали английских детей. Потом он послал в Англию медоречивого Гесса. Гесс полетел налегке, без бомб, даже без зимнего пальто... Гитлер хотел договориться с Англией. Гитлер протягивал свою окровавленную руку. Внуки Пита — не наивные девушки. Рука Гитлера повисла в воздухе...» (См. 6).*

Подведем краткий итог. В публицистическом творчестве Ильи Григорьевича Эренбурга выстраиваются, по крайней мере, два ряда персонажей, имеющих набор общих типологических черт и дающих обобщенный образ фашиста. Первый ряд - фашистские вожди объединены прежде всего патологическими чертами. Им свойственны физические, психические, нравственные отклонения от нормального поведения и образа мыслей, принимаемых автором как человеческие. Взятые все вместе, фашистские лидеры представляют «шайку», «банду», «свору» - аномальную, девиантную криминальную группу с чертами звериного сообщества с крайне неудачной стратегией взаимоотношений с внешним миром, ведущей к войнам с соседними и дальними государствами, международной изоляции, как самих вождей, так и страны.

Список литературы:

1. Горяева Т. Убить немца [Электронный ресурс] // Родина. - 2002. - № 10. - С. 41-44
Режим доступа — <http://www.arcan7.ru/library/articles/3.html> // <http://www.ostfront.ru/Text/Killer.html>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
2. Волковский Н.Л. История информационных войн. Часть 2. - Издательство «Полигон», 2003. - 402 с.
3. Летописцы Победы: [Печать времен Великой Отеч. войны: Сборник / Авт.-сост. В.С. Бурков, В.А. Мякушков]. — М.: Политиздат, 1990. — 245 с.
4. Овсепян Р.П. Место большевистской печати в идейном разгроме буржуазного национализма // Учеб.-метод. пособие для студентов фак. и отд-ний журналистики гос. ун-тов / Р. П. Овсепян, М.А. Мехтиев; Науч.-метод. каб. по заоч. и веч. обучению МГУ им. М. В. Ломоносова. — М.: Изд-во МГУ, 1987. — 87 с.
5. Овсепян Р.П. В лабиринтах истории отечественной журналистики. Век XX. — М., 2001.
6. Ортенберг Д.И. Время не властно. Писатели на фронте. М.: Советский писатель., 1975. — 360 с.
7. Ортенберг Д.И. Год 1942: Рассказ-хроника / Д. Ортенберг; [Предисл. Л. Лазарева]. — М.: Политиздат, 1988. — 460 с.
8. Попов В.Л. Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества (в док., письмах, высказываниях и сообщ. прессы, свидетельствах современников). — СПб.: Изд. отдел Б-ки Рос. акад. наук, 2000. — 583 с.
9. Попов Н.П. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945 / Н.П. Попов, Н.А. Горохов. — М.: Воениздат, 1981. — 416 с.
10. Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет: / Составитель Ю.Н. Афанасьева; Предисл. И.К. Кузьмичева. — М.: Сов. Россия, 1985. — 478 с.
11. Рубашкин А.И. Илья Эренбург: Путь писателя.: - М.: Сов. писатель: Ленингр. отделение, 1990. — 528 с.
12. Рубинштейн Д. Верность сердцу и верность судьбе: Жизнь и время И. Эренбурга / Джошуа Рубинштейн; [Пер. с англ. М.А. Шерешевской] СПб.: Академ. проект, 2002. — 512 с.
13. Трифонова Т. Илья Эренбург. — М., 1952. — 343 с.

14. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг. [Электронный ресурс] / М., 1999. Режим доступа <http://psyfactor.org/lib/fateev4.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

Список использованных источников

1. Эренбург И.Г. Бешенные волки [Электронный ресурс] // Война. 1941–1945. / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским.— М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. — 796 с. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
2. Эренбург И.Г. Живые тени [Электронный ресурс] // Война. 1941–1945. / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским.— М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. — 796 с. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. Эренбург И.Г. Когда волк начинает блять [Электронный ресурс] // Война. 1941–1945. / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским.— М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. — 796 с. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
4. Эренбург И.Г. Ложь [Электронный ресурс] // Война. 1941–1945. / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским.— М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. — 796 с. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
5. Эренбург И.Г. Людоед [Электронный ресурс] // Война. 1941–1945. / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским.— М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. — 796 с. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
6. Эренбург И.Г. Обер-могильщик [Электронный ресурс] // Война. 1941–1945. / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским.— М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. — 796 с. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
7. Эренбург И.Г. Русская музыка [Электронный ресурс] // Война. 1941–1945. / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским.— М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. — 796 с. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
8. Эренбург И.Г. Спесивые хвастуны из гитлеровской банды [Электронный ресурс] // Война. 1941–1945. / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским.— М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. — 796 с. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
9. Эренбург И.Г. Судьба колосьев [Электронный ресурс] // Война. 1941–1945. / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским.— М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. — 796 с. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
10. Эренбург И.Г. Трусливый вояка Бенито Муссолини [Электронный ресурс] // Война. 1941–1945. / Изд. подг. Б. Я. Фрезинским.— М.: КРПА Олимп; Астрель; АСТ, 2004. — 796 с. Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/erenburg_ig3/index.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

УДК81'42

МЕДИЙНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ФОКУСЕ: О КОМ ПИШУТ ЖУРНАЛИСТЫ?

MEDIA FIGURES IN FOCUS: WHO DO THE JOURNALISTS WRITE ABOUT?

А.Г. Пастухов
A.G. Pastukhov

Орловский государственный институт искусств и культуры, Россия, 302020, г. Орёл, ул. Лескова, 15
Oryol State Institute of Arts and Culture, 15, Leskov St., Oryol, 302020, Russia

E-mail: alexander.pastukhov@yandex.ru

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы продвижения субъектов медийной коммуникации в центр общественного интереса. Детально освещены содержательные вопросы конструирования поля медийного дискурса, его сущностные характеристики. В свете теории персонализации медийные личности выступают как субъекты медиадискурса, к которым традиционно привлечено наибольшее публичное внимание. Политики, журналисты, деятели искусств, учёные выступают в видимой роли экспертов и характерно форматируют предметную и событийную составляющую коммуникации и медийный дискурс в целом.

Abstract. The paper deals with the problem of promoting subjects in media communication to bring them to the center of public interest. Substantive issues cover in detail the formation of media discourse and its essential characteristics. In the theory of personalization media persons act as media discourse entities that correlate with the main categories of media discourse attracting the most public attention. Politicians, journalists, artists, scientists etc. appear in the visible roles of experts which are largely determined by event or objective mechanisms of communication and media discourse in general.

Ключевые слова: медийный дискурс, журналистика, медиатекст, медийная личность, политизация медиа.

Keywords. media discourse, journalism, media text, media person, politicization of media.

Введение

Владимир Жириновский, Сергей Лавров, Владимир Соловьев, Максим Галкин или Александр Овечкин – эти имена объединяет нечто общее. И хотя мы не знакомы с этими людьми лично, они абсолютно узнаваемы и хорошо знакомы: из газет, ток-шоу, радиопередач. Мы видим и наблюдаем их, делаем выводы, даже не задумываясь, что имеем дело со сложными, подчас фиктивными персонажами, которые во многом сконструированы для нас медиа. Иногда у нас складывается впечатление, что они вводят нас в заблуждение, или устраивают спектакль. Не стоит удивляться, сожалеть или презирать их только лишь потому, что все они **медиаличности**.

Время от времени от самих знаменитостей можно слышать о нападках на них, о необходимости защитить их от назойливых журналистов. Но хотят ли они этого на самом деле? Данная публикация нацелена как раз на то, чтобы осветить основные законы медийного общества, которые в свою очередь позволяют бросить взгляд в это закулисное с позиций протагониста подобных идей и постараться дать ответ на вопрос о том, что делать знаменитостям с надоевшими медиа. Ведь то, что мы узнаем из медиа, формирует наше мировосприятие. Аналогично можно перенаправить вопрос: что медиа делать со знаменитостями, кто кого изображает и инсценирует и возможно ли

добиться аутентичности в изображении (портретировании) медиаперсон? Небезынтересно также узнать, кто является «жертвой», а кто «убийцей» и насколько достоверно в этом процессе медийное посредничество?

Чтобы ответить на все эти вопросы, уточним, из чего же складывается медийный дискурс XXI века? Если речь идёт исключительно о главном интересе медиа, связанном с «завоеванием» чувств и умов читателей в получении/передаче информации, то перспективы развития традиционных и новых электронных медиа, а также совершенствование качества передаваемой информации выглядит несколько пессимистично в свете стремления человека к рассредоточению информации в рамках невидимых границ современного коммуникативного пространства.

Как писал О.Л. Хаксли, «правда перед лицом экспоненциально растущих информационных предложений вполне может почить в пучине тривиальности. Но уход в тривиальность выгоден прежде всего в коммерческом отношении: тысячи умов генерируют сегодня идеи рекламных кампаний, от которых зависят доходы их акционеров, а вместе с ними и всей пишущей гильдии. Оборот печатных и электронных медиа (и их цифровых копий) во многом завит от котировок на бирже и курсов акций, что обеспечивает её участникам место на информационном рынке, в то время как обычный пользователь Сети или непрофессионал не испытывает коммерческого давления и может свободно высказываться на любые темы. В этом смысле качество информации выступает вполне заметным конкурентным преимуществом, ведь в конечном итоге главная цель создателя медийного ресурса – уровень его узнаваемости. Верно и обратное: всякая само-продажа теряет смысл, если отсутствуют финансовые возможности или нет времени на раскрутку проекта.

Возвратимся к исходной теме, т.е. к тому, какие усилия необходимо предпринять, чтобы задача повышения качества информационных ожиданий и реализация целей «рассеивания внимания» в своём сочетании обеспечивали бы понимание специфичности возникающих тут и там новых медиадискурсов. Чаще всего мы *выхватываем «обломки» событий со всего мира, т.к. в нашем распоряжении находится множество медиа, которые только лишь и годятся, чтобы по своей форме обмениваться отрывочными сообщениями* [15: 8]. Но всё это нисколько не мешает медиа *выполнять функцию распространения сообщений и всего того, что решающим образом влияет на общую культуру общения (...)* [15: 9].

Принятие и восприятие т.н. «правды» в журналистике, как известно, тесно связано с перспективами форм выражения. Правда представляется особенно необходимой в понимании реального контекста событий. Поэтому медиа как никогда ощущают потребность правдоподобия и вынуждены постоянно заниматься конструированием новых миров, в которых даже ненужная информация может быть представлена как правдоподобная, и/или как видимо приносящая пользу. Медиаресурсы обеспечивают нас ровно тем разнообразием мнений, которое оказывается недостаточным для глубокого анализа. Это лишь подтверждает мысль о том, что «романтический взгляд на аналоговые средства практически забирает весь ветер из парусов современных медиа» [15].

В этом смысле актуальными оказываются выводы, касающиеся изучения новых медиадискурсов, гипотетических прав на их продвижение, на их неконкурентное существование в изменяющемся глобализованном мире.

Насколько человек успешно «встроен» в процесс коммуникации, настолько в своём сознании он несёт отражение диффузии сюрреалистических рамок медийных предложений, в основе которых лежит теория анти-коммуникации, затрагивающая различные типы дискурса. Сочетание этой логической последовательности и «разноголосного» и противоречивого «ансамбля» выражает целую амальгаму интенций: от дадаизма и нигилизма до шизофрении или спектакля. Кроме того, опосредованный политический опыт, получаемый массовой аудиторией по каналам средств массовой информации и коммуникации, формирует у массовой аудитории иллюзию её участия в политических процессах и всей политической системе «виртуальной демократии» [2: 72].

Медийный дискурс

Привлечение дискурсивного подхода в исследование медиа требует осознания того факта, что «дискурс – есть особый модус описания языковой деятельности. Дискурс значим как единица операционального анализа, добавляющего детализацию в наши представления о коммуникативной практике» [10: 13]. Поэтому новые подходы изучения взаимодействий между «медиа» и «дискурсом» требуют обращения не только к их различиям (хотя последние показательны с самых разных точек зрения). В зависимости от того, как отношения «медиа» и «дискурса» отражают пред- vs. со-расположение обоих терминов, в некотором смысле перекрывающих друг друга, район их «конфликта» отражает одновременно «разрыв» между дискурсом и медиадискурсом. Ещё М. Фуко показал, что «литературный» и «медиаально ограниченный дискурс» не просто детерминированы «технической» средой их существования. В их соединении возможно получить новые «расширения» и дефиниции так, что медиа, реализующие себя в различных сферах, стилях, типах и жанрах текста, оказываются связанными носителями социальной проблематики, которая является хорошей возможностью для самонаблюдения со стороны индивида или общества.

Кажется, что «медиа» и «дискурс» могут существовать только в условиях продуктивной открытости, и в связи с этим самоанализ этих понятий *a priori* уже способствует пониманию их открытости. Любой охват явлений, фактов и событий общественной жизни – это не буквальное медийное отражение контroversы между «классами, нациями, государствами». В многочисленных дробных стилях коммуникативного поведения происходит существенное расширение диапазона сообщений о событиях и явлениях, происходящих в реальности. Но именно общественно релевантное звучание определяет формы общественного сознания, которые конкурируют с личными формами самовыражения. Для медиадискурса всё более характерным становится уход от открытой политической идеологии, что в своём функциональном начале предполагает более высокий градус интеллектуального и эмоционального наполнения [5: 51].

С учётом сложившегося положения дел в понимание роли и места медиа необходимо привнести новые акценты, на которые справедливо обращает внимание молодая исследовательница из Н. Новгорода Т.Е. Новикова. Она пишет, что произошло поворотное преобразование онтологического статуса СМИ в медиа, как посредника между человеком и объективной реальностью, предлагающих соответственно унифицированную, «усреднённую»

информацию, противоречащую целостному и адекватному восприятию социальной реальности» [4: 131]. Действительно, «с утратой структурообразующего значения информации в системе массмедиа, оно стало лишено актуальности в определении её как «массовой», т.к. получение информации о процессах и событиях объективной реальности из массового превратилось в индивидуализированное» [4: 132].

Несколько раньше аналогичные идеи высказал известный исследователь массмедиа Кр. Пундт. В одной из своих работ он показал другую сторону «специфичности» медиадискурса, которая может быть расценена как попытка, отражающая качественные различия между медиа и критическим дискурсом. Этот подход во многом определяет, как современные условия могут организовать дискурс, в котором оформляется реакция современных медиа. Кроме того, любой дискурс, и медиадискурс тому не исключение, обнаруживает *безусловный эвристический потенциал* в практике анализа связной речи / текстов [10: 11]. Логично предположить, что в анализе медийного дискурса может быть достигнут тот «программный подход», который соединяет «учредительную роль медиа с анализом общественной практики» [14: 12-13].

Внимание исследователей медиадискурсов, да и вся обоснованная претензия на изучение взаимозависимостей (между медиа и дискурсом) в рамках *'медиадискурса'* таким образом не просто представляет собой инструмент изучения медиапрактики, но и является способом т.н. проясняющего познания. В контексте постижения сущности речетворчества в медиа на авансцену выходит *«коммуникативно-прагматическая природа речемышлительной базы, реализующаяся в разного рода медиадискурсах»*. Отсюда, как пишет Н.Ф. Алефиренко, *медиадискурс – это речемышлительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами* [1: 31].

Для описания всего комплекса поведения и событийных дебатов, поданных сквозь призму *'дискурсивной памяти'* массмедиа, а также «коммуникации *in actu*, характер и специфика коммуникатов существенно предопределяют возможные выводы. В то же время анализ медиаречи в своей аргументативности предполагает некий водораздел относительно теоретических и методических позиций, что не всегда позволяет разглядеть собственно аргументацию по проблеме. Вследствие своей *знакообразующей базы и в силу многоплановой структуры в медиадискурсе на разных уровнях происходит когнитивная обработка информации, исходящей от всех участников коммуникативно-прагматической ситуации* [1: 31].

М.Р. Желтухина пишет, что параметры медиадискурса «наглядно демонстрируют возрастающую унификацию и догматизацию мышления большинства аудитории, когда воля ослабевает, а сознание стереотипизируется, автоматизируется, авторитаризируется, рутинизируется. Мощност и скорость распространения информационного потока, и конкуренция массмедиа на рынке коммуникации не позволяет человеческому мозгу своевременно провести необходимый анализ и синтез воспринимаемой информации, тем более отделить субъективное от относительно объективного, заказное от реально произошедшего и т.п. [3: 10].

Многоголосие виртуального мира и сама окружающая действительность оказывают неоднозначное влияние на окружающий дискурс. Проблема состоит ещё и в том, что не все участники коммуникации готовы открываться навстречу «чужому дискурсу», (вы)слушать чужое мнение или дать свободу самовыражения другим. Нет даже слабого намёка на то, чтобы в данной ситуации расширить радиус теоретической парадигмы и заглянуть «за» край собственного, нарисованного самими же ими дискурса. Поэтому в реальности задействованными оказываются только «приглашённые» и «доверенные», которые «как надо» сделают работу, не будут искать поводов для конфронтации и не подбросят жареных фактов или неудобных аргументов. Тем более, что никто даже и не хочет слышать о «динамических теориях медиа», категориях «Другого» и «Чужого», которые, как известно, раскрываются только в соприкосновении, контакте. Вместо того, чтобы искать динамику, большинство медиа всё ещё остаются в своём «старом» и «добром», которое при случае несложно слегка обновить и затем упаковать в новомодные одежды.

А что же медиадискурс? Нужно ли по этому поводу вообще отгораживаться оградой и создавать оборонительные рвы по отношению к своим внешним оппонентам, при этом оставаясь в окружении привычных и благородных («медийных») фамилий или закрытых виртуальных сообществ, где личный контакт ограничен, а традиционные связи затруднены и/или подменяются сиюминутными суррогатами общения. В добавление к этому, известные всем и достаточно рекуррентные единицы коммуникации, характеризующие наше постоянное нахождение «на связи», «до связи», «на телефонах» оказываются лишь рефлексией электронного рабства, одиночества и прочих (само)ограничений. Одновременно номады медиального стремятся заполнить пустоты для проникновения в сознание приватного и доверительного. Дело за малым: остаётся решить вопрос, почему же до сих пор не реализованы идеалы личной свободы, поиска и нахождения счастья, открытости в коммуникации, вплоть до достижения результатов «хорошей» политики. Следует признать попутно, что применительно к медиадискурсу наше общество ответственности ещё не достигло таких рубежей, поэтому конструктивное столкновение с «критической теорией» просто необходимо.

Персонализация

Последовательный сторонник развития гражданской солидарности Ю. Хабермас в структуре своей «модели демократии» – демократии делиберативной, т.е. размышляющей, рефлексивной и основанной *«именно на условиях коммуникации»*, обосновывает практику принятия решений на основе обсуждения и дискуссии (дискурсов). Теория дискурса в его трудах приобретает элементы обеих сторон и интегрирует их в идеальную процедуру совещания и принятия решений [6: 21]. Данная *демократическая процедура* устанавливает необходимые внутренние связи между *переговорами, дискурсами самосознания и справедливости*, когда именно и достигаются разумные и соответственно честные решения» [11: 392].

Не секрет, что в условиях медийной коммуникации журналистика становится всё более персоноцентрированной, т.к. ничто не интересует людей больше, чем жизнь других. Этот лейтмотив уже с середины прошлого века стал правилом в деятельности многочисленных медиа, что, в принципе, и сегодня характерно для деятельности большинства редакционных коллективов.

Истории о жизни, или из жизни людей, которые публикуются в печати, в свете персонифицированности журналистики высвечивают некоторые повторяющиеся правила на этот счёт. Создание актуальных портретов «капитанов» политики и бизнеса внутри профессиональных групп выполняет в последнее время в т.ч. рекламные функции, ставит людей «из», «в», или «от» медиа в лучи прожекторов общественности, изображает их как протагонистов определённых идей [13: 50-51]. При этом очевидно, что все, кто работает в медиа или является управляющим медиаконцернов (издательств), имеет лучшие возможности прорекламировать себя, по сравнению с теми, кто не работает в медиаотрасли.

Таким образом, любое журналистское произведение, любой медиатекст, касающийся личностей людей, имеющих различные взгляды на мир, практически всегда содержит признаки конфронтации и является естественным нарушителем правил, определённого рода возбудителем общественного внимания. Именно им, а не простым людям, уготован наибольший медийный интерес. Понятно, что это внимание распределяется совсем не пропорционально. Часто адресант, как в устном, так и в письменном формате коммуникации учитывает «подстройку» к адресату (исключение составляют интеракции конфронтационного, конфликтного характера), т.е. нацелено на взаимодействие через создание общего пространства разного рода идентификаций [9: 254]. В различных сегментах медиарынка сформировались негласные правила, согласно которым в профессиональных медиа возникают рубрики, авторы которых стали известными профессионалами, специализирующимися на написании портретов не малоизвестных, а наоборот, знаменитых медийных фигур.

И хотя образ человека в медиа моделируется коммуникативной ситуацией, формируя социальные роли, которые должны выполнять те или иные медиафигуры, с другой стороны, типичные ситуации их бытования уже не выглядят однозначными. Существенно изменяются и модели поведения человека в медиа: от «инстинктивных технологий» [8: 165] до представления события броским конфликтным сюжетом, вокруг которого моделируются основные типы героев публикаций: жертва, преступник, супермен, спаситель и т.п.

Медийные персонажи: кто они?

Кто же на деле является или может претендовать на роль медийного персонажа? Замечено, что журналисты сами нередко концентрируют своё внимание вокруг характерных персон, что обеспечивает им эффектную фразу или «звонкую» цитату. Не случайно, что все, кто в каком-либо роде интересен медийной аудитории (успешен или не совсем) на определённом этапе, может фокусировать на себе взгляды окружающих.

Причин тому несколько. В высококонкурентной среде, которая сегодня ассоциируется с политическим полем, его акторы востребуют всё новые и новые инструменты персуазивного воздействия для решения своих политических проблем. Отсюда высокий спрос на интеллектуальный ресурс с их стороны. Обществу требуются авторитетные и ответственные представители в высших эшелонах власти, лидеры общественного мнения, которые могли бы публично артикулировать наиболее значимые проблемы общественной и медийной повестки дня. В профессионалах, способных оперативно

анализировать и комментировать политические вопросы, давать независимую оценку, постоянно нуждаются и сами журналисты. В итоге, востребованность медийных персонажей как экспертов, предопределяет их ключевые позиции в политическом дискурсе. Тесно взаимодействуя с политиками, обществом и медиа, они заслужили титул «творцов новой реальности».

Политики

О деятельности политиков написано немало, т.к. эта сфера находится на грани их восприятия как игроков, манипуляторов или фокусников. На поверхности оказываются представители различных партий, групп, общественных объединений. Стать медийной личностью – удел не многих, поэтому на отечественном политическом ландшафте узнаваемых представителей политических элит не так много. В случае с парламентскими партиями это прежде всего её политические долгожители: Г.А. Зюганов (КПРФ), В.В. Жириновский (ЛДПР), С.М. Миронов («Справедливая Россия»). Примечательно, что нахождение в обойме парламентских партий ещё не гарантирует «медийность» политика. Так, единороссы С.В. Железняк, С.И. Неверов, Б.В. Грызлов, А.К. Исаев и др. («Единая Россия») гораздо менее «частотны» притом, что они представляют партию парламентского большинства.

Медийные персонажи, или «медийные» личности – это также и те, кто имеет опыт публичных выступлений и кому доверено артикулировать идеи партии. Эти личности, безусловно, близкие электорату, которые воспринимаются аудиторией как «добрые» знакомые. Примечательно, что политики-трибуны справляются с этой функцией гораздо лучше и профессиональнее чем, если бы этим занимались пресс-секретари или функционеры второго плана. Речи политических деятелей разобраны на цитаты, они умышленно провокативны, а аргументы нередко могут быть повернуты против них самих в регулярно возникающих ситуациях идеологических единоборств. Речевые примеры показательно свидетельствуют о стремлении к персонализации, что связано с перманентным перекариванием карты «боевых» действий и всего политического ландшафта. Всё это требует от политика известной степени креативности. Сравн. цитаты из устных выступлений российских лидеров последних лет:

В.В. Путин: *«Демократия – это улица с двусторонним движением»; «Россия может подняться с колен и как следует огреть»; «О чьих правах вы говорите? Имена? Явки? Фамилии?»; «Если же вы готовы стать самым радикальным исламистом и готовы сделать себе обрезание, приглашаю вас в Москву. Я порекомендую сделать операцию таким образом, чтобы у вас уже ничего не выросло»; «Кто нас обидит, тот и дня не проживет»; «Вы хотите, чтобы я ел землю из горшка с цветами и клялся на крови, чтобы вы мне поверили?!»* (<http://tsitaty.com>)

Д.А. Медведев: *«...Наша главная политическая сила – «Единая Россия» – должна не просто царствовать, а должна проявлять ум, такт и силу, должна выдвигать правильных людей»; «... я всегда говорил, что президент вправе отступить от собственного Указа в том случае, когда считает это правильным»; «Можно и без денег рожать, но лучше с деньгами»; «У вас есть весь инструментарий – дайте им по голове!»* (<http://quoteka.org/author/dmitrij-anatolevich-medvedev>)

В.В. Жириновский: *«О какой демократии вы говорите, если 65% территории России – вечная мерзлота?!»; «Восстановите гимн, и страна скажет: "Не надо зарплаты"»; «Не надо заставлять детей учить английский. Пускай, лучше изучают автомат Калашникова. И тогда скоро весь мир заговорит по-русски»; «Я такой, какой я есть. В этом моя прелесть»* (<http://tsitaty.com><http://tsitaty.com>).

Г.А. Зюганов: *«Наш народ миролюбив и незлобив. 800 лет провел в боях и походах»; «Социализм утратил историческую инициативу»* (<http://tsitaty.com>)

Можно предположить таким образом, что медийное начало репрезентации политика определяется целым рядом факторов, неодинаково индицируемых и по-разному трактуемых у журналистов. Они касаются не только собственно их «бытования» как субъектов медиаречи, но и известности, узнаваемости в широких аудиториях, демонстрации индивидуальных субъективных качеств и оценок, идентификации публичного (часто клишированного) образа, выявления политического (партийного) бэкграунда, подчёркивания сильных харизматических качеств и т.п. Этими чертами могут обладать не только политики, но и представители других медийных профессий и, в первую очередь, непосредственно сами журналисты.

Журналисты

Журналисты, как медийные личности, весьма популярны в социуме. Образы журналистских «медиаперсон» прочно закрепились в сознании читательской и зрительской аудитории. Это прежде всего известные деятели отечественного медиаландшафта: В. Познер, В. Соловьев, А. Пушкин, Д. Киселёв, М. Леонтьев, М. Шевченко и др., известные, без сомнения, широкому кругу зрителей. Их прецедентная узнаваемость связана с т.н. персонифицированной журналистикой, т.е. с необходимостью выражать коннотативные аспекты мыслительного содержания. Это свойство медиадискурса в его главном конститутивном компоненте знаков непрямой номинации – экспрессивно-образном – формируется в процессе фиксации социально значимых проявлений внутреннего мира человека [1: 31].

Следует отметить, что известность, появление на экране или публикация в прессе – величины не постоянные. От возвышения до падения в журналистике один шаг. Известная ведущая М. Максимовская в одночасье стала неудобной, а её передача «Неделя с Марианной Максимовской» исчезла из сетки вещания канала RenTV. Но журналистам такого ранга уход с канала, как правило, не сильно вредит. Они вскоре появляются в пресс-службах крупных концернов или финансовых групп. Потеря известного журналиста, «лица канала» связана, прежде всего, с очевидными имиджевыми потерями для самого канала, что бывает чувствительно в условиях окончательной «контентной однозначности и определённости»: *В этой ситуации М. Максимовская была как белая ворона, у неё не было шансов выжить* (Коммерсант. – 02.08.2014). *Последние годы журналистское сообщество удивлялось, как Максимовской удаётся вести передачу при условии, что всё остальное телевидение давно стерильно* (Е. Масюк. Подр.: <http://www.kommersant.ru/doc/2538034>).

В последнее время для многих медиа характерной оказывается тенденция превращения аналитического журналиста в эксперта-

комментатора. С одной стороны, медиа ставят под сомнение доступность языка эксперта, его умение понятно излагать свои мысли для неискушенного читателя. С другой – массмедиа теряют интерес к экспертной оценке, понижая градус доверия к эксперту вследствие его ангажированности. Как правило, данная ситуация характерна для тех медиа, где место эксперта занимают журналисты-аналитики, включающиеся в механизм формирования публичного дискурса на правах экспертов.

Предприниматели и представители бизнеса

Можно ли вообще говорить о медийном влиянии представителей бизнеса и промышленников? Какую роль они играют на отечественном медиаполе? Успешно ли они выступают в роли экспертов? По-нашему мнению, да. Медийное позиционирование ведущих бизнесменов жёстко ограничено политикой и характером деятельности возглавляемых ими компаний: И. Сечин («Роснефть»), А. Миллер («Газпром»), В. Потанин («Интеррос», «Норникель»), В. Алекперов («Лукойл») и др. В рейтингах, составляемых различными фондами и самими медиа, время от времени отмечается небольшая коррекция их позиций, связанная с характерными экономическими всплесками, а также с текущими стратегиями и политикой. Другие деятели бизнес-сообщества: Ю. Ковальчук (банк «Россия», группа «Согаз», Газпромбанк), Г. Тимченко («Новатэк», «Сибур»), А. Усманов («Металлоинвест», «Мегафон», «Евросеть») и О. Дерипаска («РусАл», «Базовый элемент») держатся условно «в тени». Их медийная роль, на наш взгляд, находится в прямой зависимости от корпоративной политики на рынке и не сопровождается шумными медийными кампаниями, которые в бизнесе не очень желательны, действуя по принципу: «Деньги любят тишину».

Однако есть примеры другого рода, когда некоторые бизнесмены позволяют себе рассуждения о проблемах современного миропорядка. 7 марта 2015 г. на портале *lenta.ru* появилось весьма красноречивое сообщение: *«Президент РЖД В. Якунин раскрыл суть нового мирового порядка», в котором он подверг критике современные глобальные экономические и политические тенденции. Свою позицию он высказал в ходе конференции «Европейский выбор: глобализация или ресуверенизация?», где «новый мировой порядок он обозначил как посткапитализм. Классическая формула капитализма, описанного К. Марксом, была: деньги – товар – деньги. Сейчас формула: деньги – деньги – деньги. Сегодня банки диктуют, как должна развиваться экономика». Якунин обратил внимание на сопровождающую процесс глобализации идеологию, которая породила «войну нового типа» за мировое господство. ... По его мнению, с глобализацией появилась новая аксиология – ценности потребления замещают собой всё остальное, в т.ч. традиционные нравственные ценности* (<http://lenta.ru/news/2015/03/07/nwo>).

Деятели культуры, учёные, военные

Интеллектуальное насыщение дискурсивных практик расширяет содержание медиадискурса, активно взаимодействуя со всеми его участниками. Явление медийности тесно связано с привлечением на медиасцену известных персонажей из мира искусства, кино, эстрады. Феномен «звёздности» предполагает активное «задействование» массовой культуры как пространства, в котором медийная «звезда» рождается, актуализирует себя, воздействует на

социум. Вполне утвердившейся практикой следует считать участие звёзд сцены в политических акциях (И. Кобзон, М. Пореченков), выступления с острыми политическими заявлениями (И. Пригожин, О. Газманов, А. Макаревич и др.)

Из множества определений и подходов к изучению массовой коммуникации отметим характеристики её конструктивно значимых, функциональных параметров. Особое внимание сфокусируем на массовом искусстве, как важнейшей составляющей массовой культуры, на тех социальных функциях, которые оно выполняет. Нас интересует, прежде всего, как в ситуации, когда потребление искусства становится массовым и осуществляется стратегия манипулирования потребителем, действуют механизмы персуазивного воздействия на него. Насколько вербально артикулируемые «звездами» ценности совпадают с их медийным образом и реальным поведением? При этом некоторые из них заявляют о своих традиционных ценностях, другие, наоборот, вперемежку с либеральными, в своём имидже и медийной презентации демонстрируют гедонизм, стремление к славе, успеху, деньгам, всякого рода материальным ценностям [7: 63].

Заключение

Требование плюрализма в медиа и условия глобализации, права на свободу мнений связаны с информационной свободой и демократическим волеизъявлением, что определяет медийную политику в любом обществе. Она становится составной частью действий государства и общества в выражении волеизъявления граждан, их информационной независимости или групповых интересов. Влияние в информационной политике и формирование мнения в условиях медиарынка во многом определяется техническим развитием и процессами дигитализации, что делает возможным продвижение самых разнообразных медиапредложений и медиатехнологий.

Известно, что медийная (само)репрезентация и «очарование» современных медиа основаны на том, что аудитория в своей массе не ставит себе каких-либо сложных вопросов. Наоборот, от тех, от кого публика ожидает ответа на них, она их, как правило, не получает. Это заложено в основе теории **«общества инсценировки»**, в которой её последователи редко позволяют кому-либо «подсмотреть в свои карты». Тем более, что обычный читатель или зритель рад любому случаю, когда он может заполучить себе своего любимого персонажа из мира политики, экономики, искусства, науки или шоу-бизнеса на газетную полосу или в телевизионную студию. По идее, главная цель такой виртуальной «встречи» заключается в том, чтобы развенчать те или иные стороны имиджа известного человека. При этом персонажи охотно рассказывают о себе, о своём публичном влиянии, о том, как попали в лучи славы, о внимании или невнимании к своей персоне и, конечно, о своих отношениях с печатными и электронными медиа и теми, кто ими управляет.

Отмеченные выше ангажированные сферы, в которых реализуется экзистенциальная зависимость от общественного восприятия действительности и резонанса коллективного сознания (т.е. власть медиа) представляют собой слепок настроений и трендов, позиционирующихся именно как важные и решающие для общества. Однако и другие сферы, релевантные медиа – спорт, наука, экономика и религия – по большей части также превратились в колонию медиа: они либо беспрекословно подчиняются их законам, либо реальные события и персонажи приводятся в соответствие с

потребностями прессы, радио и телевидения, либо вообще изобретаются вновь. Это является той экстремальной формой инсценировки, связанной не просто с подачей информации и собственно реальным описанием событий, но и с культивированием ведущими медиа образов, при условии выполнения ими стандартных и образцовых ролей. Они (медиаобразы) предлагают ориентацию на те сферы жизни, где «образцы идентификации» со всей регулярностью показывают, что является «привлекательным», действует мощно и попадает «точно в цель». При этом эти медиафигуры не просто занимают наше внимание, но и имплицитно транспортируют и транспонируют характерные идеи, связанные с актуальными темами, долговременными трендами и практическими действиями в реальной жизни.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Медиадискурс – *modus vivendi* на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Вятского гос. гуманитарного университета. – 2009. – №4(2). – С. 30-33.
2. Анненкова И.В. «Элита» и «лжеэлита» как системные понятия медиацентричной культуры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2014. – № 26 (197). – Вып. 24. – С. 71-74.
3. Желтухина М.Р. Медiateксты в современной массовой коммуникации // Вестник ЦМО МГУ. Сер.: Лингвистика. – 2013. – №3. – С. 7-11.
4. Новикова Т.Е. Трансформация социального института СМИ в «медиа»: от отражения объективной действительности к созданию образов субъективной реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – 2012. – №2(26). – С. 130-134.
5. Пастухов А.Г. Публицистический – журналистский – медийный: к формированию новой стилистической парадигмы // Масс-медиа и массовые коммуникации: опыт, проблемы, перспективы. II Межд. науч. коллоквиум. Белгород, БелГУ, 1-2 окт. 2014 г.: Сб. науч. работ / ред. Е.А. Кожемякин, А.В. Полонский. – Белгород, 2015. – С.45-60.
6. Реснянская Л.Л. СМИ и политика: учеб. пос. для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 256 с.
7. Рязанова Л.С. Феномен “звезды” в современной массовой культуре (функциональный анализ) // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – №. 1. – С. 54-70.
8. Сибиданов Б.Б. Проблема человека в современных СМИ Бурятии // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №10(3). – С. 162-166.
9. Синельникова Л.Н. Стратегия приближения к адресату в современном медиатексте // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2014. – № 13 (184). – Вып. 22. – С. 253-261.
10. Чернявская В.Е. Дискурс – «лидер продаж» или «распродажа дискурса»? // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. – 2012. – №3. – С. 8-14.
11. Хабермас Ю. Что такое «делиберативная политика» / Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб: Наука, 2001. – 419 с.
12. Bergmann, Jens; Pörksen Bernhard (Hrsg.): Medienmenschen. Wie man Wirklichkeit inszeniert. – Münster: Solibrio-Verlag, 2007. – 344 S.
13. Medien. Basiswissen für die Medienpraxis. Christian Meier / Stephan Weichert (Hrsg.). – Köln: Herbert von Halem Verlag, 2012. – 249 S. (Journalismus Bibliothek 8)
14. Pundt, Christian: Medien und Diskurs: Zur Skandalisierung von Privatheit in der Geschichte des Fernsehens. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2008. – 400 S.
15. Postman Neil: Amusing Ourselves to Death. Public Discourse in the Age of Show Business. New Introduction by Andrew Postman. – Penguin Books, 2005. – 184 p.

УДК 070.2(470.51)(091)(045)

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ И ДОСТИЖЕНИЙ В ДОВОЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПРЕССЕ УДМУРТИИ

POPULARISATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL KNOWLEDGE IN PRE-WAR YOUTH PRESS IN UDMURTIA

Г.И. Старкова
G.I. Starkova

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет, Россия, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
Udmurt State University, 1. Universitetskaya Str., Izhevsk, 426034, Russia

e-mail: stargi@mail.ru

Аннотация. В статье впервые исследуется комплекс приёмов популяризации научно-технических знаний на страницах детских журналов, пионерских и комсомольских газет Удмуртии в 1930-1940-е гг. Показывается эффективность синтеза вербальных и визуальных материалов разных жанров с учётом особенностей читательской аудитории. Отмечается значимость публикаций о научно-технических достижениях и выдающихся учёных для развития интереса молодёжи к науке и технике, расширения её научно-технического кругозора и привлечения в технические вузы и на производство.

Abstract. For the first time, there is an article devoted to the representation of scientific and technical knowledge of Udmurt youth press in 1930-1940s. The paper considers the efficacy of combination of materials of different types. Stress is laid on publications about scientific and technical achievements and biographies of scientists which are important for developing the youth's engagement into science and technic.

Ключевые слова: детско-юношеская пресса Удмуртии, научно-технические достижения, популяризация научно-технических знаний, расширение научно-технического кругозора, политехнизация школы, привлечение молодёжи в технические вузы и на производство.

Keywords: Udmurt youth press, scientific and technical achievements, popularization of scientific and technical knowledge, attraction of youth into technical institutes.

В настоящее время актуализируется проблема развития научно-технического кругозора молодёжи, привлечения её в технические вузы и на производство, интерес к которым резко упал из-за трансформации ценностных ориентиров в российском обществе вследствие социально-экономических преобразований в конце XX в. Как писала «Российская газета», научно-техническое направление интересует только 9% школьников (2014, 20 нояб.). Решению этой проблемы наряду с усилиями государственных органов должна и может содействовать пресса для молодёжи, о чём свидетельствует опыт редакций детско-юношеских журналов и газет Удмуртии в 1930-1940-е гг.

Темы, которые должны раскрываться литературой перед юными читателями, назвал в своей работе «О темах» писатель А.М. Горький: «О чудесном в работе науки», «О технике будущего», «История двигателя от паровой машины до дизеля» и др.

Первый советский научно-популярный приключенческий журнал «Знание – сила» начал выпускаться в Москве с января 1926 г. и был рассчитан не только на пионеров, но и на более взрослых ребят¹. В 1928 г. появился

¹ Комсомол и молодёжная печать (1919-1972 гг.): сб. М., 1973. С. 78.

журнал «Юный натуралист». В постановлении ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по улучшению юношеской и детской печати» (1928 г.) говорилось о необходимости всемерного содействия росту технических и специальных знаний рабочей и крестьянской молодёжи *. В отчёте ЦК ВЛКСМ VIII съезду ВЛКСМ отмечалось значительное улучшение научно-технических отделов †.

Система молодёжной прессы Удмуртии, сложившаяся в 1930-е гг., наряду с функциями коллективного пропагандиста и агитатора успешно выполняла функцию популяризации научно-технических знаний и достижений науки и техники. Поскольку в стране активно проводилась индустриализация, в молодёжи видели будущих инженеров и техников – специалистов промышленности, сельского хозяйства, лётчиков и т.п. Хотя в Удмуртии не выпускались научно-популярные издания, периодика, используя различные приёмы представления материалов на страницах детско-юношеских журналов и газет, способствовала расширению технического кругозора юношества, содействовала политехнизации школы и трудовому воспитанию.

Детский журнал-учебник «Дэмен уж» («Коллективный труд») в 1931 г. опубликовал на удмуртском языке слова Сталина: «Надо знать технику. Учиться технике. Если будем знать технику, шагнем вперед с небывалой скоростью».

Сообщения о научных открытиях и технических новшествах печатались в детско-юношеской прессе под рубриками «Наука и техника» и «Наука по технике сэрег» («Уголок науки и техники»), «Блокнот любознательных», «Дневник юннатов» в пионерской газете «Дась лу» («Будь готов»), «Блокнот юного натуралиста», «Интересная физиология», «Обо всем понемногу» – в газете «Будь готов»‡. «Дась лу» рассказывала о метрополитене, о троллейбусе, о походе Ижевской детской технической станции и т.д., «Будь готов» – о самом холодном месте на Земле, об «электрорыбе» и «зимних насекомых». Комсомольская газета «Молодой большевик» писала о машине для борьбы со шпионажем, о советском малолитражном автомобиле, об автомобиле для радио-репортажа (так в тексте. – Г.С.), о находке гигантского метеорита и др.§

Газеты печатали сообщения юнкоров из Ижевска и районов республики о проведении и изучении радио, об авиамоделировании, о прилёте в село самолёта и т.п. Так, в заметке «Подарок школе» рассказывалось об отличнике Карсовайской школы Васе Учанове, который увлекался естествознанием, мечтал быть врачом и подарил коллекцию преподавателю по зоологии («Будь готов», 1936, 5 окт.). В материале об ученическом самоуправлении одним из направлений работы старостата названо «развертывание авиомоделизма (так в тексте. – Г.С.) и планеризма» («Будь готов», 1936, 5 окт.). Семиклассница Дуся Крысова написала заметку «Уголок живой природы», Мира Рабинович – «Юные географы» («Будь готов», 1936, 22 нояб.). Восьмиклассник Коля Гаврилов в заметке «А все-таки она вертится» писал об астрономическом

* Советская печать в документах. М., 1961. С. 245.

‡ Комсомол и молодёжная печать (1919-1972 гг.): сб. М., 1973. С. 104.

§ Старкова Г.И. «Дась лу!» («Будь готов!») и «Будь готов!» – первые пионерские газеты Удмуртии // Мировая словесность для детей и о детях: матер. Шестнадцатой Всерос. науч.-метод. конф. М., 2012. С. 221-225.

§ Старкова Г.И. «Егит большевик» («Молодой большевик») и «Молодой большевик» – комсомольские газеты Удмуртии 1930-х годов // Книжное дело: матер. Междунар. науч. интернет-конф. Екатеринбург, 2011. С. 37-41.

кружке школы № 28, члены которого «читают научную литературу о предположениях ученых», изучают биографии знаменитых астрономов Птолемея, Коперника, Бруно и Галилея. Он сообщил об отсутствии в школе астрономических приборов и о решении самостоятельно сделать телескоп для кружка («Будь готов», 1937, 4 февр.). Материал сопровождался фотографией с подписью: «Шумайлов Герман из школы 24 со своим радиоприемником». Пятиклассник Женя Муллин написал в газету об учителе географии, который рассказывал о происхождении и строении солнечной системы, о великих учёных – Галилее, Бруно и Копернике, которые своими открытиями разоблачали сказки церковников, показывал «диапозитивные картины» («Будь готов», 1938, 5 мар.).

Привлекательность научно-популярных статей и очерков обеспечивалась иллюстрированием в виде рисунков и фотографий. Индустриальный фон становится основным на обложках журнала «Пичи дэменчи» («Юный коллективист») с рассказом «Трактор'ёс вуизы» («Трактора пришли») и стихотворением «Чугун сюрес» («Железная дорога»).

Газеты публиковали директивные материалы, например, постановление пленума Удмуртского ОК ВЛКСМ о воспитании пролетарского студенчества сознательными строителями социалистического общества и социалистической культуры на основе овладения высотами науки, постановление X Пленума ЦК ВЛКСМ «О подготовке и переподготовке кадров для сложных сельскохозяйственных машин» («Егит большевик» («Молодой большевик»), 1935).

В середине 1930-х гг. в Москве выходит журнал «Техника – молодежи», задачей которого было продвижение технической культуры в массы молодёжи. В числе первомайских лозунгов ЦК ВКП(б) в 1935 г. был и такой: «Пионеры и школьники! Овладевайте основами наук!». В докладе на XI пленуме ЦК ВЛКСМ тов. А.В. Косарев говорил о необходимости обогащения кругозора молодёжи на примерах «жизни Леонардо да-Винчи, Микель Анджело, Джемса Уатта, Менделеева, Ломоносова, Мичурина» («Егит большевик», 1935, 4 июля). «Егит большевик» писал об организации в крае геологоразведочной партии (1935, 26 апр.).

Газеты активно отображали процесс овладения научно-техническими знаниями как подготовку к службе в армии и защите Родины, писали об инструкторах стрелкового спорта. 5 марта 1936 г. прошли Всесоюзные военно-спортивные соревнования пионеров и школьников – юных стрелков, авиамоделлистов, связистов и др., о которых сообщала газета «Дась лу».

На страницах газет печаталось множество материалов, посвящённых достижениям советских лётчиков, например, беспосадочному перелёту советского самолёта из Москвы в Сан-Франциско через Северный полюс («Егит большевик», 1935, 26 июля). В 1935 г. «Егит большевик» поместил полосу «Над Удмуртией реют самолёты» с фотографиями лётчиков, проводивших аэросев, полосу «Авиация – со милям гордостьмы. Авиация нунал – калык праздник» («Авиация – наша гордость. День авиации – народный праздник») с балладой удмуртского поэта П. Чайникова «Тимофей летчик» и стихотворением Макара Пролетара «Нырысьсэ тэтчи» («Первый прыжок»). Разворот с рисунками парашютов и самолётов был озаглавлен «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Помещена заметка, перепечатанная из газеты «Рейиш вестфалише цейтунг» об истории парашюта «"Летающий плащ" 1777 года».

Газета «Дась лу» поместила рисованный портрет героя Советского Союза лётчика Леваневского (1935, 21 июля). С декабря 1935 г. в Удмуртии работали аэроклуб, планерная станция, две парашютные вышки («Молодой большевик», 1937, 24 февр.). Газета «Будь готов» в 1937 г. напечатала материал «Большевики завоевывают воздух (Авиационные рекорды и достижения 1936 года)», опубликовала стихотворение А. Герасимовой «Будущему пилоту», поместила заметку ученика школы № 22 Севы Боровского «Конструирую модели самолетов». Материал «Беспосадочный перелет Москва – Северный полюс – Северная Америка» сопровождался рисунком с подписью: «Герои Советского Союза Байдуков, Чкалов и Беляков» («Будь готов», 1937, 23 июня). «Молодой большевик» представил полосу: «Быть летчиком – великая честь» в марте 1940 г.

В октябре 1936 г. дети готовили подарки Съезду Советов, например, кино-кружок (так в тексте. – Г.С.) Ижевского пионерского клуба обязался «сделать выпуск 15 юных кино-механиков», а «фото-кружок приготовит большую фото-витрину “Жизнь пионерского клуба”» («Будь готов», 1936, 16 окт.). В рубрике «Наш подарок съезду» помещён материал «Наши авиомоделисты» (так в тексте. – Г.С.) («Будь готов», 1936, 28 окт.).

В газете «Будь готов» появляются рубрики «Интересная физиология» и «Геофагия», представлены интересные материалы из журнала «Наука и жизнь», например, фрагмент из статьи К.Г. Григорьева «Первая железная дорога в России» («Будь готов», 1936, 17 нояб.). Газеты рассказывали об известных учёных, таких как М.В. Ломоносов («Дась лу», 1936, 21 нояб.), И.П. Павлов («Будь готов», 1937, 28 февр.), публиковали статьи, приуроченные к юбилейным датам учёных, например, к 85-летию со дня рождения И.В. Мичурина («Молодой большевик», 1940, 26 окт.).

В марте 1937 г. «Егит большевик» опубликовал подборку статей о 1-й и 2-й пятилетках, писал о проведённых в Ижевске в 1931 г. 12-ти технических вечерах, 15-ти конференциях «Техника массам». Рассказывая о 2-й пятилетке, газета сообщила о сдаче молодёжью технического минимума и соцтехэкзамена, о награждении в 1935 г. 10 молодых рабочих машиностроительного завода правительственными наградами, об учёбе 1167 человек в технических кружках в 1936-1937 гг. К 1937 г. сдали норму по основам топографии 4 800 чел., сдали первую ступень по планеризму 126 чел.

В прессе нашли отражение мероприятия по расширению научно-технического кругозора юношества, такие как деятельность Ижевской детской технической станции («Будь готов», 1936). В 1937 г. публикуется фотоснимок технической станции с подписью: «Нигматуллин Максум оборудует педальный автомобиль». В заметке «Интересные экскурсии» ученик 4 класса школы № 24 Коля Привалов рассказал о посещении чулунолительного завода, швейной и пуговичной фабрик, пожарной команды («Будь готов», 1937).

Сообщая о строительстве павильона юных натуралистов, отдел пионеров ЦК ВЛКСМ призывал детей готовиться к всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве («Будь готов», 1937, 22 янв.). Редакция обращалась к юным натуралистам, техникам и опытным сельскому хозяйству: «Расскажите, что вы готовите к выставке, как работаете и каких результатов достигли; экспонаты описывайте подробно, свои сообщения дополняйте рисунками и фотоиллюстрациями» («Будь готов», 1938, 5 мар.).

В материале «Новая жизнь и новые люди» – перепечатке фрагмента из книги М. Ильина «Рассказ о великом плане» пояснялось: «Машины нам нужны для того, чтобы меньше работать и больше успевать. ... Тяжелый лом и кирка уступят место пневматическому молоту, сжатому воздуху».

Публиковались материалы по вопросам, интересующим читателей. Так, по просьбе юных авиамоделлистов из деревни Шубино напечатан материал «Как построить схематическую модель самолета» («Будь готов», 1937, 17 апр.).

Иллюстративный материал способствовал знакомству детей и юношества с незнакомым оборудованием, например, с печатной машиной в наборном цехе типографии («Будь готов», 1937, 9 мая), усилению эмоционального воздействия на юношество, в частности, публикацией образов летчиков. Так, в публикации «Богатыри», перепечатанной из «Комсомольской правды», присутствует иллюстрация – коллаж: Кремль, три лётчика в шлемах, самолёт («Будь готов», 1937, 23 июля).

Газеты в качестве примеров для юношества помещали фотографии студентов – ударников учёбы, писали о слёте лучших ударников учёбы высших и средних учебных заведений Ижевска, называли конкретных учащихся: «Ваня и Веня -- инструктора Осоавиахима», «Учатся и изобретают» (о Вале Шкляеве, сделавшем действующую модель паровой турбины), «Юные техники Глазова» (о Жене Косолапове, собравшем радиолу) («Будь готов», 1938, 5 февр.).

В 1938 г. газеты сообщали о дрейфующей станции Папанина и строительстве ледокола «Иосиф Сталин» («Будь готов», 1938, 5 февр.). В рубрике «На дрейфующей льдине» опубликована заметка «"Мурманец" и "Таймыр" на пути к лагерю Папанинцев» («Будь готов», 1938, 12 февр.). В этом же номере – материал «О катастрофе дирижабля "СССР В--6"», в следующем номере – «Подробности катастрофы дирижабля "СССР В--6"». 22 февраля газета «Будь готов» напечатала материал «Пионерский привет славным исследователям арктики!» (так в тексте. – Г.С.) за подписью И. Сталина, В. Молотова, К. Ворошилова и других партийных деятелей.

В публикациях использовались заголовки-призывы: «Молодежь, в аэроклуб!», выражалось одобрение занятий молодёжи в аэроклубах, отмечалось, что заветной мечтой почти каждого юноши было быть «Сталинским соколом», на фотоснимках показывались пилоты-отличники Ижевского аэроклуба Осоавиахима. Курсанты Ижевского аэроклуба, в котором изучали сложную авиационную технику без отрыва от производства, от учёбы в школах и техникумах, писали в «Молодой большевик» заметки «Буду летчиком», «Готовы пересесть на боевые машины», «Овладеем летным искусством». «Молодежь, на самолеты!» – с таким призывом обратился к молодёжи Герой Советского Союза тов. Ляпидевский. Молодые люди со страниц газет призывали своих сверстников поступать на учёбу в аэроклуб («Молодой большевик», 1940, 7 мар.). Автор заметки «Большая честь» писал: «Овладев искусством воздухоплавания, мы будем всегда готовы защищать священную неприкосновенность социалистической родины и с воздуха громить врага до полного уничтожения». Стремление к техническим знаниям объяснялось патриотическими порывами юношей и девушек, а также желанием приобрести военную специальность и быть полезными своему народу.

Газета «Будь готов» знакомила пионеров с новым Положением о значке «Юный авиастроитель» и поместила изображение этого значка, а также

писала, что ребята изучают авиационную технику и мечтают стать такими, как Громов или Чкалов («Будь готов», 1938, 5 мар.), что кабинет юных моряков технической станции готовил значкистов «Моряк» и «Юный моряк». 6 августа 1938 г. в Крыму в честь 20-летия ВЛКСМ открылся XII слёт юных авиамоделистов. В сентябре Н.К. Крупская обратилась к советским пионерам с письмом «Знания нужны в жизни, как винтовка в бою».

В конце 1930-х гг. в газете «Будь готов» появляется рубрика для любознательных «Попробуй догадаться», сопровождаемая рисунком улыбающегося пионера с карандашом и листком бумаги, в которой были опубликованы вопросы викторины «Хорошо ли вы знаете географию».

В передовой статье первого номера «Молодого большевика» за 1939 г. отмечался вклад молодых в развитие страны: «В суровой Арктике, на заводах, в колхозах и совхозах, школах и институтах, в бою с врагами наша советская молодежь, Ленинско-Сталинский комсомол показывает образцы мужества, отваги и героизма». Об успехах на трудовом фронте рассказывали сами передовики, которые заканчивали школы ФЗУ, осваивали специальности и новые технические нормы, перевыполняли производственные программы, становились инструкторами и обучали группы учеников, осваивали новые модели и мн. др.

В январе 1939 г. начался Всесоюзный конкурс «Юные техники в помощь школе», объявленный Центральной детской технической станцией, в котором участвовали 25 тысяч пионеров и школьников *. «Комсомольская правда» 18 февраля поместила сообщение юнкора из Ижевска о том, что 800 юных техников, конструкторов, авиамоделистов и планеристов детской технической станции готовят подарки XVIII съезду партии. Юнрабселькоры писали о работе в колхозах кружков по изучению трактора («Молодой большевик», 1940, 5 янв.).

В передовых статьях «Молодого большевика» в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Советский Союз характеризуется как могущественная индустриальная держава (1939, 22 янв.), приводится задача, поставленная тов. Сталиным на XVIII съезде партии: «Развернуть дальше подъем нашей промышленности, рост производительности труда, усовершенствование техники производства ...» (1940, 3 мар.). В газете сообщалось о подготовке мотоводителей в республиканском автотоклубе, о новых трамвайных вагонах, о втором республиканском слёте авиамоделистов.

Школьники писали в газету о кружке коротковолновиков и своей мечте сдать техминимум только на «отлично», о желании «изучать электричество». Допризывники рассказывали об обучении в стрелковом клубе машиностроительного завода, сопровождая свой материал иллюстрацией с подрисованной подписью.

Для продвижения научно-технических знаний в молодую аудиторию использовались разные прозаические и поэтические жанры, такие как очерк «Агротехник Лиза Миронова» («Молодой большевик», 1940, 1 мая), стихотворение «Я поднимусь за облака» в сопровождении рисунка самолёта («Молодой большевик», 1940, 1 мая) и т.п.

---

* Зори советской пионерии: очерки по истории пионерской организации (1917-1941). М., 1972. С. 266.

Многие материалы способствовали выбору юношеством профессии и творческому подходу к своей работе. Так, в статье «Кем быть?» подчёркивалось, что «каждый на своем посту не только выполняет свою непосредственную работу, но и всячески совершенствует технику, вносит свои творческие дары, чтобы могущественнее стало наше любимое отечество» («Молодой большевик», 1940, 30 мая). Материал полосы под общим заглавием «Все профессии в нашей стране хороши» сопровождался рисунками символов того времени – танка, корабля, самолёта, поезда и мотоцикла.

Профессор, заслуженный деятель науки УАССР, доктор медицинских наук С.Я. Стрелков писал, что в «Молодом большевике» желательно помещать статьи не только о выдающихся партийных и общественных деятелях, но и об учёных (как, например, статья о физиологе И.П. Павлове «Великий русский ученый»), что будет для советской молодежи служить стимулом в её работе («Молодой большевик», 1941, 8 мар.). Учитель Бор-Раменский пожелал, чтобы на страницах газеты отражалась вся многогранная жизнь молодёжи Удмуртии от школы до станка, от трактора до винтовки, от лыж до самолета, от азбуки до научного трактата. Также газете желали писать о молодых стахановцах, инженерах, техниках, учителях, врачах, агрономах.

Авторами статей в 1940-х гг. становятся инженеры и техники, например, техник-строитель И.Вахрушев публиковал лекции, в частности, об устройстве глиносоломенной кровли (с чертежами) («Молодой большевик», 1941, 14 июня). Инженер Наркомзема Удмуртии В.Александров призывал комсомольцев – трактористов использовать картерные газы («Молодой большевик», 1941, 21 июня). И.о. председателя общества по изучению производительных сил УАССР Н.Поздеев рассказал о 300 экспедициях, направленных на поиски полезных ископаемых («Молодой большевик», 1941, 4 июля). На середину июля планировался 3-й республиканский слёт юных авиамоделлистов, но планы сорвала Великая Отечественная война.

Таким образом, редакции детских журналов, пионерских и комсомольских газет Удмуртии в 1930-1940-е гг. использовали комплекс приёмов популяризации научно-технических знаний, синтез вербальных и визуальных материалов разных жанров с учётом интересов и особенностей читательской аудитории. Публикации о научно-технических достижениях и жизнедеятельности выдающихся русских и зарубежных учёных способствовали развитию интереса молодёжи к науке и технике, расширению её научно-технического кругозора и привлечению в технические вузы и на производство.

Список литературы

1. Зори советской пионерии. Очерки по истории пионерской организации (1917-1941). М., 1972. 271 с.
2. Комсомол и молодёжная печать (1919-1972 гг.): сб. М., 1973.
3. Советская печать в документах. М., 1961.
4. Старкова Г.И. «Дась лу!» («Будь готов!») и «Будь готов!» – первые пионерские газеты Удмуртии // Мировая словесность для детей и о детях: матер. Шестнадцатой Всерос. науч.-метод. конф. М., 2012. С. 221-225.
5. Старкова Г.И. «Егит большевик» («Молодой большевик») и «Молодой большевик» – комсомольские газеты Удмуртии 1930-х годов // Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы: сб. ст. Вып. 3. Екатеринбург, 2011. – С. 37-41.

УДК 070

**КОНТЕНТ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ ГРУППЫ «FEATURE»
(НА ПРИМЕРЕ КАЧЕСТВЕННОЙ ПЕРИОДИКИ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ)**

**CONTENT AND COMPOSITION ELEMENTS OF FEATURE ARTICLES
IN ENGLISH MEDIA TEXTS (BY AN EXAMPLE OF BRITISH QUALITY
PRESS)**

**А. А. Черкашина
A.A. Cherkashina**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia*

e-mail: cherkashina@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются англоязычные медиатексты группы «feature». Публикации данной группы характеризуются наличием достаточно широкой тематики – от проблемного материала до занимательной истории или профайла. Подробно рассмотрены основные структурные элементы исследуемых медиатекстов – лид, «nut graph», основная часть и заключение. Одними из основных особенностей feature-публикации является акцентирование внимания на эмоциональном аспекте медиатекста – использование приема «human touch». Журналисты, работающие над написанием текстов feature, стремятся заинтересовать и вовлечь читателя, используя принцип построения «песочные часы».

Abstract. In this article we have tried to examine English feature articles taking into consideration all peculiarities of modern foreign press system. The analyzed texts are broad themed i.e. journalists usually cover different types of stories. Friends, business associates, even family members are excellent sources for features. Most of feature articles also have a fixed and definite composition and their main aims are, firstly, to attract attention to the emotional aspect of the story and, secondly, to make a reader feel like he is at the place of the event (presence effect creating). Journalists who write feature stories use the method of «hourglass structure» which contains the following elements: the top, the turn, and the ending. In a feature story all these elements are represented in its composition by means of the following constituents: the lead, the nut graph, the body, and the ending of the article. In this research we analyzed the main types of features such as: profile, human touch story, how-to-do story, modern tendency story, and in-depth analysis of current events or problems.

Ключевые слова: feature-публикации, медиатекст, жанр, англоязычные качественные СМИ, принцип «песочные часы».

Keywords: feature, media text, genre, British quality press, hourglass structure.

В российской журналистике под журналистскими жанрами (от фр. genre – род) подразумеваются «устойчивые типы публикаций <...> подобного рода признаки называются жанрообразующими факторами. Знание этих факторов помогает более четко представить себе истоки и особенности возникновения тех или иных жанров периодической печати. В современной теории журналистики выделяются в качестве основных, как правило, следующие жанрообразующие факторы: предмет отображения, целевая установка (функция) отображения, метод отображения» объединенных сходными содержательно-формальными признаками <...> выделяют три основных способа отображения действительности в журналистском тексте,

которые выделяют на основе проникновения познающего субъекта в объект: фактографический, аналитический, образный [Тертычный, 2000]. Таким образом, в отечественной теории журналистики определены три жанровые группы: информационные жанры, аналитические жанры, художественные (художественно-публицистические) жанры. Западные журналисты значительно больше внимания уделяют содержанию публикуемых материалов, нежели их форме. Как следствие, происходит диффузия жанров – размывание жанровых границ. Действительно, понятие жанра в западной журналистике практически не используется, он «обычно относится к теории литературы, когда в теории журналистики следует говорить о форме представления» информации (forms of presentation). Таким образом, «сообщение (report), новостная заметка (news item), комментарий (commentary), интервью (interview) и др. выступают в качестве текстовых форм (journalistic text forms) <...> как в журналистской практике, так и теоретических исследованиях, в которых речь идет именно о фиксированных формах (fixed forms) журналистского сообщения, термин жанр может быть использован» [Kosir, 1988, p.348-351].

Согласно стандартам западной журналистики, новости и комментарии к ним должны печататься отдельно. Разделение между новостями и комментарием закреплено в существующей на Западе традиции – собирать комментарии на определенных страницах. В соответствии с этим все публикуемые материалы можно разделить на новости (news) и мнения (opinion). Выделяют также такие материалы группы feature [Михайлов 2004]. В нашем исследовании в качестве объекта исследования выступают feature-тексты британской качественной периодики: «The Guardian», «The Independent», «The Daily Telegraph» и др. Анализируемые в данной статье публикации формируют именно группу медиатекстов, а понятие «feature» выступает в качестве обобщающего или «зонтичного» (umbrella term), который объединяет различные журналистские продукты. К примеру, они «могут определяться как материалы <...> (здесь и далее перевод наш. – А.Ч.), которые зачастую появляются в рубриках «Living», «Local» и «Lifestyle», освещая различные моменты повседневной жизни: от открытия мемориального моста либо местного балетного класса для детей до занимательных историй о людях и домашних животных» [Corrigan, 1993, p. 12]. Уильям Пауэрс говорит о том, что «features» – это «сущность работы журналиста», подчеркивая, что написание данных медиатекстов достаточно сложный процесс, сравнивая их написание с искусством [Powers, 2001, p. 3017]. Тони Роджерс, в прошлом журналист «The New York Daily News» и «The Associated Press», в настоящее время – профессор журналистики также подтверждает вышеупомянутый тезис о том, что «предмет отображения в «features» может быть разнообразным: от легкой публикации в рубрике об образе жизни («Lifestyle») до серьезного сообщения <...> эти тексты никогда не будут размещены на последних полосах газеты [Rogers]. В журналистских текстах анализируемой группы также важна своевременность подачи материала, это единственный общий момент, который связывает новости с feature-текстами [Hodgson, 1984, p. 31]. Таким образом, полагаем, термин «жанр» не вполне применим относительно идентификации feature-текстов, так как материалы, которые составляют контент анализируемой группы, весьма вариативны по предмету отображения и соответственно набору функций.

В числе фундаментальных отечественных исследований англоязычных медиатекстов, в том числе и feature-текстов, отмечаются работы Т. Г. Добросклонской (Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи), 2005; Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ, 2008). Ученый говорит о том, что в целом feature – это сложная форма журналистского произведения <...> эквивалент термину feature - отсутствует в лексиконе отечественной журналистики. При переводе на русский язык исследователи соотносят его с понятиями «занимательная статья» или «занимательный очерк» <...> В прессе «feature articles» <...>, связанные с текущими событиями или посвященные устойчивым медиа темам, являются важнейшей составной частью любого издания, будь то ежедневная газета типа «The Times» или тематически ориентированный журнал типа «The Economist» <...> В разделе «features» можно встретить самые разнообразные тексты: от краткой заметки, отражающей актуальную проблематику, до развернутого очерка, посвященного конкретной проблеме или персоне [Добросклонская, 2005, с. 57-58]. К примеру, также ярко эти медиатексты представлены в британском издании «The Independent». В качестве отдельного раздела тексты «features» представлены в пяти подрубриках рубрики «Life»: «Fashion», «Food and Drink», «Health and Families», «Gadgets and Tech», «Motoring».

Ранее мы уже упоминали о том, что «feature» – это «зонтичный» термин для целого ряда англоязычных медиатекстов. В ходе исследования посредством метода контент-анализа мы выявили основные виды feature-текстов исходя из цели публикации:

1. Профайл (profile). В Учебном словаре современного английского языка под редакцией А.С. Хорнби (Oxford Advanced Learner's Dictionary) существительное «a profile» трактуется как «... описание кого-либо в газетной публикации» [Hornby, 1995, p. 924]. В основном героями профайлов становятся знаменитости либо личности, хорошо разбирающиеся в своем деле. К этим же текстам можно отнести так называемые «human interest stories» – истории о жизни обычных людей, их профессии, деле и пр. Например, публикация «How do I become... a superyacht builder» (The Guardian. 12.05.2015) о первоклассном конструкторе яхт, который конструирует их для миллиардеров либо история о служащем при королевском дворе «How do I become... a royal footman» (The Guardian. 24.02.2015). Названия такого рода публикаций обычно клишированы и начинаются с фразы «How do I become...» («Как я стал...»).

2. Материалы рекомендательного характера. Заголовки этих публикаций зачастую начинаются с фразы «How to...». Тематика публикаций также может быть разнообразна: от проблемы возникновения заболеваний, связанных с использованием устройств, имитирующих виртуальную реальность «How to stop virtual reality sickness: Get a virtual nose» (The Independent. 11.05.2015) до практических советов выпечки хлеба «How to bake bread: French master baker Eric Kayser offers 10 tips for raising a perfect loaf» (The Independent. 10.05.2015).

3. Анализ современных тенденций в различных сферах жизни, начиная с фэшн-индустрии, например, о влиянии Китая на мировую моду («China's influence on fashion: At the top of the game both creatively and commercially» (The Independent. 03.05.2015), заканчивая высокими технологиями («Apple is

launching a revival of the watch – but how do we really tell the time in the digital age?» (The Independent. 12.03.2015).

4. Анализ текущих событий/проблем. Здесь вполне могут освещаться вопросы не только напрямую относящиеся к Великобритании, но всему мировому сообществу – от политики до остросоциальных проблем. Так, в публикации под названием «Egypt's quite classroom revolution brings fresh thinking to disadvantaged children» (The Guardian. 11.05.2015) автор обращает внимание читателей на проблему образования детей из трущоб Египта или, к примеру, материал «How representative are our MPs now? More are women, more are from ethnic minorities... but middle-class white men still dominate» (The Guardian. 10.05.2015), в которой политический редактор Дэниел Боффи характеризует последний состав парламента Великобритании.

Исследователь В. Ю. Голубев называет «features» авторскими статьями, направленными «на то, чтобы вызвать интерес читателей к чему-либо <...> автор статьи может попытаться осветить в ней сложную проблему или отстоять точку зрения» [Голубев, 2001, с. 50-51]. Очевидно, ярко выраженная позиция автора, наличие оригинальной интерпретации, образность языка – все это обязательные элементы feature <...> в подобных материалах непременно присутствует герой <...> у журналиста, <...> больше свободы в выборе методик написания и интерпретации события. Автор вправе создавать свою историю такими средствами, которые, по его мнению, помогут раскрыть тему глубже и расставить правильно акценты. Чтобы приблизить читателя к герою или описываемому явлению, используется прием «human touch» – акцентирование внимание на эмоциональной стороне материала. Суть приема в том, чтобы интерпретировать событие через восприятие самого автора или передачу ощущений героя <...> важно личностное отношение к изображаемому, эмоциональность, яркое проявление авторской позиции [Ефимова, 2012, с. 39-40]. Исследуя англоязычные медиатексты, отметим, что «features» никогда не строятся по принципу «перевернутой пирамиды» («the inverted pyramid») – общеизвестный алгоритм структурирования новостных текстов. Скорее их структура напоминает песочные часы («hourglass structure»). Полагаем, что именно такой принцип построения медиатекста группы «feature» способствует реализации приема «human touch». Публикация, построенная по данному принципу, имеет следующую композицию:

- the top (вводная часть – лид и «nut graph»),
- the turn (переход к деталям сообщения),
- the narrative (изложение события детально, включая цитирования героев публикации) [Scanlan, 2014].

По мнению выпускающего редактора издания «The Observer» Никола Дэвиса «feature – это не эссе <...> вам необходимо позвонить и поговорить с человеком, который имеет отношение к тому, о чем вы пишете или лучше встретиться с ним лично» [Davis, 2014]. Обратимся также к наработкам Уильяма Бландела, автора книги «Искусство и мастерство написания текстов Feature» («The Art and Craft of Feature Writing»). Практик предлагает следующие составляющие, которые формируют структуру текстов «feature»:

- лид (the lead),
- вводный параграф (the nut graph),
- основная часть (the body),

– the ending (окончание) [Blundell, 2013].

Исходя из предложенной структуры, очевидно, что при написании текстов группы «feature» авторы ориентируются на принцип «песочных часов». Таким образом, вводная часть публикации (the top) составляет лид и «nut graph», затем переход (the turn) к изложению событий и само повествование (the narrative), которое включает основную часть (the body) и окончание (the ending) – выводы автора. В исследуемых медиатекстах лид и параграфу «nut graph» отводится особое место, они являются обязательными элементами для всех текстов «feature» любой тематики. Вводная часть – это своеобразный «крючок», который должен «зацепить» читателя. Авторы используют настоящее время для написания лида, его длина обычно составляет не более одного-двух предложений, независимо от того, посвящена ли публикация выборам законодательной власти в Великобритании, особенностям профессии чайного дегустатора либо это история о новинке – приложении корпорации Microsoft, которое определяет возраст человека по моментально сделанному фотоснимку:

The barrier between politicians and ordinary citizens must come down in order to achieve true democracy («We need a new kind of politics: a vote every five years is not enough» (The Guardian. 13.05.2015).

A Microsoft computer has spent the morning making people feel bad about themselves - but it says terrible things about famous people as well («How Old Do I Look: Microsoft's age-guessing app is terrible at guessing how old celebrities are, too» (The Independent. 01.05.2015);

A thirst for travel, good practical and communication skills and five years of taste training are part of the craft of a cuppa («How do I become... a tea taster» (The Guardian. 07.10.2014).

Следующим компонентом feature-текста следует «nut graph», где обосновывается новостная ценность публикации, указывается ее цель. Это параграф, который «объясняет вкратце суть публикации <...> акцентирует внимание читателя на том, чем может быть ценен этот материал для аудитории» [What is a nut graph]. Далее в той же последовательности представлены вводные параграфы публикаций, лиды которых мы анализировали выше.

When you stand back and draw breath after this dramatic and surprising general election, there is a deficit in true democracy in the United Kingdom as worrying as the economic deficit. It is related to another kind of deficit: trust. Despite a long and vibrant democratic tradition, the «mother of all parliaments» is failing her children («We need a new kind of politics: a vote every five years is not enough» (The Guardian. 13.05.2015).

Age might be just a number, but when that number is generated by a supposedly highly-intelligent algorithm it can cause more than a few hurt feelings. But the machine also thinks that the 18-year-old Lorde is actually 31, and that its 59-year-old father, Bill Gates, is 77. Many have worried that the app, which can be found at how-old.net, has suggested that they look much older than they are. But so does everyone, it seems – apart from those lucky souls like Madonna, who is identified as less than half her actual age («How Old Do I Look: Microsoft's age-guessing app is terrible at guessing how old celebrities are, too». (The Independent. 01.05.2015).

It was described, in a recent advertisement, as «the best job in the country, but one that few know exists». Successful applicants would travel the world from India to Argentina and their primary function would be to drink tea («How do I become... a tea taster» (The Guardian. 07.10.2014).

После вводного параграфа следует основная часть публикации – «the body», где приводятся доводы, зачастую основанные на собственных наблюдениях автора. Эта часть обычно наполнена необходимыми фактами, может быть также использовано прямое либо косвенное цитирование героев, описывается предыстория события либо поясняется читателю ключевое понятие публикации. Например, в материале о профессии чайного дегустатора журналист Анна Тимс пишет: *«Tea tasting is an art as rarefied as whisky blending or wine connoisseurship, but even the humblest supermarket teabag is the result of hours of expert sipping, grading and blending...» («How do I become... a tea taster» (The Guardian. 07.10.2014).* Переход (the turn) от «nut graph» к основному содержанию публикации обычно выражен в одном предложении в конце вводного параграфа, либо он может быть опущен, если автор не выделяет его в качестве отдельного предложения. Из трех вводных параграфов, представленных выше, только в первой иллюстрации очевидно наличие самого «перехода» к основной части, где репортер говорит об отсутствии доверия к выборам, подчеркивая, что *«despite a long and vibrant democratic tradition, the «mother of all parliaments» is failing her children».* Далее основная часть публикации начинается с приведения статистики о явке избирателей: *«Voter turnout at this election, at 66.1%, although trumpeted as the highest since 1997, was only marginally higher than 2010's 65% and was well behind the 71.4% who voted in Blair's first victory... » («We need a new kind of politics: a vote every five years is not enough» (The Guardian. 13.05.2015).*

Заключение (the ending) в feature-текстах также может быть представлено с использованием различных приемов. Охарактеризуем основные и наиболее встречающиеся:

1. Заключение-выход из сложившейся ситуации.

We need many more mayors leading cities; much more participatory budgeting by local authorities; a North of England and a Midlands assembly; citizens' juries and regular votes and informed debates, both digitally and in public meetings, on issues as critical as immigration, food poverty, the housing crisis, care for the elderly and the future of the NHS. That way we can live up to what the Athenians created and held dear: true democracy.

It is in the mutual self-interest of the state and the citizen to form a new relationship of collaboration. We are all capable and we are all vulnerable. We must work together in that spirit («We need a new kind of politics: a vote every five years is not enough» (The Guardian. 13.05.2015). В тексте автор подчеркивает необходимость создания новой формы взаимоотношений между государством и его гражданами – неподдельной демократии.

2. В заключительной части журналист также может прибегнуть к демонстрации взаимосвязи между началом и окончанием публикации – связующее заключение.

Microsoft has said that the app is still in development, and that it is continuing to learn as it is being used. But some have suggested that the app's ages might be almost random and all those insulted people and celebrities might be part of a huge, terrifying experiment by Microsoft («How Old Do I Look: Microsoft's age-

guessing app is terrible at guessing how old celebrities are, too». (The Independent. 01.05.2015). Резюмирующую часть публикации автор напрямую связывает с началом материала, так как в «nut graph» он говорит о несовершенстве программного приложения, которое все еще совершает ошибки, указывая, что Биллу Гейтсу 77 лет, а не 59 как есть на самом деле: «...the app is still in development» («...приложение все еще дорабатывается»).

3. Заключение-цитата. В итоговой части автор цитирует главного героя публикации, таким образом, вывод делает сам интервьюируемый. Заключение такого содержания встречается в profile-текстах, а также в «human interest stories»:

Oakley relied on budget tea bags before his induction into gourmet blends and, like most of the British population, he had little contact with the ingredients of his daily brew. The subtlety, texture and infinite variety of tea that makes tasting such an art were a revelation, as was the passion invested in a drink that's so much taken for granted. The most memorable revelation of his career occurred, he says, at a tea factory in Darjeeling. «The first production of the season is worth a lot simply because it's the first – like in the old days when the clipper ships raced each other to get the first consignment of tea to England», he says. “I got up in the middle of the night to watch this first batch of leaves be completed and the pride which the factory manager took in it was something I'd never experienced before. He was nurturing it like a child» («How do I become... a tea taster» (The Guardian. 07.10.2014).

Важно, что структура рекомендательных feature-текстов отличается от других текстов этой группы, точнее основная часть публикации включает подзаголовки. В начале эти тексты также содержат заголовок, лид и «nut graph». Однако, например в публикации «How to start a... coffee shop», уже начиная с лида, репортер издания «Гардиан» Лотти О'Конер стремится привлечь читателя к содержанию своей публикации, используя повелительное наклонение – побуждение к действию:

Focus on the quality of your product, face up to the big chains and don't assume that high margins mean easy money, say our experts («How to start a... coffee shop» (The Guardian. 14.05.2015).

Основная часть рекомендательных текстов включает подзаголовки – своего рода инструкции. Так, в приведенном выше материале об открытии кофейного бизнеса журналист, опираясь на советы экспертов в этой области, резюмирует сказанное в форме алгоритма действий с использованием прямого цитирования. Публикация содержит следующие части: Don't fear the competition, A high margin doesn't always equal big profits, Do something different, Quality is everything, The right team creates the right atmosphere, Know your niche, Be realistic, Getting started. В подобных текстах автор не приводит отдельного заключительного параграфа в конце публикации, вероятно в виду того, что каждая часть текста вкратце раскрывает задачу, поставленную в подзаголовке публикации, например:

Be realistic

In the hospitality industry, work doesn't stop when you put up the «closed» sign. If you want your business to be a success you need knowledge, passion and an unshakeable work ethic: this is a 24/7 business, and you must be realistic about the sacrifices it involves.

«You need to be at the top of your game to encourage new customers and retain existing ones. This requires a relentless approach to robust retailing, backed up by the product and service», says Fernandez.

Ross adds: «It never stops, even when we are closed, there is something else that needs to be done. You need to love coffee, and love customers as they are your business. As a lot of our business is wholesale [of roasted beans] we see a lot of cafe startups that fail – that's the untold story».

Итак, проанализировав медиатексты группы «feature» на материале качественных британских изданий, мы пришли к выводу, что исследуемые публикации представляют собой отдельную группу текстов довольно обширного тематического спектра. Рассматриваемые тексты зачастую представлены в отдельной рубрике либо подрубрике «Features». В нашей работе с опорой на анализируемый контент, мы предприняли попытку дифференцировать feature-публикации. Учитывая приведенную в тексте данной статьи классификацию «features», основными функциями медиатекстов этой группы выступают информативная, аналитическая, развлекательная, рекомендательная и дескриптивная. В целом каждая из указанных функций может быть представлена в текстах feature-группы, однако, исходя из цели медиатекста превалирование одной очевидно. Основная цель всех публикаций группы «feature» – эмоциональное вовлечение читателя, поэтому структурирование большинства «features» осуществляется исходя из принципа «песочных часов», где уже в начале текста автор материала всегда стремиться заинтересовать читателя, не только с помощью заголовка, но также лида и вводного параграфа «nut graph», переходя затем к основной части повествования, обязательно завершая публикацию ярким выводом. Таким образом, как композиция, так и содержание «features» работают на реализацию ключевого приема «human touch».

Список литературы

1. Голубев В.Ю. 2001. Американская пресса в свете функциональной стилистики: субъективные жанры. Лингвистическая мозаика. Наблюдения, поиски, открытия. Волгоград. Вып.2: 47-55.
2. Добросклонская Т.Г. 2005. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М., Едиториал УРСС, 288.
3. Ефимова С.И. Языковые особенности жанра feature (на материале журналов «GEO» и «GEO TRAVELLER»). Журналистский ежегодник. Томск, НИУ «ТГУ». № 1: 38-39.
4. Михайлов С.А. 2004. Журналистика Соединенных Штатов Америки. СПб., Изд-во Михайлова В.А., 447.
5. Тертычный А. А. 2002. Жанры периодической печати. М., Аспект-Пресс, 319.
6. Blundell W. 2013 Feature Writing [Show me stories. Features]. Available at: <http://blundellfeaturessac.blogspot.ru/> (accessed 1 May 2015).
7. Corrigan R. 1993. Breaking into print with feature articles. Writer. V. 106. Iss. 11: 12-15.
8. Davis N. 2014 How to Write a Science Feature (The Guardian). Available at: <http://www.theguardian.com/science/2014/apr/10/write-science-feature-welcome-trust-writing-prize> (accessed 15 March 2015).
9. Hodgson F.W. 1984. Modern Newspaper Practice. London, 208.
10. Hornby A.S. 1995. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford : Oxford University Press, 1428.
11. Kosir M. 1988. Towards a theory of the journalistic text. Media, Culture and Society. London. SAGE., Vol. 10: 345-361.
12. Learning Network (The New York Times). Available at: <https://www.nytimes.com/learning/general/specials/weblines/431.html> (accessed 25 March 2014).
13. Powers W. 2001. Features out front. National Journal. Vol. 33. Iss. 39: 3017.

14. Rogers T. What Are Feature Stories? A More Leisurely Pace, A Focus on the Personal (About News). Available at: <http://journalism.about.com/od/writing/a/whatarefeatures.htm> (accessed 25 April 2015).

15. Ryen B. Feature Writing (SNN Newsroom). Available at: http://www.snn-rdr.ca/snn/nr_reporterstoolbox/featurewriting.html (accessed 30 April 2015).

16. Scanlan C. 2014. The Hourglass: Serving the news, serving the reader (Poynter. A global leader in journalism). Available at: <http://www.poynter.org/news/media-innovation/12624/the-hourglass-serving-the-news-serving-the-reader/> (accessed 12 May 2015).

17. What is a nut graph. Available at: <http://www.thenutgraph.com/about/> (accessed 5 May 2015).

ПСИХОЛОГИЯ

УДК: 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ АНТИЦИПАЦИОННО-ПРОГНОСТИЧЕКОЙ СИСТЕМЫ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ FEATURES OF ANTICIPATORY AND PROGNOSTIC SYSTEM IN ADOLESCENT AGE

А.И. Ахметзянова
A.I. Akhmetzyanova

Казанский Федеральный университет
Kazan Federal University

КФУ, Россия, 420000, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18
Kazan Federal University, 18, Kremlyovskaya St., Kazan, 420000, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования антиципационно-прогностической системы подростков. Как у подростков, так и у юношей выявлен средний уровень антиципационной состоятельности; у подростков общая антиципационная состоятельность складывается из личностно-ситуативной антиципационной состоятельности, пространственной и временной антиципационной несостоятельности. В юношеском возрасте общая антиципационная состоятельность складывается из личностно-ситуативной антиципационной состоятельности и пространственной и временной антиципационной несостоятельности.

Abstract. The paper discusses the results of adolescents' antisipatory and prognostic system study. Both the adolescents and youngsters have the middle level of anticipatory ability. The adolescents' and youngsters' common anticipatory ability comprises the personal situational anticipatory ability and special and temporal anticipatory disability.

Ключевые слова: антиципационная состоятельность, прогнозирование, подростковый возраст.
Keywords: anticipatory ability, prognosis, adolescent age.

Введение

Понятие антиципация в пространство научных исследований введен В. Вундтом (1880). Термин чем за столетие претерпел существенной трансформации в системе психологического знания. Существенным образом изменился объем и динамика. С одной стороны, подростковый возраст является сенситивным в отношении формирования антиципации и

прогнозирования, с другой стороны, исследованием антиципации в подростковом возрасте занимались всего лишь 5% и прогнозированием 2 % [1].

Методологическая логика исследования предполагала осуществление библиометрического анализа изучаемого объекта. В качестве объекта выступает феномен антиципации и прогнозирования. Глубина библиометрического анализа составила 10 лет (2004-2014 гг.) [1].

Анализ осуществлялся по информационному пространству научно-электронной библиотеки eLibrary по ключевым словам (антиципация, прогнозирование) в разделе психология. Общий объем найденных публикаций по феномену антиципации составил 56, по феномену прогнозированию 883 [1].

Осуществляя оценку динамики научных исследований по феномену антиципации по годам (2004-2014 гг.) выявлено, что в период с 2004-2006 года количество публикаций не представлены в системе РИНЦ, с 2007 года количество публикаций монотонно возрастает (см. табл. 1).

Таблица 1

**Частотный анализ публикационной активности за период 2004-2014 гг.
в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
по феномену антиципации**

Год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Кол-во публикаций	0	1	1	4	2	4	9	5	6	17	7

Осуществляя оценку динамики научных исследований по прогнозированию по годам (2004-2014 гг.) выявлено, что с 2004 года количество публикаций в системе РИНЦ [1] монотонно возрастает (см. табл. 2).

Данная тенденция указывает, с одной стороны на положительную исследовательскую динамику, с другой стороны на не высокую активность в изучении феноменов антиципации и прогнозирования.

Таблица 2

**Частотный анализ публикационной активности за период 2004-2014 гг.
в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
по феномену прогнозирования**

Год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Кол-во публикаций	9	19	30	34	48	82	112	114	115	171	99

В рамках библиометрического анализа осуществлялся и тематический анализ объекта исследования – феномена антиципации. Тематика исследования сиктарировалась по критерию возрастной периодизации (см. рис. 1).

Организация и методы исследования

Психодиагностические методы: Тест антиципационной состоятельности (прогностической компетентности) (В.Д. Менделевич) [Менделевич, 3]; Методика-тест «Способность к прогнозированию» (Л.А. Ретуш) [Ретуш, 4]. Статистическая обработка осуществлялась с использованием методов описательной и сравнительной статистики. Методы описательной включают в

себя описание средних значений ($\bar{X}$), моды (M_o), медианы (M_e), среднего квадратичного отклонения (σ), минимального ($\min$) и максимального ($\max$) значений. В качестве методов сравнительной статистики были использованы корреляционный анализ, непараметрический критерий U- критерий Манна-Уитни для оценки значимости различий в уровне исследуемого признака для двух несвязанных выборок ; структурный анализ по обобщенным показателям индекса организованности, интегрированности и дифференцированности структуры (А. В. Карпов) [Карпов, Скитяева2].

Исследование проводилось на базе МБОУ «Средней общеобразовательной школе № 27 имени А.А. Дейнеки», Курского Государственного Медицинского университета, ОБПОУ «Курского электромеханического техникума». Общий объем выборки составил 190 человек в возрасте от 12 до 21 года.

Экспериментальную группу составили подростки (100 человек, количество мальчиков – 48, девочек-52 человека). Возраст испытуемых экспериментальной группы варьировался для девочек (от 12-15), для мальчиков (от 13-16) лет. В контрольную группу вошли 90 человек юношеского возраста (учащиеся средних специальных учреждений СП) – 45 человек и юноши (студенты высших учебных заведений) – 45 человек. Возраст испытуемых контрольной группы варьировался от 17 до 21 лет для юношей, от 16 до 20 для девушек (табл. 3).

Таблица 3

Количественно-качественная характеристика выборки

группа	Общее количество	Социальный статус			Гендерные особенности	
		Юноши (студенты высших уч. заведений)	Юноши (учащиеся СП учреждений)	Подростки	маль- чики	девочки
Э-Подростковый возраст	100	-	-	100	48	52
К-Юношеский возраст	90	45	45	-	45	45

Исследовательские группы уравнивались по следующим показателям: социальный статус-все подростки учащиеся общеобразовательных учреждений, все юноши учащиеся средне специальных учреждений. Юноши уравнивались в соответствии 50% на 50% . И способом константных условий формировалась организация исследования(исследование проводилось в первой половины дня, индивидуально, с предъявлением единообразного стимульного материала, инструкцией и мотивированием. Выборки уравнивались по гендорному основанию (50% на 50%).

Результаты исследования

Осуществляя статистический анализ показателей антиципационной состоятельности у подростков выявлено, что общий уровень антиципационной

состоятельности у подростков соответствует уровню антиципационной состоятельности ($\bar{X} \pm \sigma = 256,10 \pm 20,35$) (табл. 4). Антиципационная состоятельность понимается, как способность личности с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственные реакции на них, действовать с временно-пространственным упреждением [Менделевич, 3].

Таблица 4

**Значения описательной статистики показателей антиципационной
состоятельности, способности к прогнозированию у подростков
(в балльных значениях)**

Показатели описательной статистики	Антиципационная состоятельность				способность к прогнозированию
	личностно- ситуативная	пространственная	временная	общая	
$\bar{X}$	168,75	49,34	38,01	256,10	9,74
σ	12,49	8,74	6,29	20,35	2,21
min	116	25	23	197	4
max	198	66	55	302	16
Mo	181	46	39	262	9
Me	168	49	38	258,5	10

В подростковом возрасте уровень антиципации и прогнозирования характеризуется способностью к вероятностному предвосхищению событий, ситуаций, собственных реакций.

Тем не менее, общая антиципационная состоятельность в подростковом возрасте складывается из суммы показателей личностно-ситуативной, пространственной и временной антиципационной состоятельности. Особенностью антиципации и прогнозирования в подростковом возрасте является то, что общая антиципационная состоятельность складывается из личностно-ситуативной антиципационной состоятельности при пространственной и временной антиципационной несостоятельности. Личностно-ситуативная антиципационная состоятельность отражает коммуникативный уровень антиципации, т.е. способность прогнозировать жизненные события и ситуации. Пространственная антиципационная несостоятельность демонстрирует не способность предвосхищать движение предметов в пространстве, упреждать их, координировать собственные движения, проявляя моторную ловкость. Временная антиципационная несостоятельность характеризуется не способностью прогнозировать течение времени и точно распределять его.

Основной вклад в подростковом возрасте (66 %) в общую антиципационную состоятельность внесла личностно-ситуативная антиципационная состоятельность, которая отражает коммуникативный уровень антиципации, т.е. способность прогнозировать жизненные события и ситуации.

Осуществляя статистический анализ показателя способность к прогнозированию у подростков (по методике способность к прогнозированию Л.А. Ругуш) (см. табл. 4) среднее значение ($\bar{X} \pm \sigma = 9,74 \pm 2,21$) соответствует среднему уровню способности к прогнозированию, при высокой гетерогенности результатов ($\max - \min = 16 - 4 = 12$), что превышает значение среднего показателя по выборке. Данный разброс указывает на существенную

вариативность прогностической активности подростков. Средний уровень прогнозирования характеризуется построением двух вариантов прогноза, основанных на существенных условиях, но по-прежнему с учетом несущественных.

Осуществляя статистический анализ показателей антиципационной состоятельности выявлено, что общий уровень антиципационной состоятельности у студентов соответствует уровню антиципационной состоятельности ($\bar{X} \pm \sigma = 256,40 \pm 20,75$) (табл. 5).

Таблица 5

Значения описательной статистики показателей антиципационной состоятельности, способности к прогнозированию у юношей (в бальных значениях)

показатели описательной статистики	Антиципационная состоятельность				способность к прогнозированию
	личностно-ситуативная	пространственная	временная	общая	
$\bar{X}$	167,28	50,93	38,19	256,40	10,17
σ	12,70	7,42	6,97	20,75	2,26
min	131	36	22	211	4
max	194	68	54	301	15
Mo	177	46	43	268	11
Me	168	51	38	259,5	10

Таким образом, у студентов сформирована на достаточном уровне способность к вероятностному предвосхищению событий, ситуаций, собственных реакций. В данном случае общая антиципационная состоятельность складывается из личностно-ситуативной антиципационной состоятельности и пространственной и временной антиципационной несостоятельности.

Осуществляя статистический анализ показателя способность к прогнозированию у студентов (по методике способность к прогнозированию Л.А. Регуш) (см. табл. 5) среднее значение ($\bar{X} \pm \sigma = 10,17 \pm 2,26$) соответствует среднему уровню способности к прогнозированию, при высокой гетерогенности результатов ($\max - \min = 15 - 4 = 11$), что превышает значение среднего показателя.

Анализ взаимосвязей параметров антиципационно-прогностической системы подростков осуществлялся с использованием метода корреляционного анализа (г-критерий ранговой корреляции Спирмена, $p \leq 0,05$). Осуществляя оценку взаимосвязи показателей личностно-ситуативной, пространственной, временной и общей антиципационной состоятельности, способности к прогнозированию у подростков с использованием корреляционного анализа были получены следующие результаты: структура взаимосвязей показателей личностно-ситуативной, пространственной, временной и общей антиципационной состоятельности, способности к прогнозированию у подростков составляет 10 взаимосвязей. Из них 8 значимых взаимосвязей и прямо пропорционально направленных (см. табл. 6).

Таблица 6

Коэффициенты корреляции показателей антиципационной состоятельности, способности к прогнозированию и временной перспективы у подростков (Р, Спирмен ($p \leq 0,05$))

Показатель	Личностно-ситуативная	пространственная	временная	общая
личностно-ситуативная	1,00			
пространственная	0,18	1,00		
временная	0,32*	0,43*	1,00	
общая	0,78*	0,67*	0,67*	1,00
способн.к прогнозированию	0,24*	0,27*	0,17	0,34*

* – значимость взаимосвязи.

Анализ организованности структуры антиципационной состоятельности и способности к прогнозированию у подростков характеризуется показателями когерентности, дивергентности, индексом организованности структуры. Когерентность является показателем интегрированности, синтезированной и сплоченности качеств в целостной структуре. Индекс когерентности структуры (ИКС): определяется по формуле: (количество положительных взаимосвязей при $p \leq 0,05$ умноженное на 2) + (количество положительных взаимосвязей, при $p \leq 0,01$ умноженное на 3). Индекс дивергентности структуры показывает степень дифференцированности, «раздробленности», но открытости и пластичности структуры. Индекс дивергентности структуры (ИДС): (количество отрицательных взаимосвязей при $p \leq 0,05$ умноженное на 2) плюс (количество отрицательных взаимосвязей при $p \leq 0,01$ умноженное на 3). Индекс организованности структуры (ИОС): определяется по формуле: ИКС-ИДС и указывает на меру доминирования интегративных механизмов структуры над дезинтегративными.

В результате анализа организованности структуры антиципационной состоятельности и способности к прогнозированию у подростков были получены следующие результаты: индекс когерентности структуры у подростков составляет 64; индекс дивергентности структуры у подростков равен нулю; индекс организованности структуры у подростков равен 64.

Описывая систему взаимосвязей, выявлена значимая корреляция между временной и личностно-ситуативной антиципационной состоятельностью (0,32*), общей и личностно-ситуативной антиципационной состоятельностью (0,78*), личностно-ситуативной антиципационной состоятельностью и способностью к прогнозированию (0,24*) прямо пропорционально направленным, что характеризуется при увеличении одних показателей увеличиваются другие. Также выявлены значимые взаимосвязи между пространственной и временной (0,43*), а также общей (0,67*) антиципационной состоятельностью; способностью к прогнозированию (0,27*) и общей антиципационной состоятельностью прямо пропорционально направленным. Так же между общей (0,67*) антиципационной состоятельностью и временной антиципационной состоятельностью прямо пропорционально направленным.

Осуществляя корреляционный анализ показателей личностно-ситуативной, пространственной, временной и общей антиципационной состоятельности, способности к прогнозированию у юношей были получены следующие результаты: структура взаимосвязей показателей личностно-ситуативной, пространственной, временной и общей антиципационной состоятельности, способности к прогнозированию у юношей составляет 10 взаимосвязей, которые являются статистически значимыми прямо пропорциональными (табл. 7).

Таблица 7

Коэффициенты корреляции показателей антиципационной состоятельности, способности к прогнозированию, временной перспективы у юношей (Р, Спирмен ($p \leq 0,05$))

Показатель	Личностно-ситуативная	Пространственная	Временная	Общая
Личностно-ситуативная	1,00			
Пространственная	0,31*	1,00		
Временная	0,46*	0,26*	1,00	
Общая	0,88*	0,61*	0,69*	1,00
Способн.к прогнозированию	0,30*	0,25*	0,24*	0,32*

* – значимость взаимосвязи.

Осуществляя анализ организованности структуры антиципационной состоятельности и способности к прогнозированию у юношей были получены следующие результаты: индекс когерентности структуры у юношей составляет 42; индекс дивергентности структуры у юношей равен 0; индекс организованности структуры у юношей 42.

Описывая значимые взаимосвязи выявлена значимая корреляция между пространственной (0,31*), временной (0,46*), общей (0,88*) антиципационной состоятельностью, способностью к прогнозированию (0,30) и личностно-ситуативной антиципационной состоятельностью прямо пропорционально направленных, что характеризуется при увеличении одних показателей увеличиваются другие. Выявлены значимые взаимосвязи между временной (0,26*), общей (0,61*) антиципационной состоятельностью, способностью к прогнозированию (0,25*) и пространственной антиципационной состоятельностью. Так же между общей (0,69*) антиципационной состоятельностью, способностью к прогнозированию (0,24*) и временной антиципационной состоятельностью прямо пропорционально направленных. Получены значимые взаимосвязи между способностью к прогнозированию (0,32*) и общей антиципационной состоятельностью прямо пропорционально направленных.

На основании полученных результатов исследования антиципационно-прогностической системы подростков выявлены следующие тенденции:

- как у подростков так и у юношей выявлен средний уровень антиципационной состоятельности; у подростков общая антиципационная состоятельность складывается из личностно-ситуативной

антиципационной состоятельности (отражающей коммуникативный уровень антиципации, т. е. способность прогнозировать жизненные события и ситуации), пространственной (характеризующей способность предвосхищать движение предметов в пространстве, упреждать их, координировать собственные движения, проявляя моторную ловкость) и временной антиципационной несостоятельности (проявляющейся в способности прогнозировать течение времени и точно распределять его);

- в юношеском возрасте общая антиципационная состоятельность складывается из личностно-ситуативной антиципационной состоятельности и пространственной и временной антиципационной несостоятельности.

Способность к прогнозированию как в подростковом, так и юношеском возрасте характеризуется средним уровнем прогнозирования, но в юношеском возрасте наблюдается положительная динамика формирования прогнозирования. В результате оценки общей организованности структуры взаимосвязей антиципационной состоятельности и прогнозирования в подростковом и юношеском возрасте выявлены противоречия. С одной стороны, индекс организованности структуры у юношей ниже, чем у подростков; с другой стороны уровень когерентности структуры в юношеском возрасте значительно выше, чем в подростковом возрасте. Когерентность обладает свойством интегрированности, обеспечивая устойчивость взаимосвязи антиципационно-прогностической системы. Индекс дивергентности структуры как показатель дифференцированности и пластичности как в подростковом, так и в юношеском возрасте отсутствует. Таким образом онтогенетическим преимуществом организованности структуры в юношеском возрасте является структура взаимосвязи антиципации и прогнозирования, которая сочетает свойства пластичности и интегрированности.

Список литературы

1. Научная электронная библиотека eLibrary [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://elibrary.ru/defaultx.asp>, свободный (дата обращения: 22.04.2015)
2. Карпов А.В., Скитяева И.М. 2005. Психология метакогнитивных процессов личности. – М.: Издательство «Институт психологии РАН». – 352 с.
3. Менделевич В.Д. 1996. Антиципационные механизмы неврозогенеза // Психологический журнал. – №4. – С.107-115.
4. Ретуш Л.А., 2003. – Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. – СПб.: Речь, 352 с.

УДК 159.923.2

**МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ РЕДУКЦИИ ДОСТИЖЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СОРДсд)**
**RESEARCH METHODOLOGY FOR THE REDUCTION ACHIEVEMENTS
IN THE CONDITIONS OF SERVICE PERFORMANCE (SARAsp)**

**В.Б. Никишина¹⁾, С.А. Сироткин²⁾, А.А. Кузнецова¹⁾,
Ю.В. Золотухина¹⁾**
V.B. Nikishina, S.A. Sirotkin, A.A. Kuznetsova, Y.V. Zolotukhina

- 1) Курский государственный медицинский университет Минздрава России
Kursk State Medical University of the Russian Health Ministry
2) ФКУЗ «Медико-санитарная часть МВД России по Курской области»
Health Service of the Russian Interior Ministry in the Kursk region

E-mail: vbnikishina@mail.ru, Sersirotkin@yandex.ru,
kuznetsova.a8o@mail.ru,

Аннотация. Концептуализирована и стандартизирована авторская методика субъективной оценки редукции достижений в условиях служебной деятельности (СОРДсд). Диагностический ресурс методики направлен на оценку интегрального показателя субъективной оценки степени выраженности редукции достижений и реализуется через соотнесение актуализированных достижений, ожидаемых достижений, субъективную ценность достижений. Достижения содержательно дифференцируются по сферам: карьера, саморазвитие, финансы.

Abstract. The paper conceptualizes and standardizes the author method for the subjective assessment of reduction achievements in the conditions of service performance (SARAsa). The diagnostic resource of the methodology aims at evaluating the integral index of subjective evaluation of the severity of the reduction achievements and implemented through the mapping updated achievements, expected accomplishments, the subjective value of achievements. The achievements are conceptually differentiated by areas: career, self-development, finance.

Ключевые слова: психодиагностика, профессиональная мотивация, редукция достижений, служебная деятельность.

Keywords: diagnostics, professional motivation, reduction achievements, service activities.

Введение

Профессиональная мотивация критерируется в показателях удовлетворенности и успешности деятельности. Деятельность демотивируется при синхронном снижении ее достижений и их ценности [6], т.е. в состоянии редукции профессиональных достижений. Традиционно явление редукции профессиональных достижений в психологии рассматривается в связи с состоянием эмоционального и психического выгорания (А. Pines, Е. Aronson, (1981); С. Maslach, S.E. Jackson, (1984); В. Perlman, Е.А. Hartman, (1982); В.В. Бойко (1999); А.А. Рукавишников, (2001)) [2, 11, 13, 14, 15]. В настоящее время по данным информационной базы e-library более трех тысяч научных публикаций посвящены изучению различных аспектов редукции профессиональных достижений как в контексте изучения самостоятельного феномена, так и в контексте изучения его в структуре состояния выгорания [3, 4]. Тематический анализ исследований по данному направлению позволил выделить следующие

блоки: особенности проявления редукции профессиональных достижений (1663 публикации), профилактика редукции профессиональных достижений (481 публикация), редукция профессиональных достижений в педагогической деятельности (269 публикаций), редукция профессиональных достижений в медицинской деятельности (593 публикации) [1].

Редукция профессиональных достижений может проявляться в снижении чувства компетентности в своей работе; уменьшении ценности своей работы; ограничении своих обязанностей по отношению к другим; в негативных чувствах или проявлениях; в переживании чувства вины; снижении трудовой мотивации; чувстве собственной несостоятельности, безразличии к работе (Орел В.Е., Филипп Дж. Дэйв, Кэри Л. Купер, Майкл П. О'Драйсколл) [9, 12].

Традиционно показатель редукции профессиональных достижений оценивается по одному или нескольким параметрам многошкальных методик. Так в опроснике выявления эмоционального выгорания МВИ (К. Маслач и С. Джексон) включена шкала «редукция личных достижений»; в опроснике «Оценка уровня мотивации сотрудников» (А. Хайэм) шкалы: «оценка удовлетворения от работы», «оценка планов на будущее», «оценка стремления добиться лучших результатов», «оценка добровольного вклада в работу»; в опроснике «Диагностика мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильман) через показатель «социальная полезность»; в методике «Утрехтская шкала вовлеченности в работу» (В. Шауфели в адаптации Д.А. Кутузовой) через определение уровня вовлеченности в трудовую деятельность. Несмотря на данное многообразие психодиагностических методик инструментария позволяющего выявлять наличие или отсутствие редукции достижений в условиях служебной деятельности с учетом специфики нет.

Теоретически предпосылки методики диагностики редукции достижений в условиях служебной деятельности

А.А. Рукавишниковым (2001) профессиональная мотивация рассматривается через уровень рабочей мотивации и энтузиазма по отношению к работе альтруистического содержания; характеризуется продуктивностью профессиональной деятельности, оптимизмом и заинтересованностью в работе, самооценкой профессиональной компетентности и степени успешности в работе с людьми. Снижение профессиональной мотивации (демотивация) проявляется на трех уровнях: межличностном (неудовлетворенность работой и отношениями в коллективе); личностном (заниженная самооценка, неудовлетворенность собой как профессионалом. Чувство низкой профессиональной эффективности и отдачи); мотивационном (снижение потребности в достижениях) [11]. Профессиональную демотивацию в структуре состояния выгорания описывает В.В. Бойко (1999), обозначая как симптом «редукции профессиональных обязанностей» на фазе резистенции, проявляющийся в попытке облегчения или сокращения обязанностей, которые требуют эмоциональных затрат [2]. По мнению С. Maslach, S.E. Jackson (1984) на высокий уровень выгорания указывают высокие показатели эмоционального истощения и деперсонализации при низкой профессиональной эффективности, характеризующейся редукцией профессиональных достижений (чем ниже человек оценивает свои возможности и достижения, меньше удовлетворен самореализацией в профессиональной сфере, тем больше выражен синдром выгорания) [14].

В качестве концептуального основания методики субъективной оценки редукации достижений в условиях служебной деятельности выступали положения общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева (1975), С.Л. Рубинштейна (1940), в которой в качестве результирующей профессиональной деятельности рассматриваются достижения как уже реализованные, так и запланированные [5,10]. В качестве диагностического показателя в методике введен интегральный показатель субъективной оценки степени выраженности редукации достижений в условиях служебной деятельности.

Концептуализируя диагностический инструментарий мы руководствовались следующими положениями: на редукацию достижений указывает снижение количества ожидаемых достижений в сравнении с достигнутыми; на редукацию как в актуальном так и ожидаемом времени указывает снижение субъективной ценности достижений; включая в систему субъективной оценки выбор количества достижений и присваивая ему субъективную значимость как в достигнутом, так и в ожидаемом контекстах; достижения являются редуцированными в случае игнорирования их при выборе и (или) обесценивании при присвоении важности [7, 8].

Процедура стандартизации

Процесс разработки и стандартизации методики осуществлялся в несколько этапов. С целью формирования списка достижений в условиях служебной деятельности на первом этапе респондентам предлагалось написать свои достижения в служебной деятельности (уже достигнутые и потенциально возможные). Методом частотного анализа в соответствии с законом нормального распределения ($\chi \pm \sigma$) были выделены 30 достижений, которые содержательно распределялись на три группы: карьерные достижения, достижения саморазвития, финансово-экономические достижения. Таким образом, в окончательный вариант методики вошли 30 достижений, сгруппированных в три сферы (по 10 достижений в каждой) и включенные в две формы бланка ответов: форму А, характеризующую уже реализованные достижения, и форму Б, характеризующую потенциально возможные достижения в условиях служебной деятельности.

Процедура методики субъективной оценки редукации достижений в условиях служебной деятельности включает в себя два этапа, соответствующие этапам работы с бланковыми формами. На первом этапе испытуемым предлагается заполнить форму А бланка с перечнем возможных достижений, связанных со служебной деятельностью, выбрав те достижения (не менее одного), которые, по мнению самого испытуемого, являются уже достигнутыми. Далее необходимо оценить важность выбранных достижений в баллах, распределив между ними не более 30 баллов и не менее одного балла по усмотрению испытуемого (табл. 1).

Таблица 1

Форма А

№	Перечень достигнутых достижений	Отметка о выборе «+»	Оценка важности в баллах
1	2	3	4
1	Вышестоящая должность		
2	Практические стажировки		
3	Получение очередного звания		
4	Освоение новых компьютерных технологий		

Окончание табл. 1

1	2	3	4
5	Сертификация профессиональных компетенций		
6	Приобретение недвижимости		
7	Отдых и путешествия		
8	Получение правительственных наград		
9	Досрочное присвоение очередного специального звания		
10	Написание и защита диссертации		
11	Профессиональная переподготовка		
12	Образование своих детей		
13	Личный счет в банке		
14	Приобретение автомобиля		
15	Получение наград на уровне учреждения		
16	Получение дополнительного профессионального или высшего образования		
17	Получение звания кандидата или мастера спорта		
18	Участие и/или победа на соревнованиях различного уровня		
19	Членство в общественных комиссиях		
20	Победы на профессиональных конкурсах		
21	Получение пенсии за выслугу лет		
22	Написание научных трудов		
23	Выполнение социальных проектов		
24	Получение классности в профессиональной деятельности		
25	Присвоение специального звания на одну ступень выше звания, предусмотренного по занимаемой должности		
26	Стимулирующие надбавки и премии		
27	Награждение почетным знаком «Заслуженный сотрудник МВД РФ»		
28	Преподавание в ВУЗе		
29	Владение иностранным языком		
30	Доход выше среднего прожиточного минимума		

На втором этапе процедуры предлагается заполнить бланк регистрации формы Б с инструкцией выбрать из того же списка достижения, которые являются ожидаемыми, потенциально достижимыми в условиях служебной деятельности и оценить их важность.

Процедура расчета интегрального показателя субъективной оценки степени выраженности редукции достижений осуществляется по бланку обработки результатов (табл. 2).

Таблица 2

Бланк обработки результатов

Название	Сокращенное обозначение	Формула	Содержание	Результат
1	2	3	4	5
Количество карьерных достигнутых достижений	$K_{дк}$	Количество выборов по 1, 3, 8, 9, 15, 17, 19, 20, 25, 27 (форма А)	Количество достижений, которое Вы считаете достигнутым в карьерной сфере	
Количество достигнутых достижений в сфере саморазвития	$K_{дс}$	Количество выборов по 2, 4, 5, 10, 11, 16, 18, 22, 23, 29 (форма А)	Количество достижений, которое Вы считаете достигнутым в плане саморазвития	

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5
Количество финансово-экономических достижений	К _{дф-э}	Количество выборов по 6, 7, 12, 13, 14, 21, 24, 26, 28, 20 (форма А)	Количество финансово – экономических достижений, которое Вы считаете достигнутым	
Количество карьерных ожидаемых достижений	К _{ок}	Количество выборов по 1, 3, 8, 9, 15, 17, 19, 20, 25, 27 (форма Б)	Количество достижений, которые вы планируете достигнуть в сфере карьеры	
Количество ожидаемых достижений в саморазвитии	К _{ос}	Количество выборов по 2, 4, 5, 10, 11, 16, 18, 22, 23, 29 (форма Б)	Количество достижений, которые вы планируете реализовать в будущем в плане саморазвития	
Количество финансово-экономических ожидаемых достижений	К _{оф-э}	Количество выборов по 6, 7, 12, 13, 14, 21, 24, 26, 28, 20 (форма Б)	Количество достижений, которое вы планируете в финансово-экономическом плане	
Вес важности карьерных достигнутых достижений	В _{дк}	Сумма баллов по 1, 3, 8, 9, 15, 17, 19, 20, 25, 27 (Форма А)	Субъективная важность карьерных достигнутых достижений по 30 балльной шкале	
Вес важности достигнутых достижений в саморазвитии	В _{дс}	Сумма баллов по 2, 4, 5, 10, 11, 16, 18, 22, 23, 29 (Форма А)	Субъективная важность достигнутых достижений по саморазвитию по 30 балльной шкале	
Вес важности финансово-экономических достигнутых достижений	В _{дф-э}	Сумма баллов по 6, 7, 12, 13, 14, 21, 24, 26, 28, 20 (Форма А)	Субъективная важность финансово - экономических достигнутых достижений по 30 балльной шкале	
Вес важности карьерных ожидаемых достижений	В _{ок}	Сумма баллов по 1, 3, 8, 9, 15, 17, 19, 20, 25, 27 (Форма Б)	Субъективная важность достижений, которые планируете в карьере по 30 балльной шкале	
Вес важности ожидаемых достижений в саморазвитии	В _{ос}	Сумма баллов по 2, 4, 5, 10, 11, 16, 18, 22, 23, 29 (Форма Б)	Субъективная важность достижений, которые планируете в карьере по 30 балльной шкале	
Вес важности финансово-экономических ожидаемых достижений	В _{оф-э}	Сумма баллов по 6, 7, 12, 13, 14, 21, 24, 26, 28, 30 (Форма Б)	Субъективная важность достижений, которые планируете в карьере по 30 балльной шкале	
Общий вес важности достигнутых достижений	ОВ _{дд}	Сумма всех распределенных баллов	Субъективная важность всех достигнутых достижений	
Общий вес важности ожидаемых достижений	ОВ _{од}	Сумма всех распределенных баллов	Субъективная важность всех ожидаемых достижений	

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5
Общее количество достигнутых достижений	$OK_{дд}$	$OK_{дд} = K_{дк} + K_{дс} + K_{дф-э}$	Общее число выбранных достижений, которые Вы считаете достигнутыми в результате педагогической деятельности	
Общее количество ожидаемых достижений	$OK_{од}$	$OK_{од} = K_{ок} + K_{ос} + K_{оф-э}$	Общее число выбранных достижений, которые Вы ожидаете достичь в результате педагогической деятельности	
Интегральный показатель субъективной оценки степени выраженности редукции достижений	РД	$РД = \frac{OK_{дд} * OB_{дд}}{OK_{од} * OB_{од}}$	Числовое выражение наличия/отсутствия редукции профессиональных достижений. Отношение произведения общего количества достигнутых достижений и общего веса достигнутых достижений к произведению общего количества ожидаемых достижений и общего веса ожидаемых достижений	

Полученный интегральный показатель субъективной оценки степени редукции достижений (РД) сравнивается с эталонной таблицей значений (Таблица 3)

Таблица 3

Эталонная таблица значений

Показатель РД	Характеристика
< 1	Отсутствие редукции достижений в условиях служебной деятельности, когда личность направлена на расширение диапазона в количественном и качественном выражении достижений в служебной деятельности, личность характеризуется высоким уровнем мотивации и энтузиазма по отношению к работе альтруистического содержания; характеризуется продуктивностью профессиональной деятельности, оптимизмом и заинтересованностью в работе, самооценкой профессиональной компетентности и степени успешности в работе с людьми
≥ 1	Наличие редукции достижений в служебной деятельности. С увеличением значения показателя РД увеличиваются и качественные характеристики проявления редукции достижений при которой личность не рассматривает служебную деятельность как средство достижений в плане карьеры, саморазвития и финансово-экономическом, снижается потребность в достижениях, происходит снижение профессиональной мотивации (демотивация), которое может выражаться в неудовлетворенности работой и отношениями в коллективе, неудовлетворенности собой как профессионалом, чувством низкой профессиональной эффективности

По коэффициентам количества выбранных достижений строится индивидуальный профиль соотношения ожидаемых и достигнутых достижений по трем сферам (карьерные достижения, достижения

саморазвития, финансово–экономические достижения). Оцениваем характер распределения достижений по группам, гармоничный или деформированный профиль (выпадает какая – то сфера достижений).

Процедура стандартизации методики осуществлена по следующим психометрическим параметрам: конструктивной, содержательной и критериальной валидности.

Выборка стандартизации включала в себя 263 испытуемых в возрасте 24 – 50 лет, осуществляющие служебную деятельность в системе МВД.

Конструктивная валидность оценивалась через процедуру корреляционного анализа (по Пирсону) В качестве валидизирующего основания были использованы методика уровня выраженности мотивации к успеху (Т. Элерс), методики определения психического выгорания А.А. Рукавишникова, опросника выгорания К. Маслач (в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой). Были выявлены статистически значимые взаимосвязи интегрального показателя субъективной оценки степени выраженности редукции достижений в условиях служебной деятельности с уровнем выраженности мотивации к успеху ($0,61$, $p \leq 0,05$) (уровень выраженности мотивации к успеху (Т. Элерс), с параметром редукция профессиональных достижений ($0,73$, $p \leq 0,05$) (опросник выгорания К. Маслач (в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой). Значимость взаимосвязи указывают на их содержательную соотнесенность, указывая на высокий уровень внешней валидности авторской методики.

Процедура психометрической проверки надежности осуществлялась через расчет коэффициента надежности Кронбаха (α). Коэффициент надежности по значению интегрального показателя субъективной оценки степени выраженности редукции достижений в условиях служебной деятельности составляет $0,761$, что указывает на достаточность уровня надежности метода субъективной оценки редукции достижений в условиях служебной деятельности.

Оценка ретестовой надежности метода субъективной оценки редукции достижений в условиях служебной деятельности осуществлялась через 3 месяца с использованием критерия ранговой корреляции r –Спирмена. Объем выборки составил 104 человека из общей исследовательской выборки. Значение коэффициента корреляции интегрального показателя субъективной оценки степени выраженности редукции достижений в условиях служебной деятельности составляет $0,81$, $p \leq 0,05$, что указывает на высокий уровень ретестовой надежности авторской методики.

Выводы

В результате расчета показателей надежности, конструктивной и критериальной валидности методики субъективной оценки редукции достижений в условиях служебной деятельности был определен единый диагностический критерий, которым является интегральный показатель субъективной оценки степени выраженности редукции.

Список литературы

1. <http://elibrary.ru/defaultx.asp>
2. Бойко, В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В.В. Бойко. – СПб.: Питер, 1999. – 105 с.

3. Кузнецова А.А Структурно-феноменологические проявления состояния выгорания у преподавателей высшей школы // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 3 -2. С. 145-152.
4. Кузнецова А.А Особенности состояния выгорания у преподавателей высшей школы с учетом профессионально-должностного статуса // Современные наукоемкие технологии. 2012. № 7. С. 17-18.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: МГУ, 1975. 276 с.
6. Марадзе Л.М., Кузнецова А.А. Удовлетворенность профессиональной деятельностью: критериально-феноменологический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2012. №2. С. 308-313.
7. Никишина В.Б., Кузнецова А.А. Концептуальное обоснование метода субъективной оценки редукции достижений в условиях педагогической деятельности (СОПД)// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 8-1. С. 145-146.
8. Никишина В.Б., Кузнецова А.А. Методика исследования редукции достижений в условиях педагогической деятельности (СОПД): методология и технология стандартизации// Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 24. № 26 (197). С. 154-161.
9. Орел, В.Е. Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания: Дисс. ... д-ра психол. наук / В.Е. Орел. – Ярославль, 2005.- 449 с.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Арка, 2009.
11. Рукавишников, А.А. Личностные детерминанты и организационные факторы генезиса психического выгорания у педагогов: Дисс. ... канд. психол. наук / А.А. Рукавишников. – Ярославль, 2001. – 158 с.
12. Филипп Дж. Дэйв, Кэри Л. Купер, Майкл П. О'Драйсколл Организационный стресс. Теории, исследования и практическое применение / Филипп Дж. Дэйв, Кэри Л. Купер, Майкл П. О'Драйсколл – М.: Гуманитарный центр, 2007. – 336 с.
13. Pines, A.M. Burnout: from tedium to personal growth / A.M. Pines, E. Aronson. – NY., 1981. – 229 p.
14. Maslach C, Jackson S.E., Leiter M.P. Maslach Burnout Inventory Manual (Third Edition). Palo Alto, California: Consulting Psychological Press, Inc., 1996.
15. Perlman, B. Burnout: Abstract and future research / B. Perlman, E.A. Hartman // Human relations. – 1982. - V. 35 (4).

УДК 159.922

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ С ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИЕЙ НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

STUDY OF COPING STRATEGIES WITH A DIFFICULT LIFE SITUATION AS AN EXAMPLE OF STUDENTS OF THE CHECHEN REPUBLIC

**Е.Ф. Сердюкова
Y.F. Serdyukova**

Чеченский государственный университет, 364093, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32
Chechen State University, 32, A.Sheripov St., Grozny, 364093, Russia

e-mail: hellin33@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена динамика появления устойчивого интереса психологов к феномену стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций (копинг стратегий), приведены основные направления изучения психологами данного феномена, предпринята попытка раскрыть понятие «трудная жизненная ситуация». На примере студентов вузов Чеченской республики организовано и проведено исследование, направленное на выявление преобладающих копинг стратегий среди студенческой молодежи, а именно, выявлено, что с целью совладания с трудной жизненной ситуацией преобладающее число респондентов использует неадаптивные копинг стратегии (когнитивные, эмоциональные, поведенческие) при значительном преобладании эмоциональных копинг стратегий. В ходе анализа полученных результатов автором представлена характеристика поведенческих особенностей респондентов, использующих ту или иную стратегию совладания с трудной жизненной ситуацией, особенности их эмоционального переживания условий трудной жизненной ситуации. Таким образом, с представленной статье экспериментально доказана необходимость психологической работы с респондентами данных категорий по выработке у них продуктивных стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями.

Abstract. The article deals with the dynamics of the emergence of resistance to the phenomenon of interest psychologists strategies to overcome difficult life situations (coping strategies) are the main directions in the study of this phenomenon psychologists, an attempt to uncover the notion of "difficult life situation." On the example of university students of the Chechen Republic organized and conducted a study aimed at identifying the predominant coping strategies among students, namely, revealed that for the purpose of coping with a difficult life situation prevailing number of respondents use maladaptive coping strategies (cognitive, emotional, behavioral) with a significant prevalence of emotional coping strategies. The analysis of the results obtained by the author with the characteristics of behavioral characteristics of respondents using a particular strategy of coping with difficult situations, especially their emotional experience conditions difficult situations. The author of the article experimentally found that young people are selected as one of the dominant unproductive emotional coping strategies with difficult situations, behave without restraint, impulsively, loudly express their dissatisfaction with the situation around, however, do not take decisive action to overcome the difficulties of life. For this category of respondents characteristic manifestation of psychosomatic health disorders and auto-aggressive reactions. The second most frequent elections respondents unproductive coping strategies with a difficult life situation - Behavioral - manifested in full or partial denial of human self-analysis and solution of the problem. So people tend to shift responsibility for the resulting difficulties of life on other people or other external circumstances. The third category of respondents mostly unproductive uses cognitive coping strategies. They are characterized by finding a convincing explanation of his failure, the failure to take for granted, to engage in self-abasement and self-flagellation. All the above coping strategies with difficult situations characterized us as unproductive because they do not contribute to the acquisition of experience in solving the problems of life, the formation of productive behavior models, updating internal capacity, the use of internal and external resources of the individual. Thus, with the submitted article experimentally demonstrated the need for psychological work with these categories of respondents to develop their productive coping strategies with difficult situations.

Ключевые слова: трудная жизненная ситуация, стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями, копинг стратегии, студенческая молодежь.

Keywords: difficult situations, coping strategies with difficult life situations, coping strategies, students.

Анализ подходов к изучению стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями

Началом проявления устойчивого интереса психологов к феномену совладания личности с трудными жизненными ситуациями можно считать 50-60 годы XX века. Впервые упоминание о копинг стратегиях как способе совладания со стрессом появилось в научной психологической литературе в 1962 году в связи с изучением американским психологом Л. Мерфи способов преодоления детьми кризисов развития [Кобзева, 2011].

Лазарус Р.С. рассматривает стратегии совладания со стрессом и порождающими его негативными переживаниями, определяя копинг-стратегии как осознанное стремление человека улучшить свое самочувствие, справившись с требованиями ситуации; при этом ситуация может быть не только опасной для индивида, но и нацеленной на достижение им большого успеха [Кобзева, 2011; Lazarus, 1968].

Neal определяет копинг как постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие попытки справиться со специфическим внешним или/и внутренним напряжением, превышающим возможности человека справиться с ними [Neal, 1998].

Проблема преодоления человеком трудных жизненных ситуаций приобретает в настоящее время все большую актуальность, вызывает устойчивый интерес специалистов-психологов. Во многом это определяется интенсивностью жизни современного человека, стремительно изменяющимися условиями его жизни, требованиями окружающей социальной реальности, высокой мобильностью социальных отношений, что в совокупности приводит к нарушению привычных для человека условий жизнедеятельности, на которые он вынужден реагировать изменением привычных схем и моделей поведения. В данном случае мы можем говорить о том, что человек попадает в трудную жизненную ситуацию.

Для определения жизненных трудностей в психологии используется широкий круг понятий: поворотные события, травматические события, трудная ситуация, нестандартные жизненные события, экстремальная ситуация, кризисная ситуация, критическая ситуация, напряженная ситуация и др. Каждое из этих понятий отражает определенную специфику жизненных явлений. При этом для всех перечисленных терминов в психологии используется объединяющее понятие "трудная жизненная ситуация". Однако, не смотря на то, что данное понятие довольно широко используется в научной литературе, оно до сегодняшнего дня не имеет четкого общепринятого определения.

Однако при всей неоднозначности определений трудная ситуация всегда характеризуется наличием существенного несоответствия между тем, что человек хочет получить, сделать, достичь и т.д., и тем, что он может в данных обстоятельствах при наличии имеющихся у него возможностей и ресурсов [Никитина, 2005].

Понятие «трудная жизненная ситуация» определено Н.Г. Осуховой как ситуация, «в которой в результате внешних воздействий или внутренних изменений происходит адаптация человека к жизни, в результате чего он не в состоянии удовлетворять свои основные жизненные потребности посредством моделей и способов деятельности (поведения), выработанных в предыдущие периоды жизни» [Ромек, 2004].

Такое рассогласование, как правило, ставит под угрозу достижение первоначально поставленной цели, что, в свою очередь, влечет за собой возникновение отрицательных эмоций, интенсивность проявления которых зависит от степени значимости ситуации для человека и служит важным индикатором ее трудности.

Иными словами, трудные жизненные ситуации возникают тогда, когда нарушается упорядоченность течения жизни человека, и он не может решить ту или иную проблему с помощью привычных схем поведения. При этом источник жизненной трудности обнаруживается как в собственных действиях индивида, так и во влиянии окружающей среды [Зинченко, 2005].

Трудные жизненные ситуации случаются в жизни каждого человека независимо от его желания, причем им свойственно возникать даже в самые спокойные времена. Человек попадает в трудную жизненную ситуацию, когда внешние обстоятельства таким образом изменяют окружающую его среду, что возникает ситуация угрозы для его жизнедеятельности, взаимоотношений, создаются предпосылки для нежелательного изменения привычного образа жизни в целом либо в одном из значимых жизненных пространств [Сердюкова Е.Ф., 2013].

Методы исследования

Для выявления преобладающей стратегии совладания с трудной жизненной ситуацией, используемой студенческой молодежью Чеченской республики, нами использовались следующие методики:

1. Выход из сложных ситуаций. Диагностика копинг стратегий Хайма (Тест Хайма борьбы со стрессом) [Дмитриев и др., 2010].

2. Копинг стратегии. Тест «Преодоление трудных жизненных ситуаций (ПТЖС)». Опросник SVF120, В. Янке, Г. Эрдманн, адаптация Н. Е. Водопьяновой [Водопьянова, 2009].

Результаты диагностики копинг стратегий по тесту Хайма

Анализ результатов исследования, проведенного при помощи теста «Диагностика копинг стратегий Хайма» показал, что большинство респондентов использует неадаптивные копинг стратегии совладания с трудной жизненной ситуацией – 77% испытуемых, из них:

Когнитивные копинг стратегии (часть А) – 20% испытуемых

Эмоциональные копинг стратегии (часть Б) - 30% испытуемых

Поведенческие копинг стратегии (часть В) - 27% испытуемых

И только 23 % от общего числа участников используют в качестве преобладающих адаптивные копинг стратегии совладания с трудной жизненной ситуацией.

Поэлементный анализ результатов исследования позволяет выделить в качестве преобладающих неадаптивные эмоциональные копинг стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями (30% опрошенных). Молодые люди данной категории, попадая в трудную жизненную ситуацию, ведут себя импульсивно и несдержанно, громко возмущаются несправедливостью судьбы по отношению к себе, протестуют, однако не предпринимают никаких действий, направленных на решение проблемы («протест»); либо стараются подавить неудовлетворенность, фрустрированную потребность выхода из сложившейся ситуации, отвлечься от негативных

переживаний («покорность»). При этом эмоциональный фон остается устойчиво негативным, люди начинают обвинять окружающих (чаще всего, своих близких) в собственных неудачах, высказывая либо не высказывая надуманные упреки и обвинения, что очевидно не способствует улучшению межличностных взаимоотношений, повышению уровня эмоционального благополучия и, соответственно, решению проблемы выходы из сложившейся трудной жизненной ситуации. К данной группе копинг стратегий можно также отнести стратегию «самообвинение», при которой человек полностью принимает на себя вину за создавшуюся трудную жизненную ситуацию, считает, что другого положения вещей он попросту не заслуживает, однако не анализирует свои ошибки и не предпринимает активных действий по решению проблемы. Людям, использующим данную категорию стратегий совладания с трудной жизненной ситуацией, свойственно проявление аутоагрессивных реакций, выражающихся в самоуничтожении, самобичевании. Иногда подобные реакции находят внешнее проявление в нервных тиках, грызении ногтей, щипках и даже покусывании своих конечностей.

Вторая по численным показателям группа неадаптивных стратегий – поведенческие копинг стратегии (27% респондентов). Респондентам данной категории свойственно не думать о возникшей проблеме («активное избегание»), обращаться за помощью и советами к значимым людям («сотрудничество»), или пытаться полностью переложить на них решение своих проблем («обращение», «сотрудничество»). Неадаптивность данной стратегии видится нам в том, что у человека, ее использующего, не развиваются адаптивные возможности, не формируются устойчивые модели поведения, направленные на совладание с трудной жизненной ситуацией. При возникновении аналогичных ситуаций на их разрешение не переносится полученный опыт, поскольку этот опыт попросту не приобретает человеком, а используются опыт и ресурсы иных людей.

На третьем месте по частоте встречаемости среди респондентов-участников эксперимента группа неадаптивных копинг стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями – когнитивные копинг стратегии (20% респондентов).

Респондентам данной группы свойственно, смирившись с неудачей, покорно принимать на себя роль «жертвы», понимая случившееся как рок судьбы («смирение») или объясняя волей высших сил («религиозность»). Некоторые респонденты данной группы при проведении эксперимента объясняли свой выбор стратегии тем, что их трудности не существенны, особенно при сравнении с проблемами других людей, что в целом их дела идут хорошо и даже заметные трудности не оказывают существенного влияния на картину их жизни в целом.

Результаты диагностики способностей преодоления трудных жизненных ситуаций по опроснику В. Янке, Г. Эрдманн, в адаптации Н. Е. Водопьяновой

Тест «Преодоление трудных жизненных ситуаций В. Янке, Г. Эрдманн, в адаптации Н. Е. Водопьяновой (Опросник SVF120) ориентирован на оценку способности респондентов справляться со стресс-факторами, сопровождающими трудную жизненную ситуацию; тест выбран для проверки подтверждения (либо опровержения) результатов, полученных при

использовании психодиагностической методики «Выход из сложных ситуаций. Диагностика копинг стратегий Хайма», поскольку наибольшие результаты при использовании данной методики получены нами именно по показателю «неадаптивные эмоциональные копинг стратегии совладания с трудной жизненной ситуацией».

Исследование при помощи опросника SVF120 подтвердило наши предположения, показав, что по частоте выбора респондентами преобладают показатели по шкалам, которые указывают на негативные стратегии преодоления стресса. То есть, выборы респондентов в проведенном исследовании чаще всего ориентированы на те стратегии совладания с трудной жизненной ситуацией, которые можно назвать неадаптивными эмоциональными копинг стратегиями, поскольку выбранные стратегии не способствуют снижению уровня стресса, а, напротив, повышают его. Очевидно, что в эмоционально неуравновешенном состоянии, при котором эмоциональный фон является подчеркнуто негативным, человек не способен объективно оценивать детали трудной жизненной ситуации, анализировать причины своих неудач и альтернативы выхода из сложившейся ситуации, а тем более, выбирать из множества альтернатив наиболее экологичную (более продуктивную по конечному результату и менее затратную по количеству и объему использованных внутренних и внешних ресурсов) стратегию совладания с трудной жизненной ситуацией.

Результаты исследования, проведенного нами при помощи опросника SVF120, выглядят следующим образом:

- позитивные стратегии (действия, направленные на снижение уровня стресса и принципиально пригодные для этого – шкалы 1-10) – 27% респондентов;
- неоднозначно оцениваемые стратегии (действия, которые невозможно однозначно отнести ни к позитивным, ни к негативным стратегиям – шкалы 11-12 и 19-20) – 21% респондентов;
- негативные стратегии (действия, которые могут усилить стресс – шкалы 13-18) – 52% респондентов.

Таким образом, негативные стратегии преодоления стресса в выборах участников эксперимента преобладают, что соответствует результатам исследования, полученным при использовании методики диагностики копинг стратегий Хайма.

Негативные стратегии преодоления стресса в соответствии с выборами респондентов распределились следующим образом (общее число выборов – 52%) (таблица):

Таблица

Количественные показатели выборов респондентами негативных стратегий совладания со стрессовой ситуацией (по результатам теста «Преодоление трудных жизненных ситуаций В. Янке, Г. Эрдманн, в адаптации Н. Е. Водопьяновой»)

№	Шкала	Название стратегии	Значение стратегии	Количественные показатели (%)
1	2	3	4	5
1	Шкала 13	Бегство от стрессовой ситуации	Безропотная тенденция ухода от напряженной ситуации	7
2	Шкала 14	Социальная замкнутость	Уединяться от других	4

Окончание табл.

1	2	3	4	5
3	Шкала 15	Заезженная пластинка	Не уметь отвлекаться мысленно, постоянно раздумывать над ситуацией	16
4	Шкала 16	Беспомощность	Сдаваться с чувством беспомощности, безнадежности, разочарованности	4
5	Шкала 17	Жалость к себе	Сочувствовать самому себе, завидовать другим	19
6	Шкала 18	Самообвинение	Приписывать напряжение собственным ошибочным действиям, обвинять во всем происшедшем себя	2

Высокие показатели по шкалам, характеризующим негативные стратегии, можно назвать ожидаемыми и отчасти закономерными, учитывая экспрессивность как этническую особенность молодых людей – участников эксперимента. Возможно, именно этим можно объяснить самые высокие показатели по шкале 17 – «Жалость к себе» (19% от общего числа выборов) и по шкале 15 – «Заезженная пластинка» (16% от общего числа выборов). И в первом, и во втором случаях человек, попадая в трудную жизненную ситуацию, реагирует эмоционально негативно. Однако в первом случае человек активно жалеет себя, обвиняя в своих неудачах других людей, завидует их успехам, не учитывая усилия других людей по достижению позитивных результатов. При этом сам человек не предпринимает никаких активных усилий по разрешению своей проблемы и поиску конструктивного способа выхода из трудной жизненной ситуации. Во втором случае человек пребывает в эмоционально напряженном состоянии, снова и снова возвращаясь к переживанию негативных эмоций, вызванных собственными непродуктивными действиями либо действиями иных лиц; при этом ситуация не анализируется и поиск способа выхода из нее не осуществляется.

На третьем месте по частоте выборов стратегия совладания со стрессом «Бегство от стрессовой ситуации», при которой человеку свойственен безропотный уход от напряженной ситуации, желание избегать любого напоминания о событиях ситуации; отказ от когнитивного либо эмоционального погружения в ситуацию, от действий, способных повторить какие-либо эпизоды трудной жизненной ситуации. При этом проблема не решается, стратегия снижения уровня стресса и совладания с трудной жизненной ситуацией не выстраивается.

Заключение

Весь жизненный путь человека состоит из преодоления им жизненных трудностей в различных сферах жизнедеятельности. От того, какие копинг-стратегии он использует, во многом зависит его психологическое благополучие, здоровье, успешность в личной жизни и профессиональной деятельности.

Анализ результатов исследования показал, что студенческая молодежь Чеченской республики использует преимущественно непродуктивные когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии совладания с

трудной жизненной ситуацией при значительном преобладании эмоциональных.

Очевидно, что для улучшения качества жизнедеятельности студентам с преобладанием непродуктивных стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями необходима специально организованная психологическая поддержка в образовательном пространстве вуза.

Список литературы

1. Водопьянова Н.Е. 2009. Психодиагностика стресса. - СПб.: Питер, 336.
2. Дмитриев М.Г., Белов В.Г., Парфенов Ю.А. 2010. Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков. (Части 4-9). СПб.: ЗАО «ПОНИ», 316.
3. Зинченко В.П. 2005. Психологический словарь: монография / В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. - М.: Инфра-М, 440.
4. Кобзева О.В. 2011. Вектор науки ТГУ, 3(6): 155-158.
5. Никитина Н.И. 2005. Методика и технология работы социального педагога: монография / Н.И. Никитина, М.Ф. Глухова. М.: Владос, 399.
6. Ромек В.Г. 2004. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. СПб.: Речь, 256.
7. Сердюкова Е.Ф. 2013. Психологическая поддержка студентов с адаптивным способом выхода из трудных жизненных ситуаций. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. Т. 19. №4: 160-164.
8. Lazarus R. S. 1968. Psychological Stress and the Coping Process. New York: Mc Graw Hill Lazarus, R. S., 760.
9. Neal A. 1998. National trauma and collective memory. Major events in the American century. N.-Y., 30.

УДК 159.99

**ПУТЬ К ИДЕАЛАМ ЛИЧНОСТИ:
ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ****THE PATH TO PERSONAL IDEALS:
PERSONOLOGICAL RESEARCH DESIGN****Т.Н. Разуваева, Е.А. Шевченко
T.N. Razuvaeva, Y.A. Shevchenko**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: razuvaeva@bsu.edu.ru, Shevchenko_e@bsu.edu.ru

Аннотация. Работа посвящена проблеме идеалов в современной психологии. Идеалы рассматриваются как важный фактор развития, определяющий поведение и направленность личности. В статье дается теоретическая модель пути к идеалам и проводится статистическая проверка наиболее важных теоретических положений. В ходе анализа результатов исследования заключается, что степень осознанности идеалов определяет их роль в развитии и регуляции поведения личности.

Abstract. The work is devoted to the ideals of modern psychology. Ideals are considered as an important factor of determining the behavior and orientation of the individual. The article presents the theoretical analyses of the path to the ideals and carries out statistical verification of the most important theoretical propositions. The analysis of the results of the study is that the degree of awareness of the ideals that determines their role in the development and regulation of individual behavior.

Ключевые слова: идеал, развитие, путь к идеалам, персонология.
Keywords: ideal, development, path to ideals, personology.

Введение

Многочисленные исследования идеалов личности в трудах отечественных и зарубежных психологов, тем не менее, не дают целостной картины исследуемого феномена. Мы предлагаем в рамках персонологического подхода рассмотреть тему идеалов личности и создать модель пути к идеалам личности, чтобы максимально раскрыть все грани изучаемого понятия.

Персонология как современная интегральная наука о личности позволяет по-новому взглянуть на вопрос личных идеалов. В персонологическом контексте понятие «идеал» используется для описания стремления личности к совершенству и самосовершенствованию, является направляющей его развития, мотивом, целью. При этом идеал рассматривается в тесной связи с личной жизнью человека, его индивидуальностью [Рубинштейн, 2000]. Каждый человек не только сам наполняет содержанием свои идеалы, но сам их «конструирует», развивает и приводит к затуханию в ходе своей жизни. Изучение идеалов личности дает возможность обратиться к важным составляющим человеческого развития и саморазвития.

Так как содержание идеалов всегда индивидуально, и часто становилось предметом изучения ранее, мы в своем исследовании делаем акцент на изучении пути к идеалам личности, на процесс их проживания личностью и

отношения к ним. Так как ранее подобных теоретической моделей не существовало, мы, основываясь на труды психологов изучавших идеал и принципы построения персонологического исследования, создали теоретическую модель пути к идеалам личности. На основании модели был разработан полуструктурированный психологический опросник.

Важность данного исследования заключается в том, что изучаются сложности и противоречия процесса индивидуализации и персонализации, связанные с выбором идеалов и их «овнутрением». От того, какой идеал, какой образец для подражания и определения перспектив развития выбирает человек, во многом зависят его судьба и жизненный путь. С другой стороны, сам жизненный путь во многом определяет личностные идеалы, их содержание, а также может становиться для личности «путем к идеалу». Знание об особенностях пути личности к идеалам может стать точкой опоры для практической работы с ценностно-смысловой сферой личности. Психологический опросник, разработанный в рамках данного исследования, позволяет увидеть не только общие закономерности, но и работать с частными случаями, в которых речь идет о проблемах в ценностно-смысловой сфере, выборе дальнейшего жизненного пути, неадаптивных проявлениях перфекционизма и др.

Содержание идеальных представлений

В ходе теоретического анализа были проанализированы подходы к идеалам личности в отечественной психологии таких ученых, как: К.А. Абульханова[1999], Л.И. Божович [1997], Ф.Е. Василюк [2003], С.Л. Рубинштейн [2000], Л.С. Выготский [1984], А.Н. Леонтьев [2010], Д.А. Леонтьев [2003], Е.Б. Старовойтенко [2004], Г.В. Иванченко [2007] и др. Также были изучены труды зарубежных психологов: А. Адлера [2002], Л. Бинсвангера [1999], У.С. Буллита и З. Фрейда [1999], М. Кляйн [1998], Х. Кохута [2002], А. Маслоу [2010], Г. Олпорта [2002], К. Роджерса [1994], Р. Тайсона, Ф. Тайсона [1998], Л. Франкла [2000], Э. Эриксона [1996] и др.

Рассматривая идеалы в контексте пути к идеалу, были выделены следующие критерии анализа различных психологических теорий (психоанализ, гуманистическая психологии, экзистенциальная психологии и отечественная психология личности).

1. Определение идеала/понимание природы идеала.
2. Жизненное становление идеалов личности.
3. Вклад личности в развитие идеалов.
4. Противоречия, проблемы и кризисы становления идеалов личности.
5. Перспектива личностного осуществления идеалов.

Таким образом, были выделены и систематизированы важные структурные и содержательные характеристики идеалов, а затем с помощью теоретического анализа и синтеза была сформирована персонологическая модель пути к идеалу, которая легла в основу разработанного нами психологического опросника.

В исследовании приняли участие 94 респондента в возрасте от 20 до 35 лет. Данные, полученные таким образом, были проанализированы с помощью компьютерной программы для обработки статистических данных SPSSStatistics 17.0. Для выявления возможных взаимосвязей между полученными по критериям данными использовался метод ранговой корреляции по Спирмену.

Так как созданный нами психологический опросник является полуструктурированным, мы получили возможность узнать об индивидуальном содержании собственного идеального образа личности. Согласно результатам полученных эмпирических данных, у большинства участников идеалы описываются с помощью прилагательных и выступают как желаемые характеристики себя в будущем. С помощью факторного анализа мы получили следующие категории (табл. 1), отражающие представления об идеальной личности.

Таблица 1

Содержание идеалов личности

Идеал успешности (деловой)	Успешность, перспективность, респектабельность, деловой подход, целеустремленность
Идеал независимости	Независимость, свобода, свобода выбора, индивидуализм
Идеал активной жизненной позиции	Активность, динамизм
Идеал близких взаимоотношений	Любовь, дружба, семейственность, доверительность, взаимоподдержка, взаимопомощь
Идеал порядочности	Порядочность, искренность, честность, правдивость, достоинство, справедливость
Идеал самореализации	Самореализация, самосовершенствование
Идеал спокойствия	Спокойствие, созерцательность, размеренность течения жизни, пассивность, лень
Идеал физической красоты	Привлекательность, ухоженность, красота, аккуратность, изящество (ж), сила (м)
Идеал доброты	Доброта, жертвенность, сострадание, милосердие, жалостливость, готовность прийти на помощь, добродушие
Идеал образованности	Образованность, эрудированность, ум, развитый интеллект
Идеал бытового комфорта	Бытовой комфорт, удобство, чистота
Идеал «цель оправдывает средства»	«Цель оправдывает средства», провокации, хитрость, манипулирование
Идеал творческой личности	Творческая самореализация, креативность
Идеал наличия чувства юмора	Чувство юмора

Источники формирования и путь к идеалу личности

Теперь перейдем к непосредственному анализу полученных результатов, согласно персонологической модели отношения и пути к идеалу.

1. Постоянное развитие, становление идеалов. Первый пункт модели касается вопроса развития идеалов на протяжении жизни человека, последовательности их формирования, источников возникновения.

Первые идеалы личности начинают развиваться в детстве, основным источником их формирования является семья ребенка. Таким образом, благодаря детско-родительским отношениям, человек усваивает семейные, родительские идеалы.

Но уже в подростковом возрасте идеалы начинают претерпевать изменения, и источником новых ориентиров в жизни становятся другие люди,

которые окружают человека, даже если между ними нет тесных, родственных отношений. На первый план выходят также герои фильмов, книг, исторические личности. Другими словами, начинается активный поиск идеалов извне, что способствует формированию идентичности.

Следующий важный этап развития идеалов связан с взрослением личности, когда идеалы вновь переосмысливаются, меняются. Согласно полученным результатам, как и предполагают большинство исследователей, занимающихся изучением идеалов, респонденты чаще всего указывают на свой личный вклад в развитие и формирование представлений об идеале. Однако анализ результатов явно свидетельствует и о том, что важными источниками также остаются детско-родительские отношения, другие значимые люди и примеры выдающихся людей, герои кино, книг и др. Об этом свидетельствует значение медианы (максимальное значение 5), показанное в таблице 2.

Это говорит о том, что роль всех источников формирования идеалов нельзя недооценивать и в возрастном периоде от 20 до 35 лет (респонденты, принявшие участие в исследовании). Более того, у мужской части выборки влияние семьи на актуальные идеалы особенно заметно, для многих участников исследования отец является идеалом и в настоящем времени, независимо от возраста респондента.

Таблица 2

Статистический анализ источников формирования актуальных идеалов личности

		Детско-родительские отношения	Влияние других значимых людей	Примеры выдающихся людей, героев книг, кино	Общественные, социальные идеалы	Идеалы культуры	Собственные взгляды на идеал, личная позиция
N	Валидные	94	94	94	94	94	94
	Пропущенные	0	0	0	0	0	0
Среднее		3,8824	4,1373	3,7451	2,5882	3,0196	4,1765
Медиана		4,0000	4,0000	4,0000	3,0000	3,0000	5,0000

2. Осознанность или неосознанность пути личности к идеалу. Показатели осознанности идеалов демонстрируют, как много внимания уделяет человек своим идеальным жизненным ориентирам, как он с ними обходится. В персонологической модели предполагалось, что чем старше становится человек, тем более осознанными являются его идеалы. Однако в выборке от 20 до 35 лет зависимости осознанности идеалов от возраста участников исследования не обнаружено. В то же время, анализ статистических данных в SPSSStatistics 17.0 методом ранговой корреляции по Спирмену показал следующие данные, представленные в табл. 3 (здесь и далее будут приведены только статистически значимые коэффициенты корреляции).

Таблица 3

Значимые корреляции осознанности идеалов у участников опроса

Элементы статистического анализа по Спирмену		Коэффициент корреляции
Осознанность идеала участником исследования	Значимость идеала для личности как ориентира саморазвития	0,673
	Личностный, персональный идеал	0,731
	Активная позиция в осуществлении своего идеала	0,703
	Значительность личного вклада в представления о своих идеалах	0,645
	Важность осуществления идеалов в реальной жизни	0,484
	Субъективная трудность для личности пути достижения идеалов	0,693
	Сила желания достичь идеала	0,410
	Выраженность страха потери идеала	0,549

Другими словами, осознанность идеала личностью связана с позицией личности по отношению к своим идеалам. То есть, когда идеалы понимаются человеком как ориентир собственного развития, имеют персональную форму выражения, вклад в формирование этого персонального виденья личности большой, и человек активно стремится их воплотить в реальность, идеалы становятся неотъемлемой частью жизни личности, и их формирование, путь к достижению идеала становится осознанным. При этом человек принимает ответственность за свои идеалы, так как они относятся напрямую к его личности, а не навязаны, привнесены извне, и видит те трудности, противоречия, с которыми ему необходимо научиться обходиться и справляться.

3. Индивидуальность идеалов и пути к ним.

Идеалы человека изначально существуют в социуме и культуре, но на определенном этапе эти общие стандарты становятся личностными, неповторимо «овнутряются», и это тот необходимый рубеж, который должен пройти человек в своем стремлении к идеалу. Согласно проведенному исследованию, то, что идеал останется поверхностным, «внешним» для личности, во многом связано со следующими условиями, указанными в табл. 4.

Таблица 4

Значимые корреляции, указывающие на переменные, связанные с поверхностным принятием идеалов

Элементы статистического анализа по Спирмену		Коэффициент корреляции
Поверхностные, стандартные, принесенные извне идеалы личности	Значимость идеала для личности как ориентира саморазвития	- 0,673
	Неосознанность личности своих идеалов	0,731
	Активная позиция в осуществлении своего идеала	- 0,690
	Значительность личного вклада в представления о своих идеалах	- 0,891
	Важность осуществления идеалов в реальной жизни	- 0,419
	Субъективная трудность для личности пути достижения идеалов	- 0,783
	Сила желания достичь идеал	- 0,383
	Выраженность страха потери идеала	- 0,497

Отрицательные корреляции указывают на то, что чем более «внешним» являются идеалы, тем менее выражены у человека другие факторы, перечисленные выше.

Опросник «Мой путь к идеалу» позволяет также ответить на вопрос, кто может помочь личности в осуществлении идеала, стать ее опорой и проводником на этом пути. Хотя вопрос был открытым, у участников опроса в общей сложности сформировалось три варианта ответа на этот вопрос:

1. Только я сам могу помочь себе на пути к идеалу;
2. «Учитель», человек, который сможет помочь на пути к идеалу, будет сопровождать;
3. Семья, близкие люди.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что возрастает роль личности в формировании и развитии идеалов, человек сам берет на себя ответственность и занимает активную позицию на пути к идеалу. В то же время потребность в «учителе» показывает на необходимость присутствия в жизни людей, которые сопровождают человека на этом пути. Можно предположить, что такую функцию в современном социуме может обеспечить развивающее психологическое консультирование.

7. Противоречия и трудности на пути к идеалу.

Важным для становления идеалов являются решения жизненных противоречий, преодоление трудностей на пути к идеалу. В предыдущих пунктах уже были рассмотрены следующие противоречия:

- Реальное – идеальное;
- Истинные личностные идеалы – поверхностные стандарты;
- Интуитивные критерии совершенства – осознанные идеалы.

Но также можно еще говорить о том, что существуют противоречия, связанные со способами движения к реализации идеала. Так, например, многие участники исследования желают и стремятся достичь свой идеал и в то же время не хотят, чтобы он был достигнут.

Можно говорить о страхах и тревогах, которые существуют у личности в связи с идеалами. Далее приведены некоторые из них:

1. Сложность пути к идеалу, трудности, с которыми придется столкнуться;
2. Страх, что не хватит способностей, энергии, сил, возможностей;
3. Страх разочароваться в своих идеалах, что будет значить, что заблуждался, жил неправильно;
4. Страх потерять идеал, как потеря смысла жизни;
5. Может мешать контакту с реальностью;
6. Не дает «жить спокойно»;
7. «Навязанные извне» идеалы путают, дезориентируют, ухудшают самооценку, сбивают с пути;
8. Мешают быть гибким, подстраиваться под ситуацию, в которой необходимо предать свой идеал;
9. Неприятие идеалов значимыми людьми.

Заключение

Персонологическая модель пути к идеалу стала основой для разработки психологического опросника «Мой путь к идеалу», направленного на выявление общих и индивидуальных характеристик пути личности к идеалу.

В ходе работы были выявлены наиболее часто встречаемые идеалы личности. Идеалы имеют описательный характер.

Проанализирован процесс становления идеалов личности. В актуальных идеалах обнаружены описательные категории, относящиеся к более ранним возрастам.

Позиция личности по отношению к собственным идеалам, их роли в собственном развитии, определяет степень его осознанности и мотивационной «силы».

Чем важнее роль идеалов в развитии личности, тем сильнее осознаются и трудности, с которыми может столкнуться личность при их проживании.

Список литературы

1. Абульханова К.А. 1999. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М., Московский психолого-социальный институт, Воронеж, НПО «МОДЭСК», 224.
2. Адлер А. 2002. Практика и теория индивидуальной психологии: Лекции по введению в психотерапию для врачей, психологов и учителей. М., Института Психотерапии, 214.
3. Бинсвангер Л. 1999. Бытие-в-мире. М., Рефл-Бук, 398.
4. Божович Л.И. 1997. Проблема формирования личности / Под ред. Д.И. Фельдштейна. 2-е изд. М., «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 352.
5. Буллит У.С., Фрейд З. 1999. Представления о мотивах и личности в психоанализе. М., ИГ «Прогресс», 64.
6. Василюк Ф.Е. 2003. Методологический анализ в психологии. М., МГППУ; Смысл, 240.
7. Выготский Л. С. 1984. Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т.6. Научное наследство. М., Педагогика, 400.
8. Иванченко Г. В. 2007. Идея совершенства в психологии и культуре. М., Смысл, 255.
9. Кляйн М. 1998. Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни ребенка. В сб: Психоанализ в развитии. Екатеринбург, Деловая книга, 60.
10. Кохут Х. 2002. Восстановление самости. М., Когито-Центр, 316.
11. Леонтьев Д.А. 2003. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд. М., Смысл, 487.
12. Леонтьев А.Н. 2010. Мотивы и эмоции: Курс лекций. М., Наука, 56.
13. Маслоу А. 2010. Мотивация и личность. СПб., Питер, 352.
14. Олпорт Г. 2002. Становление личности. Избранные труды. М., Смысл, 462.
15. Роджерс К. 1994. О становлении личностью. М., Прогресс, 320.
16. Рубинштейн С.Л. 2000. Основы общей психологии. СПб: Питер, 712.
17. Старовойтенко Е.Б. 2004. Психология личности: в парадигме жизненных отношения. М., Академический проект, 265.
18. Тайсон Р., Тайсон Ф. 1998. Психоаналитические теории развития. Т.14. Екатеринбург, Деловая книга, 528.
19. Франкл В. 2000. Воля к смыслу. М., Апрель-Пресс, 368.
20. Эриксон Э. 1996. Идентичность: юность и кризис. М., Издательская группа "Прогресс", 344.

УДК 159.9

**ЗНАЧЕНИЕ НАТУРАЛИСТИЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЙ
ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ АТЕИСТОВ**
**THE ROLE OF NATURALISTIC BELIEFS FOR THE ATHEISTS'
PSYCHOLOGICAL WELLNESS**

И.И. Ягияев
I.I. Yagiayev

КНУ им. Т. Шевченко, Украина, 010601, г. Киев, ул. Владимирская, 60.
Taras Shevchenko National University of Kyiv, 60, Volodymyrska St., Kyiv, 01601, Ukraine
E-mail: askamah@gmail.com

Аннотация. Несмотря на рост интереса психологов к феномену современного атеизма, доступные эмпирические данные довольно скудны и слабо отражают различия между атеистами, придерживающимися различных взглядов. Настоящее исследование задействует эвдемонические (Шкалы психологического благополучия К. Рифф) и гедонистические (Шкала удовлетворенностью жизнью Э. Динера, ШПАНА) методики, а также Опросник смысла жизни М. Стергера для изучения различий между двумя группами лиц, определивших себя в качестве атеистов. В соответствии с гипотезой, испытуемые с натуралистическими взглядами, в соответствии с которыми мир представляет собой лишь каузально замкнутую природу, которая может быть изучена научно, показали более высокие результаты по интегральному психологическому благополучию, автономия, целям в жизни, и более низкие по поиску смысла. Контроль демографических переменных посредством дисперсионного анализа выявил, что именно натурализм, а не пол или страна проживания респондентов производит существенный вклад в различия показателей автономии и целей в жизни у респондентов в исследуемых группах. Полученные результаты можно объяснить важностью наличия четкой и связной системы взглядов, что значимо для психологического благополучия личности. Онтологический натурализм может быть задействован атеистами для этой цели.

Abstract. Although some psychological studies of atheism take place, the empirical evidence available is limited and does not reveal the distinctions between atheists with different beliefs. The present research used both eudaimonic (C. Ryff's SPWB) and hedonic (E. Diener's SWLS, PANAS) measurements, and also The Meaning in Life Questionnaire (MLQ) to examine the differences in the psychological wellness among two groups of self-proclaimed atheists through the contrast of means statistical method. According to the hypotheses, self-proclaimed atheists with naturalistic beliefs show higher mean rates of the PWB and its indexes. The members of the group with naturalistic beliefs, who consider that nothing beyond the causally closed physical world exists, have shown significantly higher means of the integral PWB, Autonomy, Purpose in Life, and lower for the Search for Meaning. When the demographical variables were controlled through ANOVA, only naturalistic views were related to the Autonomy and Purpose in Life scales significantly. The mechanisms of the psychological wellness include a confident and coherent system of views, and ontological naturalism may be utilized for this purpose.

Ключевые слова: атеизм, натурализм, психологическое благополучие, позитивный аффект, негативный аффект, смысл жизни.

Keywords: Atheism, Naturalism, PWB, SWLS, Positive Affect, Negative Affect, Meaning in Life.

Introduction

The recent studies show that religious people, on average, report higher rates of happiness and well-being, then secularists [Beit-Hallahmi, 2007; Koole et al., 2010; Tay L. et al, 2014], and even their tweets demonstrate the higher amount of positive emotions [Ritter, 2013]. However, most of these large-scale surveys of the internal differences between people with the secular views were ignored. The

majority of research programs provide only religious and non-religious differentiation in a sample. L. Galen stated in his paper on religious prosociality:

«Specifically, it is a common practice to compare high levels of religiosity with «low religiosity» (e.g., the absence of denominational membership, lack of church attendance, or the low importance of religion), which conflates indifferent or uncommitted believers with the completely nonreligious» [Galen, 2012, p. 876].

Dichotomous division allows scholars to comprehend the psychological characteristics of the religious people, who are under investigation, but not the same characteristics of secular respondents. According to the received opinions, the religious groups are not homogeneous, and there are developed research traditions of studying the different ways to be religious [Allport, Ross; 1967; Ryan, Rigby, King, 1993]. But the non-religious groups are even less homogeneous, then the religious ones; they consist of various people: religious people with uncertain beliefs («ietsists») and/or without belonging to the concrete religion or religious organization («unchurched»), and secularists: indifferent towards religion people («apatheists»), completely non-religious people with different views (confident and non-confident agnostics or atheists) etc. Despite that some psychological studies of atheism appear [Beit-Hallahmi, 2007; Hood, Hill, Spilka, 2009; Farias, 2013; Streib, Klein, 2013], the sum of data is not enough for the complete psychological understanding of this phenomenon being on the rise [Zuckerman, 2009; Zuckerman, 2011].

Although there has been relatively little research on it, there are some efforts to study the types of secularism and different views of it. T. Schnell offers an inventory for studying secularism – DoS (Dimensions of Secularity). This inventory contains frequent philosophical orientation for secularists: scientism, humanism and personal responsibility. The author also insists that other scholars may add other scales to this open, non-comprehensive inventory [Schnell, 2014]. The individual differences in these dimensions may relate to the differences in other psychological variables, such as the psychological wellness indexes.

The ontological naturalism also should be added as a possible philosophical orientation because of its popularity among secular people, especially atheists. The term «naturalism» does not get the clear and precise meaning in contemporary philosophy, and may be characterized as an attitude and explicit belief that «reality is exhausted by nature, containing nothing “supernatural”, and that the scientific method should be used to investigate all areas of reality, including the ‘human spirit’» [Papineau, 2009]. Influential atheistic thinkers insist that the ontological naturalism is the important part of the atheism: according to R. Dawkins, an atheist is the «philosophical naturalist», «who believes there is nothing beyond the natural, physical world... If there is something that appears to lie beyond the natural world as it is now imperfectly understood, we hope eventually to understand it and embrace it within the natural» [Dawkins, 2006, p. 14]. J. Huisman in the study of New Zealand atheists defines atheism as a «materialistic naturalism» [Huisman, 2011, p. 21-22]. I conceptualized the ontological naturalism as a belief, that there is nothing beyond the causally closed nature (so-called «causal closure thesis»), which can be studied by scientific method. Ontological naturalism is stronger than the solely denial of God; it offers the philosophical background for the atheistic claims [Fales, 2007].

The difference between naturalism and scientism is not clear enough. But the available definitions seem to suggest that although the meaning of these terms is similar, it is not equal. They are shedding the light on the different aspects of the common, but not always unique belief's complex. T. Schnell [Schnell, 2014], quoting

to M. Pigliucci [Pigliucci, 2013, p. 144], defines scientism as an «attitude that regards science as the ultimate standard and the arbiter of all interesting questions; or alternatively that seeks to expand the very definition and scope of science to encompass all aspects of human knowledge and understanding». Usually, naturalism has the implications that lead to the scientism, but the naturalist, who rejects science as a highest value and arbiter, is not logically impossible. Naturalist may appreciate the value of other aspects of life and culture. Hence, naturalism and scientism are related, but different views and philosophical orientations, and they can be studied independently.

The belief that the world is purely physical and causally closed makes religious beliefs impossible and provides more epistemic confidence than the ambiguous position. Belief certainty is a promising crucial factor of one's well-being, and may have the same effect despite the content (religious, atheistic or else) of beliefs. Recent studies uncover curvilinear positive relationships between strongly religious and strongly atheistic worldviews and different well-being variables. Certain people usually have greater well-being comparing to the uncertain, who feel doubts. Coherence of worldview also mediates the relationship between religiosity and well-being variables. Therefore, the mechanisms of well-being include a confident system of views rather than religious beliefs themselves, or the strong identification with the group with the shared worldview [Doane, Elliott, 2014]. M. Farias and colleagues offer the belief replacement hypothesis: some secularists use various types of naturalistic beliefs, e.g. belief in progress and science to cope with stressful and anxiety-provoking situations, like religious people use religious beliefs [Farias et al., 2013].

Question has been raised whether or not atheists with the definite naturalistic views actually show higher PWB and other indexes of the psychological wellness than their peers with the ambiguous or non-naturalistic views? The aim of the present study is to examine the empirical support for the hypothesis that naturalistic beliefs relate to the higher indexes of the psychological wellness.

Method

Hypotheses:

- (1) Self-proclaimed atheists with naturalistic beliefs show higher mean rates of the PWB and its indexes, Life Satisfaction, Positive Affect and the Presence of the Meaning in Life. Negative Affect and Search for Meaning show higher mean rates in the non-naturalistic group.
- (2) These differences relate to their naturalistic views, not to the demographical distinctions between the members of these groups.

Sample: The data was gathered in autumn, 2014. The participants were recruited from the various atheistic, secular and popular scientific groups in the Russian social network «VKontakte». They filled in an online questionnaire anonymously and voluntarily, after finishing some of their results were made available for them. Before filling the psychological tests they were asked to answer the questionnaire, which included the demographical questions such as gender, age, residence, education, occupation etc., and questions about their views, beliefs and religious activities. The few in number residents of the countries outside Russian Federation and Ukraine have been eliminated from the sample for the purpose of avoiding confusion.

Continuing the sentence «I consider myself as» participants might choose the answer «a believer», «an agnostic», «an atheist» or write down their own version. Only those participants, who identified themselves as atheists, were taken into consideration in this study. The sample consisted of 169 participants, age 17-40 ($M = 24.46$, $SD = 5.645$); 109 were male and 60 – female. 103 were the residents of Russian Federation and 66 – of Ukraine.

The criterion of the ontological naturalism has met when the clear consent with the truth of the statement «Do you think there is only the natural world, and nothing beyond this causally closed nature, which can be studied by scientific method, exists?» has been presented. Those who answered «I do not know» or «No, something else exists apart from the nature» were not classified as the naturalists.

The groups of naturalists consisted of 110 participants; 66 Russians and 44 Ukrainians; 74 male and 36 female; age: 17-40, $M = 24.68$, $SD = 5.632$. Non-naturalists shaped the group of 59 people; 37 Russians and 22 Ukrainians; 35 males and 24 females; age: 17-39, $M = 24.05$, $SD = 5.695$. Among non-naturalists the group of those, who had the ambiguous views (answered «Do not know»), consisted of 39 people, while there were 20 supernaturalists. The number of these participants was not enough for the independent analysis.

Measures: With the purpose of the comprehensive study I have utilized the inventories of both eudaimonic and hedonic traditions of understanding and studying happiness. The hedonic view defines happiness as a pursuit of pleasure and positive emotions, comfort, and enjoyment, whereas the eudaimonic view associates happiness with the pursuing meaningful goals, personal growth and breaking homeostasis, sometimes despite the objective misfortune. Each of these traditions shed light on the important and interconnected aspects of wellness; hence, none of them should be ignored by the researches [Biswas-Diener, Kashdan, King, 2009; Huta, Ryan, 2010; Henderson, Knight, 2012; Delle Fave, Massimini, Bassi, 2011]. The study of the perceived meaning in life is also important and relates to the topic of psychological wellness [Frankl, 1985; Baumeister et al, 2013].

The C. Ryff Scales of Psychological Well-Being (SPWB) is a theoretically grounded instrument that focuses on measuring multiple facets of PWB, such as Autonomy, Positive Relations with Others, Environmental Mastery, Personal Growth, Purpose in Life, Self-Acceptance. The integral index of PWB is a sum of these six scales. The utilized for the purposes of the current study long version of C. Ryff inventory consists of 84 questions. The Russian adaptation of the inventory – T.D. Shevelenkova and P.P. Fesenko [Shevelenkova, Fesenko, 2005]. Cronbach's $\alpha = 0.83-0.91$ on different scales.

Satisfaction with Life Scale (SWLS). It is a short 5-item instrument designed to measure global cognitive judgment of satisfaction with one's life, offered by E. Diener and colleagues [Diener et al., 1985]. The Russian adaptation – E.N. Osin and D.A. Leontev [Osin, Leontev, 2013]. Cronbach's $\alpha = 0.71-0.8$ on different samples.

The Positive and Negative Affect Schedule (PANAS) comprises two mood scales, one of them measures positive affect (PA) and the other measures negative affect (NA). Ten descriptors are used for each PA scale and NA to define their meanings. Participants in the PANAS are required to respond to a 20-item test using a 5-point scale that ranges from «very slightly» or «not at all» (1) to «extremely» (5) [Watson, Clark, Tellegen, 1988]. Russian adaptation – E.N. Osin [Osin, 2012]. Cronbach's α (PA) = 0.89, Cronbach's α (NA) = 0.86.

The Meaning in Life Questionnaire (MLQ) is a 10-item measure of the Presence and the Search for Meaning in Life [Steger et al., 2006]. The Russian adaptation is offered by E.N. Osin. Cronbach's α (Presence) = 0.928, Cronbach's α (Search) = 0.899.

Statistical methods: Contrast of means (T-test), the correlational analysis and ANOVA for the control of the demographical variables (gender and country). For ANOVA there was used the Levine's criterion for testing the null hypothesis stating that the error variance of the dependent variable is constant in all groups. The effects of gender and country in ANOVA were analyzed separately. IBM SPSS Statistics 21 has been used.

Results

Table 1 shows the higher means of the integral PWB and its indexes: Autonomy and Purpose in Life in the naturalistic group comparing to the non-naturalistic group. The group of non-naturalists shows higher Search for Meaning.

Table 1

**Psychological wellness indexes in Naturalistic and Non-naturalistic groups:
Means and Standard Deviations**

Variable	Naturalists		Non-naturalists		p
	M	SD	M	SD	
1. PWB	360.6	45.589	345.81	36.833	0.024
2. Positive Relations	56.05	10.665	55.48	8.057	0.705
3. Autonomy	63.46	8.871	60.12	7.835	0.013
4. Environmental Mastery	55.42	9.572	52.53	8.827	0.051
5. Personal Growth	67.35	7.138	65.95	6.471	0.197
6. Purpose in Life	62.33	10.204	58.63	9.093	0.017
7. Self-Acceptance	55.99	11.537	53.1	10.781	0.108
8. Satisfaction with Life	19.86	6.46	18.54	6.65	0.216
9. Positive Affect	33.51	7.603	31.59	6.995	0.102
10. Negative Affect	19.55	7.142	20.56	6.542	0.359
11. Presence of Meaning	24.94	7.673	22.78	7.887	0.09
12. Search for Meaning	20.1	7.443	23	7.681	0.02

The effect of the difference between groups according to ANOVA for the integral PWB: $F(1;165) = 3.833$, $p = 0.052$, $\eta^2 = 0.023$ when controlling the effect of gender, and $F(1;165) = 3.774$, $p = 0.054$, $\eta^2 = 0.022$ when controlling the effect of country. The effects of gender and country were insignificant (p was 0.413 for gender and 0.992 for country).

Positive Relations: $F(1;165) = 0.099$, $p = 0.753$, $\eta^2 = 0.001$, when controlling the effect of gender, and $F(1;165) = 0.065$, $p = 0.700$, $\eta^2 = 0.0$ when controlling the effect of country. The effects of gender and country were also insignificant (p was 0.989 for gender and 0.958 for country).

Autonomy: $F(1;165) = 3.893$, $p = 0.05$, $\eta^2 = 0.023$ when controlling the effect of gender, and $F(1;165) = 4.614$, $p = 0.033$, $\eta^2 = 0.027$ when controlling the effect of country. The effects of gender and country were insignificant (p was 0.958 for gender and 0.742 for country).

Environmental Mastery: $F(1;165) = 3.468$, $p = 0.064$, $\eta^2 = 0.021$ when controlling the effect of gender, and $F(1;165) = 3.228$, $p = 0.074$, $\eta^2 = 0.019$ when controlling the effect of country. The effects of gender and country were insignificant (p was 0.57 for gender and 0.858 for country).

Personal Growth: $F(1;165) = 1.233$, $p = 0.269$, $\eta^2 = 0.007$ when controlling the effect of gender, and $F(1;165) = 1.49$, $p = 0.224$, $\eta^2 = 0.009$ when controlling the effect of country. The effects of gender and country were insignificant (p was 0.357 for gender and 0.864 for country).

Purpose in Life: $F(1;165) = 4.936$, $p = 0.028$, $\eta^2 = 0.029$ when controlling the effect of gender, and $F(1;165) = 4.867$, $p = 0.029$, $\eta^2 = 0.029$ when controlling the effect of country. The effects of gender and country were insignificant (p was 0.512 for gender and 0.592 for country).

Self-Acceptance: $F(1;165) = 2.264$, $p = 0.134$, $\eta^2 = 0.014$ when controlling the effect of gender, and $F(1;165) = 1.867$, $p = 0.174$, $\eta^2 = 0.011$ when controlling the effect of country. The effects of gender and country were insignificant (p was 0.148 for gender and 0.501 for country).

Satisfaction with Life: $F(1;165) = 1.432$, $p = 0.233$, $\eta^2 = 0.009$ when controlling the effect of gender, and $F(1;165) = 1.499$, $p = 0.223$, $\eta^2 = 0.009$ when controlling the effect of country. The effects of gender and country were insignificant (p was 0.138 for gender and 0.935 for country).

Positive Affect: $F(1;165) = 1.456$, $p = 0.229$, $\eta^2 = 0.009$ when controlling the effect of gender, and $F(1;165) = 2.615$, $p = 0.108$, $\eta^2 = 0.01$ when controlling the effect of country. The effects of gender and country were insignificant (p was 0.07 for gender and 0.19 for country).

Negative Affect: $F(1;165) = 0.806$, $p = 0.371$, $\eta^2 = 0.005$ when controlling the effect of gender, and $F(1;165) = 0.599$, $p = 0.44$, $\eta^2 = 0.004$ when controlling the effect of country. The effects of gender and country were insignificant (p was 0.732 for gender and 0.929 for country).

Presence of Meaning: $F(1;165) = 3.203$, $p = 0.075$, $\eta^2 = 0.019$ when controlling the effect of gender, and $F(1;165) = 30.004$, $p = 0.085$, $\eta^2 = 0.018$ when controlling the effect of country. The effects of gender was insignificant ($p = 0.759$), but not the effect of country ($F(1;165) = 5.204$, $p = 0.024$).

Search for Meaning: $F(1;165) = 3.768$, $p = 0.054$, $\eta^2 = 0.022$ when controlling the effect of gender, and $F(1;165) = 7$, $p = 0.009$, $\eta^2 = 0.041$ when controlling the effect of country. The effects of gender was insignificant ($p = 0.759$), but not the effect of country ($F(1;165) = 5.173$, $p = 0.024$).

Russians show significantly higher Presence of Meaning, than Ukrainians. The difference in the Search for Meaning is insignificant (Table 2).

Table 2

**Presence of Meaning and Search for Meaning by Countries:
Means and Standard Deviations**

Country	Presence of Meaning			Search for Meaning		
	M	SD	p	M	SD	p
Ukraine	23.11	7.127	0.038	21	7.333	0.301
Russia	26.15	7.833		19.5	7.511	

Conclusions

In contrast to the studies of religiosity in its relation to the psychological wellness, very little is known about secularity and atheism. But people with such views do not form the homogeneous group; they differ in their beliefs and practices, and should be studied with the understanding and respect of their diversity.

Present study partly confirms the hypothesis about the substantial relation between the belief that the world is purely physical and causally closed and the

indicators of the psychological wellness. Naturalists tend to show higher amounts of some psychological wellness indexes, than the non-naturalists. The findings also reveal that, despite the initial hypothesis, the hedonic well-being indexes, like Satisfaction with Life, Positive and Negative Affects, do not differ, whereas some eudaimonic indexes show consistent differences. The integral PWB, Autonomy and Purpose in Life are significantly higher among the naturalistic self-proclaimed atheists, than among their not so confident peers, while the Search for Meaning is significantly lower. The control of the demographical variables of gender and country through ANOVA reveals that the effect of the Autonomy and Purpose in Life relates to the naturalistic views in particular. Probably, eudaimonic indexes are more specific, than hedonic ones. There was also the effect of the country the participants come from – Ukrainians tend to perceive their life as meaningful less, then Russians. This is the collateral result, and it is difficult to make conclusions about it, because the social, economic and political situation in Ukraine and Russia is unstable, and the trends are unclear.

Why might naturalism be associated with higher psychological wellness? According to the previous publications, strong secular beliefs are compatible with strong religious beliefs in helping people overcome their misfortune, e.g. aging problems [Weber et al., 2012]. The results of the present study should be interpreted from the standpoint of the findings and conclusions, mentioned in introduction. As long as the mechanisms of the psychological wellness include a confident and coherent system of views, ontological naturalism may be utilized for this purpose. This theoretical position may be important for atheists inasmuch it offers the philosophical framework for their views.

In sum, although the current research is consistent with the view that the confident and coherent atheistic worldview is positively related with the psychological wellness, it is also consistent with the view that the relationship between the belief's certainty and coherence is curvilinear. The previous conclusion is that both extremely religious and extremely nonreligious individuals may be higher in some psychological wellness indexes.

Nevertheless, some limitations of the study should also be mentioned. The causal direction between the variables remains uncertain. Although it is plausible that the content of beliefs leads to the higher psychological wellness indexes, it is also possible that people with more fulfilled, autonomous and purposeful life focus on the content and coherence of their views more, and therefore hold more strict beliefs. The study also needs replication on the bigger samples in other countries. Russian Federation and Ukraine are the post-soviet countries, and in spite of the huge socio-political changes in Ukraine, this country is not similar to the Western countries yet.

Despite the limitations mentioned above, current research has begun to fill the gap in literature by providing the studies of the differences between the atheists' beliefs and their relationship with their psychological wellness.

References

1. Allport G.W., Ross, J.M. Personal religious orientation and prejudice // Journal of personality and social psychology. 1967. Vol. 5. № 4. P. 432-443. doi: 10.1037/h0021212 1967.
2. Baumeister R.F., Vohs K.D., Aaker J.L., Garbinsky E.N. Some key differences between a happy life and a meaningful life // The Journal of Positive Psychology. 2013. Vol. 8. № 6. P. 505-516. doi: 10.1080/17439760.2013.830764.

3. Beit-Hallahmi B. (2007). Atheists: A psychological profile // *Cambridge Companion to Atheism* / Ed. by M. Martin. New York. Cambridge University Press. 2007. P. 300-318. doi: 10.1017/CCOL0521842700.019.
4. Biswas-Diener R., Kashdan T.B., King L.A. Two traditions of happiness research, not two distinct types of happiness // *The Journal of Positive Psychology*. 2009. Vol. 4. № 3. P. 208-211. doi: 10.1080/17439760902844400.
5. Dawkins R. *The God Delusion*. London. Bantam Press, 2006. 406 p.
6. Delle Fave A., Massimini F., Bassi M. (2011). Hedonism and eudaimonism in positive psychology // Delle Fave A., Massimini F., Bassi M. *Psychological Selection and Optimal Experience Across Cultures: Social Empowerment through Personal Growth*. Vol. 2. pp. 3-18. Netherlands, Dordrecht: Springer Netherlands. doi: 10.1007/978-90-481-9876-4.
7. (Accessed 25 April 2015).
8. Farias M. (2013). The psychology of atheism // *Oxford Handbook of Atheism* / Ed. By S. Bullivant, M. Ruse. UK, Oxford: Oxford University Press. 2013. P. 468-482. doi: 10.1093/oxfordhb/9780199644650.0130.023.
9. Frankl V.E. *Man's search for meaning*. New York: Simon and Schuster, 1985. 221 p.
10. Galen L.W. Does religious belief promote prosociality? A critical examination // *Psychological bulletin*. 2012. Vol. 138. № 5. P. 876-906. doi: 10.1037/a0028418.
11. Henderson L. W., Knight T. Integrating the hedonic and eudaimonic perspectives to more comprehensively understand wellbeing and pathways to wellbeing // *International Journal of Wellbeing*. 2012. Vol. 2. № 3. P. 196-221. doi: 10.5502/ijw.v2i3.3.
12. Hood Jr.R.W., Hill P.C., Spilka B. *Psychology of religion: An empirical approach*. 4th ed. New York: The Guilford Press, 2009. 636 p.
13. Huisman J.M. No invisible means of support: life challenges and the atheistic worldview. Doctoral dissertation, Lincoln University. 2011. Available at: http://researcharchive.lincoln.ac.nz/bitstream/10182/4353/3/huisman_mssc.pdf (Accessed 25 April 2015).
14. Huta V., Ryan R.M. Pursuing pleasure or virtue: The differential and overlapping well-being benefits of hedonic and eudaimonic motives // *Journal of Happiness Studies*. 2010. Vol. 11. № 6. P. 735-762. doi: 10.1007/s10902-009-9171-4.
15. Osin E.N., Leontev D.A. (2013). Aprobatsiya russkoyazyichnyih versiy dvuh shkal ekspressotsenki sub'ektivnogo blagopoluchiya [Approbation of the Russian Versions of two Short Subjective Well-Being Scales]. *Materialyi [Materials]*. 2013. Vol. 111. Available at: <http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ram/ticket/25/1427039619e6a0e9215df48c9eaff06a71bb14b4d7/%Do%9E%D1%81%Do%B8%Do%BD%20%Do%9B%Do%B5%Do%BE%Do%BD%D1%82%D1%8C%Do%B5%Do%B2%202008.pdf> (Accessed 25 April 2015). (in Russian)
16. Osin E.N. Izmerenie pozitivnyih i negativnyih emotsiy: razrabotka russkoyazyichnogo analoga metodiki PANAS [Measurement of the Positive and Negative Emotions: The Development of the Russian Analogue of the PANAS Scale]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Psychology. The Journal of the High School of Economics]*. 2012. Vol. 9. № 4. P. 91-110. (in Russian)
17. Papineau, D., Naturalism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Edited by Zalta E.N. 2009. Available at: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2009/entries/naturalism> (Accessed 25 April 2015).
18. Pigliucci M. New Atheism and the scientific turn in the atheism movement // *Midwest Studies in Philosophy*. 2013. Vol. № 1. P. 142-153. doi: 10.1111/misp.12006.
19. Psychological distress among religious nonbelievers: A systematic review // *Journal of religion and health* / Weber S.R., Pargament K.I., Kunik M.E., Lomax H.J.W., Stanley M.A. 2012. Vol. 51. № 1. P. 72-86. doi: 10.1007/s10943-011-9541-1.
20. Religiosity and Subjective Well-Being: An International Perspective // *Religion and Spirituality Across Cultures* / Tay L., Li M., Myers D., Diener E. Edited by C. Kip-Priest. Netherlands, Dordrecht. Springer Netherlands. 2014. P. 163-175.
21. Ritter R.S., Preston J.L., Hernandez I. Happy tweets: Christians are happier, more socially connected, and less analytical than atheists on Twitter. *Social Psychological and Personality Science*. 2013. doi: 10.1177/1948550613492345.
22. (Accessed 25 April 2015).
23. Schnell T. Dimensions of Secularity (DoS): An Open Inventory to Measure Facets of Secular Identities // *The International Journal for the Psychology of Religion*. 2014. P. 1-45. doi: 10.1080/10508619.2014.967541.

24. Scientific faith: belief in science increases in the face of stress and existential anxiety // *Journal of experimental social psychology* / Farias M., Newheiser A.K., Kahane, G. de Toledo Z. 2013. Vol. 49. № 6. P. 1210-1213. doi: 10.1016/j.jesp.2013.05.008.

25. Shevelenkova T.D., Fesenko P.P. Psihologicheskoe blagopoluchie lichnosti (obzor osnovnykh kontseptsii i metodika issledovaniya) [The Psychological Well-Being of Personality (the review of the main concepts and measures)]. *Psihologicheskaya diagnostika* [Psychological Diagnostics]. 2005. Vol. 3. P. 95-130. (in Russian).

26. The satisfaction with life scale // *Journal of personality assessment* / Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. 1985. Vol. 49. № 1. P. 71-75. doi: 10.1207/s15327752jpa4901_13.

27. The Meaning in Life Questionnaire: Assessing the Presence of and Search for Meaning in Life // *Journal of Counseling Psychology* / Steger M.F., Frazier P., Oishi S., Kaler M. 2006. Vol. 53. № 1. P. 80-93. doi: 10.1037/0022-0167.53.1.80.

28. Watson D., Clark L.A., Tellegen A. Development and validation of brief measures of positive and negative affect: the PANAS scales // *Journal of personality and social psychology*. 1988. Vol. 54. № 6. P. 1063-1070. Available at: <http://www.cnbc.pt/jpmatos/28.Watson.pdf> (Accessed 25 April 2015).

29. Why religion's burdens are light: From religiosity to implicit self-regulation // *Personality and Social Psychology Review* / Koole S.L., McCullough M.E., Kuhl J., Roelofsma P.H.M.P. 2010. Vol. 14. P. 95-107. doi: 10.1177/1088868309351109.

30. Zuckerman P. Atheism, Secularity, and Well-Being: How the Findings of Social Science Counter Negative Stereotypes and Assumptions // *Sociology Compass*. 2009. Vol. 3. № 6. P. 949-971. doi: 10.1111/j.1751-9020.2009.00247.x.

31. Zuckerman P. Faith no more: Why people reject religion. NY, Oxford University Press, 2011. 240 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Ахметзянова А.И.** – кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора по научной деятельности Казанского федерального университета, заведующий кафедрой специальной психологии и коррекционной педагогики
- Багана Ж.** – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ»
- Глевкая Н.В.** – старший преподаватель Международного института бизнес-образования
- Золотухина Ю.В.** – аспирант кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии ГБОУ ВПО Курский государственный медицинский университет Минздрава России
- Кузнецова А.А.** – старший преподаватель кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии ГБОУ ВПО Курский государственный медицинский университет Минздрава России
- Кузьмина О.В.** – доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ», кандидат филологических наук
- Ломоносова Ю.В.** – доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Меринов В.Ю.** – доцент кафедры журналистики факультета журналистики НИУ «БелГУ», кандидат философских наук
- Мирошниценко Н.С.** – ассистент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ»
- Моисеева С.А.** – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого и французского языков педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Нагорный И.А.** – профессор кафедры филологии историко-филологического факультета НИУ «БелГУ», доктор филологических наук
- Никишина В.Б.** – доктор психологических наук профессор, зав.кафедрой психологии здоровья и коррекционной психологии ГБОУ ВПО Курский государственный медицинский университет Минздрава России

-
Пастухов А.Г.	– кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Орловского государственного института искусств и культуры
Погорелова О.С.	– аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета
Пристинская Т.М.	– доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ», кандидат филологических наук
Разуваева Т.Н.	– доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и клинической психологии НИУ БелГУ
Световой Д.В.	– студент факультета информационных технологий и прикладной математики института инженерных технологий и естественных наук НИУ «БелГУ»
Сердюкова Е.Ф.	– старший преподаватель кафедры педагогики и психологии Чеченского государственного университета
Сироткин С.А.	– кандидат медицинских наук, начальник федерального казенного учреждения здравоохранения «Медико-санитарная часть МВД России по Курской области»
Соболева Т.Е.	– доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
Старкова Г.И.	– кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела и книговедения Удмуртского государственного университета
Ухналёва Е.А.	– аспирант кафедры немецкого и французского языков педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета.
Харченко В.К.	– заведующая кафедрой филологии Педагогического института НИУ «БелГУ», профессор, доктор филологических наук
Черкашина А.А.	– доцент кафедры журналистики факультета журналистики НИУ «БелГУ», кандидат филологических наук
Шевченко Е.А.	– магистр психологии, ассистент кафедры общей и клинической психологии НИУ БелГУ
Ягияев И.И.	– аспирант кафедры психологии Киевского национального университета им. Т.Г. Шевченко
Яровая Е.Ю.	– соискатель кафедры немецкого и французского языков педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Ф. СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал <div>81470</div> <i>Научные ведомости БелГУ.</i> <i>Серия Гуманитарные науки</i> (наименование издания)											
	Количество комплектов										1	
	на 2015 год по месяцам											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
			X			X			X			X
	Куда											
	(почтовый индекс)				(адрес)							
	Кому											
	(фамилия, инициалы)								Тел.			

	ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА											
	ПВ		ме-сто		ли-тер		на журнал		<div>81470</div>		индекс издания	
	<i>Научные ведомости БелГУ.</i> <i>Серия Гуманитарные науки</i> (наименование издания)											
	Стои-мость	подписки		руб.				коп.		Кол-во комплек-тов	1	
		переад-ресовки		руб.				коп.				
	на 2015 год по месяцам											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
			X			X			X			X
	Куда											
	(почтовый индекс)				(адрес)							
Кому												
(фамилия, инициалы)												